

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Страны и народы»

М.В. Агбунов

Античная лоция Черного моря

Ответственные редакторы:
Доктор исторических наук
И.Т. КРУГЛИКОВА
Доктор географических наук
Н.А. ХОТИНСКИЙ

**Москва «Наука»
1987**

ББК 63.2

А 87 УДК 913.1 (262.5)

Рецензенты:

Член-корреспондент АН СССР А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ
доктор исторических наук Г. А. КОШЕЛЕНКО
кандидат исторических наук А. В. ПОДОСИНОВ

Агбунов М. В.

А 87 Античная лоция Черного моря.— М.: Наука, 1987.— 156 с. (Серия «Страны и народы»).

Книга посвящена интересным и загадочным вопросам античной географии Черного моря (Понта Эвксинского). Читатель познакомится с геологической историей Черного моря, с важными географическими изменениями, происшедшими за последние 2,5 тыс. лет, и узнает, как море интенсивно наступает на сушу и меняет контуры берегов. Эти изменения породили множество географических загадок, которые ученые пытаются разгадать, основываясь на результатах комплексных палеогеографических и историко-археологических исследований.

Для широкого круга читателей.

© Издательство «Наука», 1987 г.

OCR и вычитка – Aspar, 2010. Нумерация сносок в каждой главе соответствует оригиналу

Содержание

Предисловие
Введение
Открытие Понта Эвксинского
От святилища Зевса Урия к Трапезунту
Путешествие Арриана
Боспор Киммерийский
Херсонес Таврической

От Борисфена к Истру
 Священный остров Ахилла
 Вдоль фракийских берегов
 Заключение
 Список сокращений

Предисловие

Предлагаемая читателю книга посвящена интереснейшему географическому произведению античного времени — «Периплу Понта Эвксинского», который был составлен во II в. на основе более ранних источников известным римским писателем и государственным деятелем Флавием Аррианом. Это одна из древнейших лоций Черного моря. Само слово «перипл» в переводе с древнегреческого означает «плавание вокруг». В этой книге мы и совершим путешествие вокруг Черного моря, которое в древности называли Понтом Эвксинским, т. е. Гостеприимным морем.

При ознакомлении с геологической историей Черного моря, с палеогеографическими изменениями, произошедшими здесь за последние тысячелетия как под воздействием естественных природных факторов, так и в результате активного вмешательства человека, мы видим, что уровень моря испытывал колебания, в результате чего отступали берега, исчезали одни острова, появлялись другие, перемещались русла и устья рек, образовывались лиманы и заливы, становились несудоходными и отмирали важные порты, менялись природные условия.

Происшедшие изменения стали одной из причин того, что многие вопросы античной географии Причерноморья долгое время вызывали оживленные споры и дискуссии. Наиболее запутанные проблемы долгое время оставались невыясненными.

Решение всех этих проблем стало возможным лишь в последние десятилетия, когда на Черном море широко развернулись комплексные исследования геологов, палеогеографов, историков, археологов, палеонтологов, палео-климатологов и других специалистов. Совместные работы упомянутых специалистов дают удивительные результаты. Стали понятными многие загадочные и на первый взгляд противоречивые сведения античных географов, имеющиеся в них несоответствия и расхождения в расстояниях. Большинство из них объясняется, как правило, не ошибками древних авторов, а происшедшими палео-географическими изменениями.

Комплексный подход открыл новые возможности для построения более точных палеогеографических реконструкций, которые подтверждаются картографическими и археологическими данными.

Особую ценность приобретают средневековые морские компасные карты, так называемые портоланы. На них отражено положение древней береговой линии, которая в средние века во многих деталях еще была аналогична конфигурации античного времени.

Согласно полученным палеогеографическим реконструкциям, почти на всем побережье море за последние два тысячелетия довольно интенсивно наступает на сушу. В результате за прошедшие столетия во многих местах уничтожена значительная полоса берега — от нескольких десятков метров до километра и более. Поэтому прибрежная часть многих античных городов и поселений оказалась под водой. А некоторые населенные пункты затоплены полностью. Для их поисков проводятся целенаправленные подводные археологические исследования. Так с помощью водолазов и аквалангистов найдены некоторые «исчезнувшие» города и поселения, гавани и острова, которые упоминаются в произведениях античных авторов.

В основу этой книги положены результаты комплексных исследований, проводимых автором в последнее десятилетие. Автор благодарит своих коллег и товарищей по работе за всестороннюю помощь в этих изысканиях и содействие в

написании предлагаемой книги. На вклейке даны фото автора, а также В. А. Суетина, которому автор приносит свою глубокую признательность.

При цитировании отрывков из произведений древних авторов ссылки даются по общепринятой системе. Римскими цифрами указана книга, арабскими — глава, параграф. В конце книги дан список сокращений основных литературных источников.

Введение

Из всех морей оно по своей природе самое удивительное.
Геродот

Черное море издавна привлекало внимание древнегреческих мореплавателей. Первыми в него вошли, согласно преданию, аргонавты. Со временем эпизодические плавания стали более регулярными. В VIII в. до н. э. началась так называемая Великая греческая колонизация, которая вовлекла в свою орбиту и черноморский бассейн. В VIII—VI вв. до н. э. здесь появились десятки древнегреческих городов и поселений. Они просуществовали около тысячи лет в тесном взаимодействии с местными племенами и оставили заметный след в истории Причерноморья.

Одним из центров переселенческого движения был город Милет, крупный экономический и культурный центр на малоазиатском побережье, ставший метрополией многих понтийских городов. Отважные мореплаватели пускались в далекие рискованные плавания в поисках новых земель, источников сырья, рынков сбыта. Постепенно они освоили суровое для них по сравнению со Средиземноморьем Черное море, которое на первых порах называли Понтом Аксинским (Негостеприимное море), а затем переименовали в Понт Эвксинский (Гостеприимное море).

Так черноморское, побережье нашей страны стало одним из оживленных регионов античного мира и тогдашней ойкумены вообще. Осваивали его постепенно, в несколько этапов. После того как в 657/656 г. до н. э. в устье Истра (Дуная) на территории современной Румынии возник город Истрия, началось освоение древними греками побережья Скифии, раскинувшейся от Истра до Танаиса (Дона). В 645/644 г. до н. э. греки обосновались в устье таких крупных водных артерий, как Борисфен (Днепр) и Гипанис (Южный Буг). Это наиболее раннее на территории нашей страны древнегреческое поселение расположено недалеко от устья Днепро-Бугского

Рис. 1. Понт Эвксинский

лимана на современном о-ве Березань. Затем, видимо, на рубеже VII—VI вв. до н. э. на правом берегу Бугского лимана у современного с. Парутино появился город Ольвия,

что в переводе означает «Счастливая». В течение VI в. до н. э. Северное и Восточное Причерноморье покрылось густой цепью древнегреческих городов и поселений. В низовьях Тираса (Днестра) возникли Офиусса, Никоний, на месте современной Евпатории — Керкинитида, на территории современного Севастополя — небольшое поселение на месте будущего Херсонеса, в глубине Феодосийского залива — Феодосия, сохранившая свое название до сих пор. Множество городов появилось на берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива): на месте Керчи — Пантикапей, столица будущего Боспорского царства, несколько севернее ее — Мирмекий, Порфмий, а южнее — Тиритака, у соврем. с. Героевка — Нимфей. Эти города расположены на европейской стороне пролива, который в древности считался границей между Европой и Азией. На азиатской стороне Боспора у теперешней станицы Сенной были основаны Фанагория и Кены, на месте современной Тамани — Гермонасса. В Восточном Причерноморье, там, где сейчас расположен г. Потти появился Фасис, основанный в устье одноименной реки (соврем. Риони), а в Сухумской бухте — Диоскуриада.

Каждый из античных городов Причерноморья прошел свой, неповторимый путь исторического развития. Но все-таки в целом их история имеет много общего. Эти города существовали в плотном окружении местных племен, и их история — это в основном история взаимоотношений греков и варваров (так греки называли все иные народы и племена). А эти отношения на протяжении веков, разумеется, не были стабильными. Мирные времена чередовались с военными столкновениями, равноправное сосуществование — с различными формами военно-политической и экономической зависимости античных городов от местного населения.

В своей повседневной жизни на новом месте греки занимались привычными делами: земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, различными ремеслами. Большое место занимала торговля с местными племенами и средиземноморскими центрами. Из Греции везли дорогую посуду, различные украшения, предметы роскоши, вино, оливковое масло, пряности в обмен на хлеб, в котором постоянно ощущалась острая нехватка, соленую рыбу, различное сельскохозяйственное сырье и другие товары.

Стоявшие перед переселенцами задачи во многом определяли и выбор места для основания города. При этом в первую очередь учитывались обычно следующие необходимые факторы: 1) удобная для гавани бухта; 2) торговые пути в глубинные районы; 3) плодородные земли; 4) источники питьевой воды; 5) возвышенное место с учетом оборонительных возможностей; 6) строительный материал; 7) природные ресурсы и др. Выгодное географическое положение во многом определяло дальнейшее развитие города. А такое выгодное положение давала совокупность перечисленных факторов в том или ином порядке в зависимости от каждого конкретного случая.

Читатель не найдет здесь последовательного изложения истории античных городов Причерноморья. Такой огромный и ответственный труд не входит в задачу автора. Цель этой книги гораздо скромнее — ознакомить читателя с периплом Арриана, с наиболее интересными вопросами античной географии Черного моря, с расположением упоминаемых в перипле городов и поселений, гаваней и островов и с основными проблемами их историко-географического изучения.

При этом основное внимание уделяется черноморскому побережью нашей страны.

С освоением Понта Эвксинского этим районом стали интересоваться античные географы и историки, оставившие нам ценнейшие описания этого бассейна. Эти описания рассказывают о самом море, его побережье, островах, впадающих в него реках, называют существовавшие здесь античные города и поселения, гавани и якорные стоянки, упоминают о местных племенах, их истории, быте, нравах. Это «История» Геродота, перилл Псевдо-Скилака, перизгеса Псевдо-Скимна, «География» Страбона, «Естественная история» Плиния Старшего, «Описание населенной земли» Дионисия, «Географическое руководство» Клавдия Птолемея и другие произведения. Особое место среди них занимает перипл Арриана. В 134 г., будучи правителем Каппадокии, одной из провинций

Римской империи на южном берегу Черного моря, он совершил плавание от Трапезунта (соврем. Трабзон на территории Турции) до Диоскуриады—Себастополиса. Отчет императору Адриану об этой поездке мореплавателем составлен в виде перипла, написанного как на основе личных впечатлений, так и с привлечением других источников¹. Это произведение дошло до нас в единственной рукописи X в. (Палатинская рукопись и ее Лондонская копия XIV—XV вв.). Но эта Палатинско-Лондонская редакция перипла оказалась, как мы увидим далее, далеко не полной.

Ознакомимся вкратце с биографией Арриана. Его полное имя — Квинт Эппий Флавий Арриан. Родился он около 90—95 г. в Малой Азии, в богатой римской провинции Вифинии, в городе Никомедия. Получил блестящее образование, владел греческим и латинским языками, занимался риторикой, философией, военным делом. Он быстро продвинулся по служебной лестнице, стал сенатором. Где-то в 121—124 гг. получил звание консула. В 131—137 гг. в качестве личного легата императора Адриана управлял Каппадокией, одной из важных римских провинций в Малой Азии. Позже Арриан отошел от государственных и военных дел и посвятил себя литературной деятельности. В 147 г. он был избран в качестве архонта-эпонима (одного из высших должностных лиц) в Афинах. Известно также, что в Никомедии Арриан был избран жрецом богинь подземного царства Деметры и Персефоны. Дальнейший его жизненный путь остается неизвестным.

Как писатель Арриан известен в первую очередь своим основным произведением «Поход Александра», в котором описывает путь Александра Македонского в Индию. Кроме того, известны не дошедшие до нас его капитальные труды «История Вифинии», «История парфян». Важное место в творческом наследии Арриана занимает «Перипл Понта Эвксинского».

Следует остановиться на еще одном перипле Понта Эвксинского, который долгое время приписывался Арриану. Потом исследователи пришли к выводу, что не Арриан является его автором, и стали называть это произведение периплом Псевдо-Арриана или периплом Анонимного автора². В его основе лежит перипл Арриана (сохранилось даже обращение к императору Адриану) с добавлением отрывков из произведений Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Мениппа и других авторов. Составлен он, как считают ученые, в эпоху Византии в V или VI в. Составитель почти без изменений повторил сведения Арриана и других источников, добавил лишь некоторые современные ему названия и все расстояния, которые были даны в стадиях, перевел в мили, пользуясь принятым в византийское время стандартом: 1 миля = 7,5 стадиев.

Сведения периплов Арриана и Анонимного автора являются важнейшими источниками для изучения многих вопросов античной географии и истории Причерноморья. Работа с периплами очень интересна, но вместе с тем крайне сложна. Эти источники привлекают пристальное внимание исследователей на протяжении уже более четырех столетий. На первых же порах ученые то и дело сталкивались с серьезными трудностями: современная береговая линия не соответствовала древним описаниям, не совпадали некоторые расстояния, в ряде мест отсутствовали указываемые в периплах города и поселения, возникали противоречия между письменными и археологическими данными и т. д. Одна из основных сложностей связана с вопросами о структуре перипла Арриана, его источниках и их датировке. Одни исследователи считали, что все сведения, кроме описания побережья от Трапезунта до Диоскуриады—Себастополиса, добавлены византийским автором, другие отрицали это, полагая, что Палатинско-Лондонская редакция перипла целиком принадлежит Арриану. А П. О. Карышковский пришел к вы-

¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боепор. Л., 1925. С. 63 и след.

² Подробнее см.: Скржинская М. В. «Перипл Понта Эвксинского» Анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115 и след.

о междуречье Днестра и Дуная с более полным описанием Анонимного автора, ученый отмечает: «Отвергая взгляд на перипл Арриана как на сочинение, в котором все, кроме описания побережья между Трапезунтом и Севастополем (Диоскуриадой), является добавлением византийского времени, мы не можем отрешиться от впечатления, что как раз при описании Северо-Западного Причерноморья рука византийского редактора весьма ощутима»³.

Много дискуссий вызывал также вопрос об источниках и датировке сведений Арриана. Большинство исследователей считало, что приведенные в перипле данные собраны самим Аррианом и относятся соответственно ко времени его жизни. Но дальнейшие исследования показали, что отмечаемые в перипле некоторые исторические события и военно-политические ситуации не могли иметь место в начале II в. Такие события, как заброшенность Феодосии, упадок гавани Афинеон, переход Лампады и гавани Символов к таврам, а Калос-Лимена — к скифам, ученые относят к более раннему времени — ко второй половине II в. до н. э.⁴ К этому же периоду П. О. Карышковский относит пример с городом Тирой: во времена Арриана Тира была довольно крупным городом, чеканила свою монету и не могла быть отнесена к числу пустынных и безымянных местностей.

Чрезвычайно важен и вопрос о датировке и происхождении сведений Анонимного автора о Северо-Западном Причерноморье, которые отсутствуют у Арриана. Анализируя эти отрывки, М. И. Ростовцев убедительно отверг мнение К. Мюллера, относившего их к периплу Мениппа, и показал, что они взяты из более раннего перипла IV — начала III в. до н. э., автором которого был, возможно, Эратосфен, крупнейший античный географ⁵.

Таковы в общих чертах основные источниковедческие проблемы изучения перипла Арриана и в известной мере связанного с ним перипла Анонимного автора. Эти проблемы сводятся в основном к следующим вопросам.

1. Какие источники лежат в основе перипла Арриана?
2. К какому времени относятся эти источники?
3. Почему некоторые районы, например Боспор Киммерийский, Северо-Западное Причерноморье, описаны Аррианом довольно скудно?
4. Откуда Анонимный автор взял отсутствующие у Арриана отрывки о Боспоре Киммерийском, Северо-Западном Причерноморье и других районах?
5. Каким временем датируются эти отрывки?

Конкретных историко-географических вопросов, связанных с упоминаемыми в перипле объектами, накопилось довольно много. Они связаны в основном с поисками указанных географом городов и поселений, гаваней и якорных стоянок, рек и островов, с локализацией местных племен, с трактовкой тех или иных исторических и военно-политических событий и т. д.

При решении всех этих вопросов главная задача состояла в детальном, всестороннем изучении и сопоставительном анализе сведений Арриана и Анонимного автора. Проведенные исследования привели к следующим выводам и заключениям.

Перипл Арриана дошел до нас не полностью. Об этом свидетельствуют, как мы увидим далее, приводимые Прокопием Кесарийским и Львом Дьяконом со ссылкой на перипл Арриана сведения, которые отсутствуют в рассматриваемом тексте.

Арриан значительно сокращал свой источник — перипл более раннего времени. Это наглядно показывают более полные параллельные отрывки из перипла Анонимного автора, посвященные Северо-Западному Причерноморью, побережью Боспора

³ Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. 1966. Вып. 5. С. 153.

⁴ Там же. С. 152—153. Эту же дату допускал и М. И. Ростовцев в книге «Скифия и Боспор» (с. 68, примеч. 1), отдавший все же предпочтение другому периоду, а именно — концу I в. (с. 67), предполагая отсюда, что Арриан описал Северное Причерноморье «на основании собранных им сведений у лиц, лично знакомых с современным состоянием интересовавших Арриана местностей» (с. 68).

⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 69—73.

Киммерийского и другим отдельным районам. Здесь полностью совпадают приводимые расстояния, аналогичный стиль изложения, уровень подачи информации и многие, казалось бы незначительные, но весьма показательные детали. Все это было бы невозможным при компиляции разных источников. Яркое свидетельство тому — обилие у Анонимного автора резко бросающихся в глаза, абсолютно не связанных с общим изложением ни по стилю, ни по уровню информативности, ни даже по направлению описания с востока на запад дополнений и вставок, взятых из сочинений Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна и других античных географов.

Отсюда следует, что все сведения перипла Анонимного автора, которые отсутствуют у Арриана и других указанных географов, взяты не из какого-то неизвестного источника, как принято считать, а из того же перипла, который использовал и сократил Арриан.

Таким образом, перипл Анонимного автора в основе своей состоит из текста Арриана, дополненного отрывками Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна. Это географическое сочинение не могло быть составлено в ранневизантийское время, как принято считать. Этому противоречит, во-первых, само название «Перипл Эвксинского Понта обоих материков или местностей по берегам Азии и по берегам Европы в таком порядке: перипл Вифинии припонтий-ской; перипл Пафлагонии; перипл двух Понтов; перипл европейских частей Понта Эвксинского». Здесь по сути дела названы причерноморские провинции Римской империи. А в VI в. эти провинции, как и сама империя, давно уже не существовали. И никому не пришло бы в голову называть так свое географическое сочинение.

Во-вторых, никто не стал бы так детально и скрупулезно указывать давно не существовавшие города и поселения, приводить никому уже не нужные расстояния между этими древними развалинами и тем более какие-либо конкретные сведения, например рекомендовать мореплавателям давно уже разрушенную гавань или непригодную якорную стоянку. В-третьих, все изложение перипла пронизано духом античного времени: везде фигурируют реальные города и поселения, гавани и острова, якорные стоянки и другие географические объекты, которые необходимы мореплавателю именно теперь; ведь для этого, собственно, и предназначен сам перипл. В-четвертых, и само название перипла и весь дух описания характерны именно для времени Арриана. В-пятых, в тексте имеются и обращения к императору Адриану, и упоминание в настоящем времени царей, получивших от него власть, и целый ряд других конкретных фактов и деталей того периода. И главное — в нескольких местах повествование ведется от имени самого Арриана. Ведь византийский автор ни в коем случае не оставил бы все это в таком виде.

Итак, все изложенные здесь факты и соображения приводят к убеждению, что географическое сочинение, называемое периплом Анонимного автора, не что иное, как тот же перипл Арриана, расширенный и дополненный самим автором. Этот текст действительно побывал в руках византийского географа. Но он лишь перевел стадии в мили, так как в его время уже не пользовались стадиями, и привел некоторые современные ему названия.

Следовательно, рукописи, известные как перипл Арриана и перипл Анонимного автора, — не два разных произведения, а краткая и расширенная редакции одного и того же сочинения — перипла Арриана. Краткая редакция была оформлена как официальный отчет императору Адриану и посвящена ему. Затем Арриан переработал свое сочинение, расширил и дополнил его другими источниками.

Такие случаи известны и неудивительны. К примеру можно отметить существование двух редакций, одной — краткой, другой — более подробной, сочинения известного средневекового географа Плано Карпини. В этой связи он пишет следующее: «Поэтому пусть никто не удивляется, найдя эту рукопись более подробной и более

исправной, чем все остальные, так как с тех пор, как я приобрел некоторый досуг, я пополнил, исправил и отделал ее в тех частях, где она была неполна»⁶.

В основе перипла Арриана лежит, как уже говорилось, перипл, относящийся ко времени не позднее III в. до н. э., вероятнее всего к концу IV — началу III в. до н. э. Разумеется, при этом отдельные сведения могут относиться и относиться, как отмечалось, к более раннему или более позднему времени. Кроме того, часть данных датируется временем самого Арриана и других его источников — Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна[^] и других географов. Имя автора этого перипла не сохранилось. И уверенно назвать его имя мы не можем. Его периплом пользовались, как уже говорилось, Страбон и другие географы.

Таким образом, имеющиеся данные дают достаточно, на мой взгляд, оснований для того, чтобы считать так называемый перипл Анонимного автора расширенной редакцией перипла Арриана. Разумеется, этот вопрос требует дальнейшего изучения и дополнительной аргументации. Но и на сегодняшнем этапе разработки он представляется мне вполне убедительным. Поэтому в последующих главах для более ясного изложения рассматриваемых проблем перипл Арриана будет именоваться к р а т к и м периплом, а так называемый перипл Анонимного автора — п о л н ы м периплом.

Остановимся еще на одном вопросе. На протяжении нескольких столетий ученые пытались решить одну из главных задач — определить местоположение указанных в перипле населенных пунктов, отыскать их на местности и отождествить с известными городищами, поселениями и другими объектами. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Местоположения таких крупных городов, как, например, Ольвия, Херсонес, Пантикапей и др., удалось установить без особых трудностей. Их величественные руины были известны издавна, а найденные там монеты и мраморные плиты с надписями подтвердили правильность отождествления указанных городов. Гораздо труднее обстояло дело с небольшими населенными пунктами. Развалины этих пунктов особенно не выделяются среди других, безымянных поселений. Своей монеты они, как правило, не чеканили, надписи здесь встречаются редко, поэтому надежды на какую-либо находку, которая подтвердила бы название небольшого города или деревни, остаются небольшими. Поэтому основными, а порой и единственными данными для таких локализаций являются сведения перипла о расстояниях между упоминаемыми пунктами. Но и здесь исследователей ждали большие трудности.

Во-первых, неясно было, каким именно стадием были измерены приводимые в перипле расстояния. Дело в том, что в Греции было несколько различных по величине стадиев. Каким же из них пользовался составитель перипла? Исследователи определяли длину его стадия самым различным образом: 157,7 м, 178 м, 185 м, 197 м, 200 м. В последние годы многие ученые отдают предпочтение стадию в 197 м. Эта цифра получена из сведений Анонимного автора, который повторяет взятые у Арриана расстояния в стадиях и тут же дает их пересчет в мили, например: «от города Пантикапея до Киммерика 240 стадиев, 32 мили» (§ 76). Из этого соотношения получается, что 7,5 стадиев равны 1 миле, т. е. 1480 м. Отсюда следует, что стадий равен 197 м. Но к единому мнению исследователи не пришли. А использование различных стадиев при расчетах приводило, разумеется, к значительным расхождениям. Такой разнобой в расстояниях порождал множество различных точек зрения. Дело доходило до того, что один и тот же пункт искали в пяти-шести, а то и десяти разных местах. Поэтому попытаемся решить вопрос о стадии Арриана. Расчеты, основанные на соотношении стадия и мили, просты, надежны и возражений по существу, разумеется, не могут вызвать. Ведь указанное соотношение подтверждается и прямым указанием источников. Например, в схолиях к «Землеописанию» Дионисия ясно сказано: «Стадий имеет длину, равную гипподрому. Семь с половиной стадиев составляют одну милю» (§ 718, ВДИ, 1948, № 1, с. 261).

⁶ Джованни дель Пано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 9.

Казалось бы, вопрос ясен: стадий Арриана равен 197 м. Но при таком пересчете абсолютно все указанные в перипле расстояния между известными, твердо локализованными городами оказываются намного больше действительных. Как же тут быть?

Пришлось пойти по другому пути: проделать расчеты расстояний между твердо локализованными населенными пунктами, упоминаемыми в перипле. Для большей точности были взяты сравнительно небольшие отрезки пути. Все измерения были проведены по крупномасштабным картам и сверены с данными современных лоций. Расчеты охватывают практически все черноморское побережье. Полученные результаты показали, что стадий Арриана равен примерно 157 м⁷. Иными словами, здесь использован стадий Эратосфена. В этом нет ничего удивительного, так как в основе перипла, как мы увидим далее, лежат материалы, относящиеся именно к эратосфеновскому времени. Напомню также предположение М. И. Ростовцева о том, что при описании Северо-Западного Причерноморья использованы данные, возможно, самого Эратосфена.

Итак, имеющиеся данные не оставляют никаких сомнений в том, что стадий Арриана равен 157 м. А византийский редактор просто перевел имеющиеся стадии в мили по принятому в тот период стандарту 7,5:1 (а не 8:1, как обычно считалось в античное время) и этим «удлинил» указанные расстояния. Его параллельные цифры в милях и вводят в заблуждение некоторых исследователей до сих пор. Однако мы не должны принимать во внимание этот пересчет стадий в мили. Здесь следует пересчитывать только стадии в километры.

Во-вторых, обнаружилось несоответствия в расстояниях между данными Арриана и других античных географов. Например, башня Неоптолема в полном перипле указана в 120 стадиях западнее устья Тиры (§ 89), а Страбон помещает ее «при устье Тиры» (VII, 3, 16).

Город Никоний находился по данным полного перипла в 30 стадиях от судоходной реки Тиры (§ 87), а по сведениям Страбона — в 140 стадиях выше устья Тиры (VII, 3, 16). Арриан указывает пять устьев Истра, тогда как другие географы называют шесть-семь устьев. Эти и другие несоответствия, расхождения и противоречия, список которых легко продолжить, существенно затрудняли работу с источниками. В таких случаях перед учеными вставал традиционный вопрос: кто из древних географов прав, а кто ошибся? Чьим сведениям следует отдавать предпочтение? Такой подход подрывал авторитет античных писателей, вызывал недоверие к их трудам и значительно осложнял решение многих проблем античной географии и истории Причерноморья.

В-третьих, в некоторых случаях сведения периплов не подтверждались исследованиями на местности: в тех местах, где, согласно приведенным расстояниям, должен был находиться тот или иной населенный пункт, не было никаких следов его существования. Это ставило под сомнение данные источников, укрепляло недоверие к ним и затрудняло и без того сложную работу над периплом.

Коренной перелом в решении рассматриваемых проблем наметился в последние десятилетия, когда в Причерноморье широко развернулись комплексные исследования геологов, палеогеографов, историков, археологов, палеонтологов, палеоботаников, палеоклиматологов и других специалистов. Важное место в этих совместных разработках заняли палеогеографические данные. Именно палеогеография дала ключ к решению многих сложных, крайне запутанных и, казалось бы, неразрешимых вопросов.

Палеогеографами твердо установлено, что в античное время в период так называемой фанаторийской регрессии уровень Черного моря был ниже современного как минимум на 5 м⁸. Свое название эта регрессия получила от имени античного города Фанатория, где в результате подводных работ под руководством В. Д. Блаватского были обследованы затопленные сооружения, наглядно свидетельствующие о более низком

⁷ *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 52—54.

⁸ *Федоров П. В.* Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М., 1982. С. 154.

уровне моря в V—III вв. до и. э. Затем началось повышение моря — нимфейская трансгрессия (названная по имени города Нимфей).

К середине I тысячелетия уровень моря, видимо, приблизился к современному. В XIV—XV вв. вновь последовала регрессия, получившая название корсуньской по имени средневекового Корсуня (античный Херсонес, соврем. Севастополь). После этой регрессии началось новое повышение уровня моря, продолжающееся и в настоящее время. Эти колебания уровня моря, связанные с изменением уровня Мирового океана, тектоникой, увлажненностью материка и другими факторами, были одной из основных причин многих палеогеографических изменений, которые произошли на черноморском побережье за последние 2,5 тыс. лет.

Как выясняется, при более низком уровне моря в период фанагорийской регрессии береговая линия в деталях выглядела иначе. Древний берег проходил мористее от нескольких десятков до нескольких сот метров. Лиманы и небольшие заливы были значительно уже и мелководнее. А некоторые из них тогда не существовали вообще. Реки были намного полноводнее. Климат был, видимо, мягче. В низовьях рек и лиманов раскинулись густые леса и перелески, богатые дичью.

В ходе нимфейской трансгрессии море затопило прибрежные низины, устья рек. Берег отступил и в деталях изменил свою конфигурацию. Образовались ранее не существовавшие лиманы, заливы. Исчезли одни острова, появились другие. Под воздействием многих факторов перемещались устья рек, основные русла, обмелели и стали несудоходными одни рукава, другие превратились в более полноводные. Море затопило и разрушило прибрежную часть суши. И поэтому немало античных городов и поселений частично или полностью оказалось под водой.

Эти и другие палеогеографические изменения и стали одной из основных причин многих расхождений в расстояниях и несоответствий между сведениями античных географов и современными данными. Например, башня Неоптолема указана Страбоном при устье Тиры, а Аррианом — в 120 стадиях западнее устья не потому, что один из географов якобы ошибся. Дело в том, что за время, которое отделяет эти источники, устье Тиры переместилось примерно на 20 км восточнее. И башня Неоптолема, находившаяся ранее при устье Тиры, оказалась теперь в 120 стадиях западнее. Оба древних автора указывают ее в одном и том же месте, хотя на первый взгляд здесь явное расхождение. А в тех случаях, например, когда в указанном источнике месте нет никаких следов упоминаемого населенного пункта, дело опять-таки не в ошибке географа, а в происшедших палеогеографических изменениях. Этот пункт, надо полагать, разрушен морем, и искать его следы мы должны не на суше, а под водой, там, где в античное время проходила береговая линия. В результате подводных исследований с помощью аквалангистов и водолазов найдены уже десятки затопленных морем античных населенных пунктов.

Таким образом, комплексные исследования показывают, что сведения античных географов заслуживают гораздо большего доверия и внимания. А имеющиеся в них неясности, расхождения, противоречия, несоответствия в расстояниях в большинстве случаев объясняются не ошибками источников, а происшедшими палеогеографическими изменениями черноморского побережья и другими объективными причинами.

Под этим углом зрения и будет рассмотрен перипл Арриана. Перевод перипла и других античных трудов дается по известному сборнику В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» (СПб., 1893—1906; переиздание см.: ВДИ, 1947-1949, № 1-4), а также по новейшим отдельным изданиям произведений Геродота, Страбона, Плиния и др.

Разумеется, не все изложенное здесь аргументировано с достаточной полнотой и окончательно доказано. Некоторые положения пока еще остаются гипотезами. Будем надеяться, что дальнейшие комплексные работы на стыке естественных и гуманитарных

наук дадут новые результаты, которые позволят окончательно решить или продвинуть решение многих интересных проблем античной географии Причерноморья.

Открытие Понта Эвксинского

Черное море — одно из интереснейших морей как в геологическом, так и в историко-географическом плане. Это, как известно, внутреннее море. На западе его ограничивает Балканский полуостров, на севере — Восточно-Европейская равнина, на востоке — Кавказское побережье и Колхидская низменность, на юге — побережье Малой Азии. Пролив Босфор соединяет Черное море с Мраморным, которое в свою очередь через пролив Дарданеллы соединяется со Средиземным морем.

Береговая линия Черного моря, по данным современной лоции, равна 4090 км. Наибольшая длина по параллели 42°30' от вершины Бургасского залива до кавказского берега севернее Поти 1130 км. А наибольшая ширина по меридиану между Очаковым и Эргли 610 км. Площадь его составляет 420325 км², а вместе с Азовским морем — 462000 км². Средняя глубина 1271 м, максимальная — 2245 м. Береговая линия изрезана слабо. Островов и полуостровов мало.

В рельефе морского дна выделяются три основные формы — шельф, материковый склон и глубоководная котловина¹. Шельф (материковая отмель) представляет собой непосредственное продолжение суши, которая оказалась под водой после последнего оледенения (10—12 тыс. лет назад). Это плавная, со слабым наклоном отмель, лежащая на глубинах 0—100 м. Шельф занимает довольно широкую полосу в северо-западной, западной и юго-западной частях бассейна, а у Кавказского и Анатолийского побережья представляет собой узкую прерывистую цепочку.

По мнению специалистов, примерно 22 тыс. лет назад в результате голоценовой регрессии уровень Черного моря понизился приблизительно на 90 м. Связь со Средиземным морем прекратилась, так как глубина Босфора равна лишь 50 м. Черное море превратилось в почти пресноводное озеро. Эта озерная стадия продолжалась около 10 тыс. лет и по времени совпадала с последним ледниковым периодом.

Примерно 10 тыс. лет назад уровень Черного моря вновь стал повышаться. В результате трансгрессии восстановилась связь со Средиземным морем. Черноморские воды быстро осолонились. Произошел переход к морским условиям жизни. В этих условиях и сформировалась уникальная особенность Черного моря, выделяющая его из всех других морей. Своеобразие геологического строения Черноморской впадины и связанные с этим факторы привели к тому, что вертикальный водообмен здесь происходит лишь до глубины 200 м. Из-за куполообразного расположения водных слоев в центральной части моря на глубине 150—200 м исчезает кислород и появляется ядовитый газ — сероводород. Ниже этого слоя жизнь практически отсутствует. Причиной образования сероводорода является жизнедеятельность бактерий рода микро-спира, которые используют («вытягивают») кислород сульфатов и существуют в бескислородной среде. Нынешние условия жизни в черноморском бассейне окончательно установились около 3 тыс. лет тому назад. В эти последние тысячелетия на фоне общего повышения уровня моря произошли, как уже говорилось, фанагорийская регрессия, нимфейская трансгрессия и корсупская регрессия. Эти изменения черноморского уровня были тесно связаны с эвстатическими колебаниями уровня Мирового океана, которые в свою очередь вызывались изменениями климата в мировом масштабе, происходившими оледенениями и межледниковыми периодами. При похолодании в ледниковое время происходит регрессия, при потеплении в межледниковый период — трансгрессия.

¹ Подробнее см.: Черное море. Л., 1983. С. 38 и след.

С этими проблемами тесно связан вопрос о многовековой изменчивости общей увлажненности материков северного полушария, разработанный А. В. Шнитниковым². Этот исследователь выяснил, что эта изменчивость носит циклический характер, и определил продолжительность цикла — 1850 лет. Кривая изменения увлажненности и кривая изменения уровня Черного моря совпадают по своим фазам. Период повышенной увлажненности соответствует максимуму регрессии, а период пониженной увлажненности — трансгрессии. Следовательно, во второй

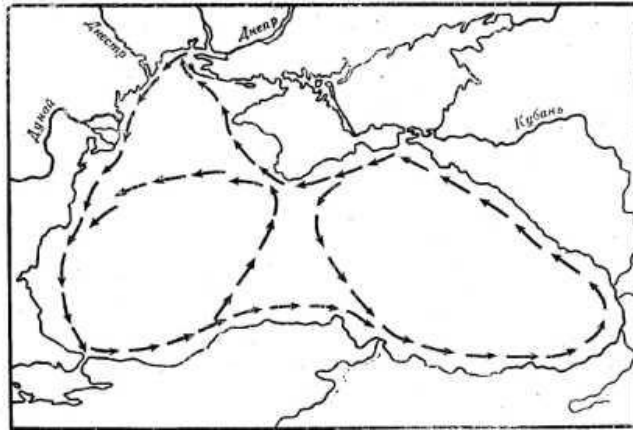

Рис. 2. Схема основных течений в Черном море

половине I тыс. до н. э. реки, впадающие в Черное море, были полноводнее, а климат более мягким.

Особый интерес представляет вопрос о черноморских течениях. В Черном море существует основное замкнутое кольцо течения шириной от 20 до 50 миль, проходящее в 2—5 милях от берега против часовой стрелки, и несколько соединительных струй между его отдельными частями. Средняя скорость течения в этом кольце равна 0,5—1,2 узла, но при сильных и штормовых ветрах она может достигать 2—3 узлов. Весной и в начале лета, когда реки приносят в море большое количество воды, течение усиливается и становится более устойчивым.

Рассматриваемое течение зарождается в устьях больших рек и в Керченском проливе. Речные воды, вливаясь в море, уходят вправо. Затем направление формируется под влиянием ветра, конфигурации берега, рельефа дна и других факторов. От Керченского пролива течение идет вдоль крымских берегов. У южной оконечности Крыма происходит разделение. Основное течение уходит на север к устью Днепро-Бугского лимана, а часть его направляется к дунайским берегам. Приняв днепровские, а затем днестровские воды, основное течение направляется к Дунаю, а затем к Босфору. Усиленное дунайскими водами и крымской ветвью оно набирает здесь наибольшую силу. От Босфора основная ветвь течения, отдав часть воды в Мраморное море, поворачивает к Анатолии. Преобладающие ветры благоприятствуют здесь направлению на восток. У мыса Керемпе одна ветвь течения отклоняется на север к Крыму, а другая идет дальше к востоку, вбирая в себя сток рек Малой Азии. У кавказских берегов течение поворачивает на северо-запад. Вблизи Керченского пролива оно сливается с азовским течением. А у юго-восточных берегов Крыма вновь происходит разделение. Одна ветвь спускается на юг, расходится с течением, идущим от мыса Керемпе, и в районе Синопы соединяется с анатолийским течением, замыкая восточно-черноморский круг. А другая ветвь течения от юго-восточных берегов Крыма идет к его южной оконечности. Здесь в нее вливается анатолийское течение от мыса Керемпе, которое и замыкает западночерноморский круг.

² Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Зап. Географ. о-ва СССР. 1957. Н. С. Т. 16.

В древности, когда реки были полноводнее и весь речной сток уходил в море, не расходуясь на орошение полей и другие хозяйственные нужды, черноморское течение было более значительным. И оно оказывало, как мы увидим дальше, большое влияние на мореплавание и освоение кратких морских путей.

Обратимся теперь к сведениям античных географов. И здесь и в последующих главах мы будем часто обращаться к этим ценнейшим источникам. Ведь античные описания гораздо полнее передают ту или иную географическую ситуацию. Это позволяет ощутить дух того времени, лучше понять процесс развития географических знаний о Понте Эвксинском.

Как рассказывают мифы, первыми греками, которые вплыли сюда, были аргонавты. А до них, как сказано в этих мифах, проникнуть в это море не мог ни один корабль. Причиной тому были блуждающие скалы Планкты, расположенные у его устья. Сталкиваясь друг с другом, они уничтожали всех, кто пытался попасть сюда. Аргонавты по совету прорицателя Финейя выпустили вперед голубя. Скалы столкнулись, разошлись и остановились навсегда. Путь в Черное море был открыт.

Эти мифические рассказы, как ни странно, имеют под собой реальную основу. В Босфоре действительно есть несколько небольших скал, которые серьезно затрудняли плавание в проливе. В штормовую погоду неопытные кормчие, плохо знавшие этот район, видимо, нередко налетали на гибельные для кораблей скалы. Так обычно и понимают исследователи сведения о Планктах, называемых также Кианеями и Симплегадами. Вот, например, что пишет об этом А. Б. Снисаренко: «Кианеи. Вероятно, это скала Рокет, расположенная в 90 м к востоку от мыса Румели на европейском берегу пролива, и одна из безымянных скал у азиатского мыса Анадоли. Расстояние между ними не превышает 2 миль, и в непогоду это пространство представляет собой сплошной водоворот»³. Но такое объяснение все-таки не соответствует тому, о чем говорится в мифах. Там корабли гибли, раздавленные двумя скалами, здесь же столкновение происходит с одной скалой, а вторая расположена в 3,5 км в стороне. Разумеется, мифы не следует воспринимать буквально. В них много сказочного, есть и большая доля условности, и символика, и аллегория. Но в данном случае, как мне кажется, в мифологически окрашенных сведениях отражены реальные случаи подобных кораблекрушений. Дело в том, что по обе стороны Босфора есть два так называемых ложных выхода из Черного моря. И неопытные мореплаватели по ошибке вместо пролива попадали в эти ловушки и терпели крушение. Вот, например, что сообщается об этом в одном из средневековых описаний Черноморского бассейна: «В Черном море, имеющем лишь один настоящий выход или устье, есть еще два ложных прохода недалеко от настоящего, по обеим сторонам его. Зачастую судам, направляющимся во тьме ночной к настоящему устью, приходится оставлять груз и путников между двумя скалами. Весьма нередко также случается, что бывающие на высотах пастухи разводят в тишине ночи огонь, по необходимости или из хитрости, а моряки, принимая этот огонь за маяк, правят прямо на него, но оказываются вскоре обманутыми; тогда пастухи спускаются и грабят»⁴. В средние века и корабли, и условия мореплавания немногим отличались от второй половины I тысячелетия до н. э. И подобные кораблекрушения в ложных проливах происходили, надо полагать, также часто, особенно на первых порах освоения Понта. Со временем сведения о таких печальных случаях смешались с упоминаниями о скалах в Боспоре, в результате чего появились мифы о блуждающих скалах, красочно воспетых еще Гомером. В его бессмертной «Одиссее» этим скалам посвящены следующие строки:

Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их

³ Снисаренко А. Б. Курс — Море Мрака. М., 1982. С. 28.

⁴ Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и пр., 1634 г./ Пер. Н. Н. Пименова; Примеч. А. Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. 1902. Т. 24 С. 99.

Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
 Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
 Птица не смеет промчатся, ни даже амбросию Зевсу
 Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
 Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
 Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
 Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
 Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
 Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
 Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
 Их миновал — посетитель Эета, прославленный Арго;
 Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
 Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
 (XII, 59—72, перевод В. А. Жуковского)

Более кратко, но так же красочно Кианеи описаны в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, жившего во второй половине III в. до н. э.:

Черные две скалы вы узрите при моря теснинах,
 Между которых никто не мог проскользнуть безопасно,
 Ибо внизу не на прочных корнях они утвердились,
 Но то и дело одна другой навстречу стремится;
 Так и сшибаются обе, а вокруг вздымаются волны,
 Страшно кипя, и раскатом глухой отзывается берег.
 (II, 318—323, перевод Г. Ф. Церетели)

Со временем античные мореплаватели, познав все сложности и коварства Черного моря, постепенно освоились с этим поистину негостеприимным, особенно на первых порах, морем и благополучно проходили устье Понта Эвксинского. С этого периода античные географы описывали Боспор Фракийский, придерживаясь строгой реальности, без всяких мифических прикрас. Геродот, например, описывая поход персидского царя Дария на скифов, отмечает, что, прибыв к Боспору, Дарий «поплыл к так называемым Кианеям, которые, как утверждают греки, прежде были блуждающими скалами» (IV, 85). А Плиний даже объясняет, почему эти скалы назвали блуждающими: «В Понте на расстоянии 14 миль от его устья и 15 миль от Европы есть два острова, которые одни называют Кианеи, другие — Симплегады. Согласно легендам, они сталкивались друг с другом, так как, отделенные малым расстоянием один от другого, они для входящих прямо навстречу им представлялись двумя островами, но стоило немного изменить угол зрения, они выглядели сошедшими в один остров» (IV, 92).

Само слово «Кианеи» буквально означает «темные, мрачные». Оно связано, надо полагать, с названием Черного моря, а также с той печальной славой гибельных для моряков скал.

Древнегреческие мореплаватели появились в Черном море, конечно, задолго до того, как основали здесь свои первые города. Упоминание об этом море, называемом Океаном, мы встречаем еще в «Одиссее» Гомера:

Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
 Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь кормилу и ветру.
 Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
 Там киммериян печальная область, покрытая вечно
 Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
 Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
 Он покидает, всходя на звездами обильное небо,

С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
 Ночь безобразная там искони окружает живущих.
 (XI, 9—19, перевод В. А. Жуковского)

Легендарное плавание аргонавтов к Фасису за золотым руном в основе своей также отражает реальные события, которые со временем покрылись налетом фантазии и выдумки. Античные географы понимали это и старались отделить действительные факты от мифических. Особенно показательно здесь авторитетное мнение Страбона: «Ибо как все говорят, что плавание к Фасису, совершенное по распоряжению Пелия, имеет за собою некоторую вероятность, так и возвращение и занятие мимоездом некоторых островов и даже, клянусь Зевсом, отдаленное странствование Ясона, подобно Одиссееву и Менелаеву, принадлежит к числу фактов, засвидетельствованных еще ныне существующими памятниками и удостоверенных голосом Гомера. У Фасиса показывает город Эя, царствование Эета в Колхиде считается достоверным, и это имя у туземцев является народным. Существуют также рассказы о волшебнице Медее и о богатствах той страны, состоящих из золота, серебра и железа и заставляющих предполагать истинную причину похода, по которой и раньше Фрикс снарядил это плавание. Существуют и памятники обоих походов: Фриксов — на рубеже Колхиды и Иберии и Ясоновы, которые показываются во многих местах Армении, Мидии и соседних с ними стран. Да и в окрестностях Синопы и на ее побережье, на Пропонтиде и Геллеспонте до местностей у острова Лемноса указывают много следов походов Ясона и Фрикса, а следы путешествия Ясона и преследовавших его колхов указывают даже до Крита, Италии и Адрия... Некоторые утверждают, что Ясон со своими спутниками проплыл и вверх по Истру на большое расстояние, а другие — что даже до Адрия. Одни говорят так по незнанию местностей, а другие утверждают, что и река Истр, получая начало из большого Истра, впадает в Адрий; в этих словах нет ничего невероятного и невозможного.

Воспользовавшись подобными поводами, поэт (т. е. Гомер) кое-что излагает согласно с историческими рассказами, но прибавляет к ним и от себя, следуя обычаю, общему для всех поэтов и своему собственному. Он согласен с историческими рассказами, когда называет Эета, говорит про Ясона и Арго, от Эи вымышляет Эю... и на основании рассказов о Медее делает волшебницей Кирку, „родную сестру злокозненного Эета“; но к этому он вымышляет выход в открытый океан во время странствований после этого плавания (т. е. в Колхиду)...» (I, 2, 39-40).

Эти важные выводы Страбона имеют большое значение для правильного понимания всего комплекса дошедших до нас сведений об аргонавтах и выявления достоверных географических данных. В этом направлении географ внес большой исследовательский вклад. Анализируя известия Гомера о Черном море, киммерийцах, походе аргонавтов, он приводит интересные и важные для нас рассуждения: «Гомер упоминает о народах, обитающих вокруг Пропонтиды и Понта Эвксинского до Колхиды, и о походе Ясона. Он знает также и Боспор Киммерийский, зная киммерийцев; и, конечно, невозможно, чтобы он знал только имя киммерийцев и не знал самого народа, который в его время или немного раньше совершил набег на всю страну от Боспора до самой Ионии. По крайней мере он намекает и на туманный климат их страны и говорит так: „туманами и облаками покрыты; и никогда не освещает их яркое солнце, по распростерта над ними губительная ночь“. Он знает и Истр, так как упоминает о мисах, фракийском народе, живущем по Истру» (I, 1, 10).

Далее Страбон пытается понять и объяснить мифический характер гомеровских описаний: «Точно так же, зная, что киммерийцы жили у близкого к северу и туманного Боспора Киммерийского, поэт Гомер удобно перенес их в какое-то мрачное место у преисподней, выгодное ему для баснословных рассказов в описании странствований Одиссея; а что он знал их, — это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени незадолго до него или к его времени. Подобным же образом, зная колхов, плавание Ясона в Эю и басни и рассказы о Кирке и Медее, именно об их

волшебстве и сходстве характеров, он сочинил родство этих женщин, живших на столь далеком расстоянии одна от другой, так как одна жила в отдаленном углу Понта, а другая в Италии, и Ясон в своих странствованиях, быть может, доходил до Италии: ибо указываются некоторые признаки странствования аргонатов и около Керавнских гор, и около Адрия. ив Посидониатском заливе, и на островах, лежащих перед Тирренией (Этрурией). В пользу этого предположения прибавили кое-что Кианеи (у некоторых называемые Симплегадскими скалами), делающие трудным плавание через Византийский пролив. Таким образом от Эи получила название Эя, от Симплегад — Планкты, и плавание Ясона между ними представилось правдоподобным» (I, 2, 9).

Затем Страбон подытоживает ранние представления греков о Черном море: «Вообще люди тех времен представляли себе Понтийское море как бы другим океаном и отплывавших туда воображали уехавшими столь же далеко, как и выплывших на большое расстояние за Геракловы столпы; оно считалось наибольшим из наших морей, и поэтому его специально называли „морем" по преимуществу, как Гомера — поэтом. Может быть, вследствие этого поэт перенес события из Понта в Океан, так как это легко могло быть принято слушателями, и благодаря господствовавшему тогда представлению... Может быть, и одноглазых циклопов поэт перенес из рассказов о Скифии: говорят, что именно таковы аримаспы, которых вывел Аристей Проконнеский в „Аримаспее"» (I, 2, 9). Так древнегреческий географ пытается найти рациональное зерно в мифических описаниях своего великого предшественника. И эти объяснения, как мы видим, довольно убедительны.

В рассматриваемом плане интересны и сведения, которые приводит Евстафий, архиепископ Фессалопики, написавший во второй половине XII в. «Объяснения к „Одиссее" Гомера»: «Понтом в главном и общем значении называлось всякое море... в частности же у позднейших - Понт Эвксинский; он был страшен эллинам по своей отдаленности... Поэтому, говорят, про понтийских людей, где-либо появлявшихся, говорили, что они прибыли „из много понта", что было равносильно выражению „из погибели"» (к I, 4).

Название Черного моря исследователи связывают с иранским словом а к ш а й н а, означающим «темный, черный». Отсюда греки вывели близкое по звучанию свое название — Понт Аксинский, т. е. Негостеприимное море, что вполне соответствовало их первоначальным впечатлениям. Страбон, например, пишет об этом следующее: «Это море было недоступно для плавания и называлось Аксинским из-за зимних бурь и дикости окрестных племен, особенно скифов, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Эвксинским» (VII, 3, 6).

Чрезвычайно интересен и вопрос о происхождении названий Боспор Фракийский и Боспор Киммерийский. Вторая часть наименования ясна. Она связана с обитавшими на побережье проливов племенами фракийцев и киммерийцев. А само слово «Боспор» означает буквально «переправа быка». Древнегреческие предания связывают его происхождение с легендой об Ио, которую Гера превратила в белую телку. Эту версию излагает Эсхил в «Прикованном Прометее». Он вкладывает в уста Прометею следующий рассказ: «Выслушайте теперь об остальных страданиях, которые предстоит этой юнице вытерпеть от Геры. И ты, дочь Инаха, вложи в душу мои слова, чтобы узнать пределы своих странствований. Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по невспаханым степям; ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халибы, которых тебе нужно остерегаться; они суровы и неприступны для чужеземцев. Далее ты достигнешь Буйной реки, не ложно носящей это имя; не переправляйся через

нее, ибо она неудобна для переправы, пока не придешь к самому Кавказу, высочайшему из горных хребтов, где река яростно низвергается с самих вершин. Перевалив через поднимающиеся до звезд высоты, ты вступишь на конную дорогу, по которой придешь к враждебной мужам рати амазонок, которые со временем поселятся в Фемискире у Териодонта, где находится суровая Салмидесская бухта, враждебная морякам и мачеха кораблям; амазонки охотно укажут тебе дорогу. За ними ты достигнешь у самых узких врат озера до Киммерийского перешейка; смело миновав его, переплыви Меотийский пролив — и навеки сохранится у смертных славное сказание о твоей переправе, а пролив получит от нее название Боспора. Покинув европейскую землю, ты вступишь на азиатский материк» (ст. 729— 761).

Аналогичное объяснение, но применительно к Боспору Фракийскому, дает автор сочинения, которое приписывается Аполлодору и называется «Библиотека»: «Ио, перейдя Гем, переплыла пролив, тогда называвшийся Фракийским, а теперь называемый по ней Боспором. Уйдя затем в Скифию и Киммерийскую землю, исходив огромное пространство суши и переплыв большое пространство моря в Европе и Азии, она, наконец, пришла в Египет» (II, 1, 3, 5).

Это же объяснение предпочитает и Дионисий Византийский, который приводит при изложении этого вопроса и другой рассказ, малоубедительный для него самого: «Относительно мыса, который мы называем Боспорием (соврем. мыс Сарай Бурну. — *М. А.*), существуют два сказания: ибо одни говорят, что бык, загнанный сюда жалом стрела, переплыл пролив, расположенный по середине; другие же, вспоминая более сказочные предания, говорят, что Ио, дочь Инаха, гонимая ревностью Геры, здесь переправилась в Азию; да будет дана вера из этих сказаний более божественному: ибо мне кажется, что местное значение не настолько бы могло иметь силу, чтобы из-за него Боспор был бы назван: один — Киммерийским, другой — Фракийским, если бы не произошло нечто большее, чем местная история; таким образом, это имя унаследовано им вследствие памяти о прошедшем здесь» (§7).

Как мы видим, географ пытается даже обосновать, почему он предпочитает легендарное предание. По его мнению, за легендой просматриваются какие-то важные события, которые происходили здесь в действительности.

Иную мифологическую версию донес до нас Псевдо-Орфей, неизвестный автор IV в. Он сочинил поэму «Поход аргонавтов», в которой ведет рассказ от имени легендарного певца Орфея, участвовавшего в плавании за золотым руном. Поэтому за ним утвердилось имя Псевдо-Орфея.

Воспевая приключения мореплавателей, уже похитивших золотое руно и уходящих от преследовавших их кол-хов, он упоминает Боспор Киммерийский и связывает это название с Гелиосом, который, согласно древней традиции, владел стадами быков: «Тогда мы плыли на веслах день и ночь и в двое страшных суток прибыли к находящемуся посреди озера Боспору, где некогда воруящий быков титан, сидя на сильном быке, прорезал проход в озере» (ст. 1055). Здесь автор объясняет одновременно и как образовался пролив, и почему он так назван.

Это фантастическое объяснение связано, видимо, с узостью пролива, что способствовало рождению мифа о его божественном происхождении, которое и дало название Боспор.

Широко распространенное предание об Ио, надо полагать, имеет под собой реальную основу. Видимо, это отголоски каких-то действительно происходивших важных событий. Такую мысль подтверждает довольно обстоятельный рассказ Геродота, которым и начинается его знаменитое произведение: «По словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю и поселились в стране, где и теперь еще живут. Финикияне тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим,

прибыли и в Аргос. Аргос же в те времена был самым значительным городом в стране, которая теперь называется Элладой. Когда финикийцы прибыли как раз в упомянутый Аргос, то выставили свой товар на продажу. На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио, дочь Инаха; так же называют ее и эллины. Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикийцы по данному знаку набросились на женщин. Большая часть женщин, впрочем, спаслась бегством, Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикийцы втащили женщин на корабль и затем спешно отплыли в Египет.

Так-то, говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать) прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу. Должно быть, это были критяне. Этим они только отплатили финикийцам за их проступок. Потом эллины все-таки нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиде и к устью реки Фасиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с требованием пени за похищенную и возвращения дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргивянки Ио, то и царю ничего не дадут» [I, 1—2].

Таким образом, излагаемые Геродотом сведения рассеивают все сомнения. Ио — не вымышленная, а действительно существовавшая героиня, дочь аргосского царя Инаха, похищенная финикийцами. По персидским преданиям, она из Аргоса попала сразу в Египет. Эллины же излагали эти события иначе, но как именно, Геродот не рассказывает. Возможно, они указывали другой маршрут, тот самый, который передают мифы, — понтийский. Если согласиться, что корабль с похищенной Ио направился именно в Понт, то становится понятным истинное происхождение названия Боспор. С веками эти события покрылись фантастическими подробностями и стали достоянием мифов.

После более близкого знакомства древнегреческих мореплавателей с этим районом мифы ушли в прошлое. Появившиеся здесь многочисленные города и поселения, удобные гавани и якорные стоянки дали мощный толчок для развития экономики, мореплавания, торговли. И Понт Эвксинский, т. е. Гостеприимное море, предстал перед географами во всем своем величии. Геродот, которому принадлежит одно из первых описаний бассейна, рассказывает о нем весьма красочно, с явным восторгом и называет его самым удивительным из всех морей.

Прежде чем перейти непосредственно к геродотовскому описанию Черного моря, рассмотрим такой интересный вопрос, как постройка персидским царем Дарием моста через пролив Боспор Фракийский. Геродот рассказывает нам, как Дарий построил в самом узком месте Боспора мост и переправился из Азии в Европу. Ширина пролива здесь равна примерно 750 м. Под руководством самосца Мандрокла персы соорудили с помощью кораблей понтонный мост. По этому мосту 700-тысячная персидская армия перешла на европейский берег и продолжила свой поход на скифов. Дарий был в восторге от этого грандиозного сооружения и щедро одарил его создателя. Мандрокл, как сообщает Геродот, «из этих наград посвятил начатки, написав картину, изображающую мост через Боспор на всем его протяжении и царя Дария, сидящего на возвышении, и войско его во время переправы. Нарисовав это, строитель моста посвятил картину в храм Геры, сделав следующую надпись: „Наведя мост через Боспор, изобилующий рыбой, Мандрокл посвятил Гере как память о мосте, себе стяжав венец, самосцам же славу, выполнив по замыслу царя Дария"» (IV, 88). В храме Геры на Самосе хранились картины, статуи и другие произведения искусства. Во время своего пребывания на Самосе Геродот, надо полагать, мог видеть эту картину. Описание указанного храма дает нам Страбон: «На левой стороне расположено предместье вблизи святилища Геры, течет река Имбрас и стоят древнее святилище Геры и большой храм, превращенный теперь в склад

картин, а также несколько маленьких храмов, полных древними произведениями искусства. Открытый двор храма равным образом наполнен прекраснейшими статуями. Три из них колоссальных размеров — произведения Мирона — помещались на одном общем цоколе; их снял было Антоний, но Август Цезарь велел восстановить две статуи на том же цоколе — Афины и Геракла; статую же Зевса он перенес в Капитолий, построив для нее маленький храм» (XIV, 1, 14). Среди этих шедевров античного искусства и хранилась картина Мандрокла с изображением переправы персидской армии через Боспор Фракийский и самого Дария, гордо сидящего на возвышении.

Надо полагать, что такая сцена действительно имела место. Она вполне укладывается в ситуацию этого важного исторического момента: «муж самый лучший и самый прекрасный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего материка» со своим доблестным войском идет покорять скифов. Конечно, завоеватель должен важно восседать на возвышении и гордым взором наблюдать за переправой своей огромной непобедимой армии по мосту, который связал два материка. Об этом свидетельствует и Дионисий Византийский, написавший в конце II в. интереснейшее географическое сочинение «Плавание по Боспору». Описывая наиболее узкую часть пролива, где была переправа, он сообщает: «Среди исторических памятников это место сохраняет кресло, вырубленное в скале, ибо на нем, говорят, сидел Дарий как зритель и моста и перехода войска» (§ 57). Как мы видим, для царя было даже вырублено кресло, наподобие трона. Где именно находилось это кресло, неизвестно. Последующие столетия стерли в памяти местных жителей громкую славу об этом месте, и былая достопримечательность уже ничем не выделялась среди обычных каменистых выступов.

Место переправы через Боспор отыскать, конечно, легче. Мост Дария был построен, как полагают исследователи, там, где в настоящее время находятся развалины средневековых крепостей Анадолу-Гиссары на азиатской стороне пролива и Румели-Гиссары на европейской стороне. Этот участок представляется наиболее удобным для строительства моста. И на обоих берегах здесь есть необходимые для такой огромной армии подступы к переправе. Здесь Мандрокл и соединил Азию и Европу.

Каким быд этот мост, мы не знаем. Геродот ничего не говорит об этом. Но зато он довольно подробно описывает другой мост, который построил сын Дария Ксеркс во время своего похода из Азии в Элладу. Место для строительства было выбрано в самом узком месте Геллеспонта у города Абидоса, где ширина равна 7 стадиям. Здесь были построены два моста. Один из них возвели финикийцы с помощью канатов из «белого льна», другой — египтяне из папирусных канатов. Но эти мосты оказались неудачными. Разразившаяся сильная буря снесла их и уничтожила. Узнав об этом, царь пришел в ярость и приказал высечь море, а «надзирателям за сооружение моста через Геллеспонт отрубить головы». Вот что пишет об этом Геродот: «Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке» (VII, 35). И рассказы о том, как Ксеркс высек море, конечно, разнеслись далеко за пределами Мраморного моря.

Когда море было наказано и незадачливые строители обезглавлены, строительство началось заново: «Мосты же вновь строили другие зодчие. Построили же они таким вот образом: поставили рядом пентеконтеры и триеры; для одного моста в сторону Понта взяли 360 кораблей, а для другого — в сторону Геллеспонта 314 кораблей; первые поставили поперек течения Понта, а последние — по течению Геллеспонта, чтобы держать канаты натянутыми. Затем бросили огромные якоря на одном (верхнем) мосту на стороне Понта против ветров, дующих с Понта, а на другом мосту на стороне Эгейского

моря — против западных и южных ветров. Между укрепленными на якорях пентеконтерами и триерами они оставили промежуток для прохода любых мелких судов из Понта и в Понт. После этого канаты туго натянули с земли при помощи накручивания их на деревянные ворота. Однако уже больше не ограничивались канатами только одного рода, но на каждый мост связывали вместе по два каната из „белого льна" и по четыре — из волокна папируса. Толщина и прекрасная работа канатов (обоих сортов) была одинакова, но „льняные канаты" были относительно тяжелее и весили (каждый локоть) более таланта. Когда пролив был соединен мостом, бревна распилили, выровняв длину досок по ширине понтонного моста. Затем доски уложили в порядке поверх натянутых канатов и там снова крепко привязали их к поперечным балкам. После этого принесли фашинник, разложили в порядке и засыпали землей. Потом утрамбовали землю и по обеим сторонам моста выстроили перила, чтобы выючные животные и кони не пугались, глядя сверху на море» (VII, 36).

Так был построен мост через Геллеспонт. Примерно таким же был, надо полагать, и мост Дария через Боспор. Правда этот мост был короче почти вдвое. Но течение из Понта здесь намного сильнее, Это требовало большего умения и тщательности строителей. И Мандрокл, как мы видим, прекрасно справился со своей задачей.

Рассмотрим теперь следующее интересное обстоятельство. Геродот рассказывает, что Дарий, прибыв к месту строительства моста, специально поплыл к Кианеям: «Дарий же, после того как выступил из Суз, прибыл в ту часть Калхедонской области, которая примыкает к Боспору и где был построен мост. Отсюда, взойдя на корабль, он поплыл к так называемым Кианеям, которые, как утверждают греки, прежде были блуждающими скалами. Сидя на мысу, он смотрел на Понт, который заслуживает внимания: ведь из всех морей оно по своей природе самое удивительное» (IV, 85). И затем «отец истории» приводит сведения о длине и ширине этого бассейна. Анализируя этот отрывок, исследователи полагают, что здесь мы сталкиваемся с литературным приемом античного автора: чтобы дать описание Понта, он усаживает Дария на берегу для созерцания моря. Далее автор действительно дает описание Черного моря и подводит к этому свое изложение очень умело и удачно, т. е. сообщает о том, как персидский царь любовался Штатом. Но что это, художественный вымысел или мастерское изложение исторического материала? Мне думается, все-таки второе. Дело в том, что эти общие сведения о море приводятся уже после многократных упоминаний о нем при описании побережья Скифии: впадающих в него рек, Боспора Киммерийского, Меотиды. Там у Геродота были прекрасные возможности описать сначала весь бассейн в целом, а потом уже — ту или иную часть его побережья. Но он не сделал этого, хотя в композиционном плане такое географическое описание было бы более стройным и логичным. Автор поступил иначе. Видимо, у него были на то основания. Надо полагать, Дарию не терпелось обозреть обширные морские просторы, отделяющие его от скифов. И он во время строительства моста поплыл полюбоваться морем, посмотреть в сторону невидимых далеких берегов, куда он вел свою огромную армию. И Геродот, рассказывая об этом, сообщает о том, как велики открывшиеся перед взором царя просторы Черного моря: «Длина его 11100 стадиев, ширина же в том месте, где оно шире всего, 3300 стадиев. Устье этого моря в ширину четыре стадия, длина же этого устья-пролива, названного Боспором,— на нем-то и был возведен мост — доходит до 120 стадиев. Боспор же простирается до Пропонтиды... Измерены были они следующим образом. Корабль проходит всего в течение долгого дня приблизительно 70000 оргий, а в течение ночи 60000 оргий. Плавание же до Фасиса от устья моря (ведь Понт здесь длиннее всего) занимает девять дней и восемь ночей. Это составляет 1110000 оргий, а из них получается 11100 стадиев. Плавание из Синдики в Фемискиру на реке Фермодонте (в этом месте Понт шире всего) занимает три дня и две ночи. Это составляет 330000 оргий, а стадиев — 3300. И этот Понт, и Боспор, и Геллеспонт были мной таким образом измерены и имеют, согласно сказанному, такую

природу: к Понту примыкает и впадающее в него озеро немногим меньше его самого, которое называется Меотийским или Матерью Понта» (IV, 85—86).

Как мы видим, по расчетам Геродота, наибольшая длина Черного моря равна 11100 стадиям, а наибольшая ширина — 3300 стадиям. Чему равен его стадию, мы в точности не знаем. Исследователи определяют его величину по-разному: от 149 м до 210 м. Попытаемся уточнить эту цифру таким образом. Геродот сообщает, что длина Боспора равна 120 стадиям. Такое же расстояние называет и Полибий (IV, 43). А стадий Полибия нам известен. Его 8,3 стадиев составляют, как сообщает Страбон (VII, 7, 4), римскую милю, т. е. 1480 м. Отсюда получаем, что стадий Полибия равен 178 м. Следовательно, Геродот также пользовался стадием в 178 м. Теперь нетрудно подсчитать, что длину Черного моря он определяет в 1976 км, а ширину — в 587 км. Но эти цифры сильно завышены. Как уже говорилось, по современным измерениям наибольшая длина равна 130 км, а ширина — 610 км. Кроме того, наибольшая ширина моря приходится не на восточную его часть от Синдики (соврем, Анапа) до р. Фермодонт (соврем, р. Терме в Турции), как указывает Геродот (здесь примерно 400 км), а на западную часть бассейна от Очакова до Эрегли (610 км). Приходится констатировать, что Геродот плохо представлял себе как конфигурацию, так и размеры Понта. Причина неточных измерений заключается, надо полагать, в том, что здесь использованы сведения о плавании не напрямик, а вдоль берегов с частичными спрямлениями маршрутов. Конечно, сыграло свою роль и плохое знание конфигурации береговой линии: участок от устья Понта до Фасиса представлялся почти прямой линией. Кроме того, в древности укоренилось представление о Фасисе как о самой дальней восточной точке моря, откуда и родилась поговорка «на Фасис, где судам последний бег».

Исследователи, как правило, признают неточность геродотовских измерений Понта. Однако недавно Б. А. Рыбаков предпринял попытку согласовать завышенные цифры Геродота с действительными. Исследователь нашел такой выход из положения: измерил расстояние от устья до Фасиса не по южному побережью, а вдоль западного и северного берегов⁵. Но такое измерение ошибочно. Ведь Геродот знал, что северо-западная часть моря представляет собой обширный залив, а Крымский полуостров, наоборот, выдается далеко в море: «Фракия вдается в море более скифской земли; с залива, образуемого этой землей, начинается Скифия, и в нее вливается Истр, обращенный устьем к востоку. Начиная от Истра, я стану описывать приморскую часть самой скифской земли для ее измерения. От Истра уже начинается собственная (старая) Скифия, обращенная к полудню и ветру Нота до города, называемого Каркинитидою; отсюда страну, прилегающую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого скалистого полуострова; этот последний выступает в море, омывающее его с востока, подобно Аттике... За Таврикою, выше тавров и на побережье восточного моря живут уже скифы на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера до реки Танаиса, которая впадает в отдаленнейший угол этого озера» (IV, 99—100). Эти сведения дают предельно ясное представление о том, что береговая линия моря от Истра до Боспора Киммерийского выгибается в виде синусоиды. И измерение по этой синусоиде определяет протяженность береговой линии, но никак не длину моря. Геродот, как, впрочем, и другие географы, прекрасно понимал это и никак не мог подразумевать такой маршрут к Фасису. Таким образом, приходится признать, что его измерения Понта не совсем точны.

В последующие столетия мореплаватели уже достаточно хорошо ознакомились с Черным морем. И географы приводят более точные описания бассейна. Например, Страбон, обширный труд которого как бы подводит итоги всей древнегреческой географической науки, сообщает уже довольно подробные конкретные сведения о конфигурации моря, его длине, ширине, окружности, особенностях береговой линии: «Эгейское

⁵ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 81—83.

море и Геллеспонт изливаются к северу в другое море, которое называют Пропонтидой и это опять в другое, именно в так называемый Эвксинский Понт. Этот последний состоит как бы из двух морей: почти посредине его выдвигаются два мыса, один из Европы, с северной стороны, а другой, противоположный этому,—из Азии; они суживают находящийся между ними пролив и образуют два больших моря. Европейский мыс называется Бараний лоб, а азиатский — Карамбис; они отстоят друг от друга приблизительно на 2500 стадиев. Море к западу от них имеет в длину от Византия до устьев Борисфена 3800 стадиев, а в ширину 2800; в нем есть остров Белый. Восточное море имеет продолговатую форму и оканчивается узким заливом у Диоскуриады, имея в длину 5000 стадиев или немного больше, а в ширину — около 3000. Окружность всего моря равняется приблизительно 25000 стадиев. Некоторые уподобляют форму этой окружности натянутому скифскому луку, приравнивая тетиве так называемые правые части Понта (это путь от устья до залива у Диоскуриады; ибо, за исключением Карамбиса, весь остальной берег имеет лишь небольшие углубления и выпуклости, так что подобен прямой линии), а остальной берег — рогу лука, имеющему двойной изгиб, именно, верхний более округленный и нижний более прямой; так, говорят они; и этот берег образует два залива, из которых западный гораздо круглее другого.

Выше восточного залива к северу лежит Меотийское озеро, имеющее в окружности 9000 стадиев или даже немного больше. Изливается оно в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт — в Пропонтиду через Боспор Фракийский» (II, 5, 22—23). Это описание, несмотря на приблизительность и недостаточную точность некоторых цифр, рисует нам картину, довольно близкую к действительности.

Вообще следует подчеркнуть, что «География» Страбона содержит много чрезвычайно интересных сведений о Черном море. Здесь отражена обширная географическая литература его предшественников, собраны различные мнения по принципиально важным теоретическим вопросам, излагаются собственные рассуждения. Давайте ознакомимся с дискуссией Страбона со Стратоном относительно причин обмеления моря: «По словам Ксанфа, в царствование Артаксеркса была столь сильная засуха, что высохли реки, озера и колодцы, а самому ему приходилось во многих местах вдали от моря — в Армении, в Матиене и в Нижней Фригии — видеть камни в виде двустворчатой раковины, раковины гребенчатого типа, отпечатки гребенчатых раковин и лиман, поэтому он высказал убеждение, что эти равнины когда-то были морем. Далее Эратосфен одобряет мнение Стратона, который еще ближе подходит к исследованию причин. Стратон высказывает мнение, что Эвксинский Понт прежде не имел выхода у Византия, но реки, впадающие в Понт, прорвали и открыли проход и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт. То же самое явление, по Стратону, произошло и в Средиземном море. Ведь в этом случае пролив у Столпов был размыв, после того как море наполнилось водой рек, и во время отлива воды обнаружили мели. По мнению Стратона, причина этого, во-первых, в том, что уровень дна Атлантического океана и Средиземного моря различен, во-вторых, что у Столпов еще и теперь тянется поперек подводная гряда от Европы к Ливии, указывающая на то, что Средиземное море и Атлантический океан прежде не могли быть одним морем. Моря бассейна Понта, продолжает Стратон, очень мелки, тогда как Критское, Сицилийское и Сардинское моря весьма глубоки, но так как рек, текущих с севера и с востока, очень много и они весьма большие, то моря бассейна Понта наполняются илом, другие остаются глубокими. В этом причина того явления, почему Понтийское море самое пресноводное и его течение направлено в сторону наклона дна. Далее, по мнению Стратона, весь Понт целиком впоследствии будет занесен илом, если такие наносы будут продолжаться. Ведь даже теперь уже обмелели области на левой стороне Понта, например Салмидесс и область в устье Истра, называемая моряками Груды, и Скифская пустыня» (Страбон, I, 3, 4).

Такова точка зрения Стратона. Изложив ее, Страбон приводит свои возражения и обосновывает собственное мнение: «Можно допустить поэтому, что значительная часть

материка (имеется в виду Египет.— *М. А.*) некогда была покрыта водой в течение определенного периода, а затем снова обнажилась; равным образом можно допустить, что вся поверхность земли, находящаяся теперь под водой, представляет неровности на дне моря, подобно тому, разумеется, как часть земли над поверхностью моря, на которой мы живем, подвержена многочисленным изменениям, как утверждает сам Эратосфен. Таким образом, что касается аргументации Ксанфа, то в ней нельзя обнаружить ничего нелепого.

Стратона, однако, можно упрекнуть за то, что он при наличии многих истинных причин искажений не замечает их и выставляет причины несуществующие. Ведь первая причина, по его словам,— это разница уровней и глубины Средиземного моря и Атлантического океана. Но что касается поднятия и опускания моря, затопления им некоторых областей и последующего отступления от них моря, то причину этих явлений следует искать не в различии уровней дна — в одном случае более низкого, в другом более высокого,— но в том факте, что само морское дно то поднимается, то опускается, а вместе с ним происходят поднятие и опускание моря; ведь при поднятии уровня моря вода будет затоплять берега, а при понижении его вода опустится до прежнего уровня. Если этот взгляд Стратона правилен, то всякое внезапное увеличение массы воды в море должно сопровождаться наводнением, например во время высоких приливов на море или разлития рек, причем в одном случае вода перемещается из другой части моря, а в другом — масса воды просто увеличивается. Но увеличение массы воды из рек не наступает внезапно и неожиданно (что и вызывает вздутие моря), приливы не продолжаются достаточно долго, чтобы вызвать это (они происходят регулярно), и не производят наводнений ни в Средиземном море, ни где-либо в другом месте. Поэтому нам остается признать причиной изменений твердое основание моря, или находящееся под морем, или временно намываемое водой, скорее всего подводное дно...

Вот что интересно узнать: если предположить, что дно Эвксинского Понта было ниже дна Пропонтиды и моря, следующего за Пропонтидой, до того как открылся проход у Византия, то что же препятствовало наполнению Эвксинского Понта водами рек, все равно было ли оно прежде морем или просто озером больше Меотиды? Если это так, то я спрашиваю дальше: разве не верно, что уровни воды Эвксинского Понта и Пропонтиды были такими же, что (пока они оставались одинаковыми) эти моря нельзя было заставить прорваться и вытекать в силу равного сопротивления и давления; но когда уровень внутреннего моря стал более высоким, то излишек воды прорвался и вытек из него. И разве не в этом причина слияния внешнего моря с внутренним и образования одинакового уровня (все равно было ли последнее первоначально морем или когда-нибудь озером и позднее морем) в силу смешения с внутренним морем и его преобладания? Ведь если и в этом со мной согласятся, то теперешнее течение будет таким же, но причиной его не будет являться более высокое или наклонное дно моря, как это утверждает Стратон... Вообще сравнение моря с реками совершенно противоречит физической науке: ведь реки текут вниз по наклонному руслу, тогда как море не имеет наклона. Течение в проливах объясняется другой причиной, а не тем, что наносы речного ила заполнили глубокие места в море. Ведь наносы образуются у самых устьев рек, например так называемые Груды в устье Истра, Скифская пустыня и Салмидесс (где и другие бурные потоки содействуют образованию наносов); песчаное низкое устье Фасиса и топкое побережье Колхиды; устье Фермодонта и Ириса, вся Фемискира, равнина амазонок и большая часть Сидены» (I, 3, 5—7).

Как мы видим, древнегреческие географы пытались решить важные вопросы геологической истории Черного моря, причины течения, появления прибрежных мелей и т. д. Но в то время наука не располагала всей суммой знаний, необходимых для правильного решения этих проблем. И поэтому античные географы абсолютизировали те или иные причины и явления. Они пришли к совершенно правильному выводу о колебаниях уровня моря, но, разумеется, не могли на той ступени развития географии выявить основную причину этого явления — изменения уровня Мирового океана,

связанные с климатом. Но Страбон все же нашел одну из немаловажных причин — тектонические движения земной поверхности. Это, конечно, его большая заслуга. Стратон же пытался объяснить все разницей в уровне и глубине морей и теорией обмеления в связи с заиливанием. Эти объяснения, как показал еще Страбон, конечно, не соответствуют действительности. В сообщающихся морях практически нет существенной разницы в уровнях. Здесь наблюдается лишь минимальная разница, связанная с отгонно-нагонными явлениями, притоком, течением и т. п. А заиливание, разумеется, также не играет почти никакой роли в изменении уровня моря.

В этой связи интересно познакомиться с рассуждениями Полибия, который также придавал огромное значение накоплению осадков в Черном и Азовском морях. Это заиливание, имевшее якобы гигантский размах, было, по его мнению, одной из причин течения в Пропонтиду: «Вследствие впадения в сказанные бассейны многих больших рек из Азии и еще более многочисленных и многоводнейших из Европы переполняемая ими Меотида течет через устье в Понт, а Понт в Пропонтиду... Беспрестанное течение воды из Меотиды и Понта обуславливается двумя причинами: одна из них, непосредственная и для всех очевидная, состоит в том, что вследствие впадения многих вод в бассейны определенных размеров в них постоянно набирается все более и более влаги, которая при отсутствии всякого истока должна была бы, прибывая, постоянно занимать все большее и большее пространство водоема, а при существовании истоков избыток постоянно прибывающей и увеличивающейся воды должен постоянно вытекать и уноситься через существующие устья. Вторая причина состоит в том, что вследствие внесения реками после сильных дождей в названные водоемы отовсюду большого количества ила вода, вытесняемая образующимися наносами, постоянно поднимается и уносится тем же способом через существующие истоки. А так как наносы и приток воды из рек совершаются непрерывно и постоянно, то и излияние воды через устья должно происходить непрерывно и постоянно» (IV, 39). Здесь Полибий приводит, так сказать, теоретические предпосылки.

Затем он излагает свою теорию обмеления: «Мы утверждаем, что Понт издревле и поныне заносится (илом), а со временем и Меотида и он будут совершенно занесены, если, конечно, в этих местностях останутся те же природные условия и причины заноса будут действовать постоянно. В самом деле, так как время бесконечно, а эти водные бассейны повсюду имеют свои пределы, то очевидно, что даже при ничтожных наносах они с течением времени будут совершенно наполнены... Если же наносы будут совершаться не в ничтожном количестве, а в очень большом, то наше предсказание исполнится не в отдаленном будущем, а вскоре. Это, очевидно, и происходит на самом деле. Занесение Меотиды представляет уже осуществившийся факт; глубина ее в наибольшей части достигает только пяти или семи оргий (т. е. 8,9—12,5 м; оргия — сотая часть стадия, а стадий Полибия равен, как уже говорилось, 178 м), почему и плавание по ней уже невозможно для больших судов без лоцмана. Быв первоначально морем, слившимся в одно, как единогласно свидетельствуют древние, оно теперь представляет собою пресноводное озеро, вследствие того что морская вода вытеснена наносами и вода впадающих рек получила перевес. Подобное случится и с Понтом и даже уже происходит в настоящее время, но вследствие огромной величины водоема не слишком заметно для большинства; однако для наблюдающих даже не особенно внимательно это явление заметно и теперь» (IV, 40). Такова суть теории Полибия. Далее он пытается для большей убедительности проиллюстрировать ее конкретным примером. Что же это за пример?

Для наглядного подтверждения изложенной теории привлекается крайне интересная отмель под названием Стефы, т. е. Груды, которая уже фигурировала в полемике Страбона со Стратоном: «Так как Истр, протекая по Европе, впадает в Понт несколькими устьями, то перед ним на расстоянии дня пути от материка образовалась коса почти в тысячу стадий длиною из наносимого устьями ила; моряки, плывущие еще по открытому морю в Понт, иногда ночью незаметно набегают на нее и разбивают

корабли; эти места моряки называют Грудями. Тот факт, что этот нанос образовался не у самой земли, а выдвинулся далеко в море, обуславливается, нужно думать, следующей причиной: пока приносимые реками воды вследствие силы своего стремления берут перевес над морскими и отталкивают их, до тех пор отодвигается и земля и все приносимое течением и не может прямо остановиться и осесть. Но как только течение уничтожится вследствие глубины и обилия морской воды, тогда приносимый ил, естественно, уже останавливается и оседает книзу. Вот почему наносы могучих больших рек оседают вдалеке, а места, ближайšie к материку, остаются глубокими, тогда как небольшие и тихо текущие реки образуют отмели у самых устьев» (IV, 41). Вопрос об этой отмели вызвал много споров и дискуссий. Найдена она была с помощью палеогеографов. А пока ознакомимся до конца с рассуждениями Полибия.

Заканчивая свое изложение, античный географ обосновывает этот прогноз относительно дальнейшей судьбы Черного моря: «Поэтому не следует удивляться тому, что столь многие и столь огромные реки, постоянно текущие, производят вышеописанные явления и могут, наконец, занести Понт... Что это действительно случится, доказывается следующим явлением: насколько ныне Меотида преснее Понтийского моря, настолько же Понтийское ясно отличается от нашего. Отсюда ясно, что, когда пройдет времени во столько раз больше того, в которое произошло занесение Меотиды, во сколько один водоем больше другого, тогда и Понт сделается мелководным, пресноводным и болотистым подобно Меотийскому озеру. Впрочем, нужно думать, что это случится тем скорее, чем сильнее и многочисленнее течения впадающих в него рек» (IV, 42).

Но прогноз Полибия, как мы видим, не подтвердился. Ничего подобного с Черным морем не случилось. Полибий, конечно, фантастически преувеличивал процесс осадконакопления. Отсюда и несбывшиеся предсказания.

Однако теория обмеления основывалась не на голой фантазии античных географов. Дело в том, что во второй половине I тысячелетия до н. э. черноморское побережье действительно было очень заиленным. И это, конечно, не могло пройти мимо внимания ученых. Но причина появления этих илов не в обильном осадконакоплении, как считали Стратон, Полибий и другие географы, а в понижении уровня Черного моря. «Ведь именно на это время приходится фанагорийская регрессия, в результате которой везде обнажились прибрежные илы, обмелели лиманы. Обмелело и Азовское море. Аристотель в своем труде «Метеорология» приводит об этом конкретные сведения: «Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад; из этого легко сообразить, что и оно, подобно многим озерам, первоначально обязано своим происхождением рекам и что в конце концов ему суждено всему высохнуть» (I, 14, 29). Это сообщение имеет особую ценность. Оно свидетельствует о том, что во второй половине IV в. до н. э., когда были написаны эти строки, фанагорийская регрессия еще продолжалась и Азовское море стало намного мелководнее, чем 60 лет до этого. Этим мы получаем важное доказательство для уточнения кривой изменения уровня Черного моря.

Кстати, о глубинах. Изучая Понт Эвксинский, античные мореплаватели, конечно, пытались узнать, насколько глубоко это море. Вот что сообщает об этом, например, Плиний: «Наибольшая глубина моря, по словам Фабиана, достигает 15 стадиев. Другие говорят, что в Понте против земли племени кораксов на расстоянии около 300 стадиев от материка море имеет неизмеримую глубину и что там никогда еще не доставали до дна (эти места называют пучинами Понта) (II, 204). Об этих пучинах рассказывает также Аристотель: «Находящееся под Кавказом озеро, которое туземцы называют морем, очевидно, находит себе выход в глубине: принимая в себя много больших рек и не имея открытого стока, оно изливается под землю у страны кораксов, около так называемых пучин Понта; это неизмеримая глубина моря: по крайней мере никто еще никогда не мог достать дна, спуская лот» (I, 13, 29). Но у кавказского побережья таких больших глубин нет. Наибольшую измеренную глубину Плиний определяет в 15 стадиев. Если считать,

что здесь использован самый короткий стадий в 149 м, получим 2235 м (при расчете с другими стадиями эта величина будет соответственно большей). А наибольшая глубина по современным данным равна, как уже говорилось, 2245 м. Древние и современные измерения, как мы видим, почти совпадают. Такая глубина зафиксирована в центральной части моря. А в указанном районе кавказского побережья глубины едва превышают 2000 м. Возможно, при несовершенстве измерений в древности с помощью лота существующее здесь течение мешало точному измерению и не давало достичь дна, в результате чего и могло создаться впечатление о пучинах.

В заключение вкратце остановимся на природных богатствах Понта Эвксинского. Причерноморье славилось в Древней Греции богатейшими запасами корабельного и строительного леса, железной рудой, различным сырьем. Например, Аристотель в своем произведении «О чудесных слухах» особо отмечает высококачественное железо, изготавливаемое халибами, известными в древности металлургами: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот по одним рассказам просто промывают и плавят на огне, а по другим — образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень, коего много в той стране; этот род железа гораздо лучше прочих, и если бы оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось бы от серебра. Только одно это железо, по рассказам, не подвергается ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве» (§ 30). К этому вопросу об изготовлении железа из гематито-магнетитовых песков мы еще вернемся в последующих главах.

И конечно же, Черное море широко славилось своими рыбными богатствами. Более пресное по сравнению со Средиземным морем и более богатое кормом оно привлекало к себе, особенно во время нереста, огромные стада рыб. Вот, например, что пишет об этом Аристотель в «Истории о животных»: «Большинство колий (род скумбрии) не входят в Понт, но проводят лето и выводят детенышей в Пропонтиде, а зимуют в Эгейском море; но тунцы, пелакиды и тумакисы (тоже род тунцов) весной входят в Понт и там проводят лето, равно как и большая часть идущих по течению и стадных рыб; а стадами живет большинство рыб; все стадные рыбы имеют вожаков. В Понт они переселяются из-за пищи (корм там и обильнее и лучше вследствие пресноты воды) и потому, что там меньше больших морских животных; в Понте нет ничего кроме дельфинов и тюленей, да и дельфины там малы, а по выходе из него немедленно попадают большие. Итак, рыбы переселяются туда из-за пищи, а также и для вывода детенышей: там есть удобные для этого места, а годная для питья и более пресная вода способствует развитию мальков. Когда же процесс размножения окончится и мальки подрастут, они выходят из Понта немедленно после Плеяд» (VIII, 13).

Особенно благоприятным для нереста и дальнейшей жизни многих ценных пород рыб было Азовское море. Рыбные промыслы составляли одну из важных частей экономики античных городов Боспора Киммерийского. В этом плане показательным и название столицы Боспорского царства — Пантикапей, которое означает «рыбный путь». Здесь по проливу рыба шла на нерест в Меотиды и со временем возвращалась обратно. Затем оттуда же шли и стада молоди. Исключительно выгодное местоположение Пантикапея определило его видную роль как одного из основных экспортеров рыбы. Боспорская рыба была хорошо известна как в Понте, так и далеко за его пределами.

Тыко же выгодное для рыбных промыслов положение занимал Византия, один из крупнейших античных центров, занимавший ключевое положение у входа в Понт. Полибий отмечает: «Византийцы занимают местность со стороны моря наиболее удобную во всей вселенной в отношении безопасности и выгод, а со стороны суши в обоих отношениях крайне невыгодную. С моря они так господствуют над входом в Понт, что купеческим судам невозможно ни войти туда, ни выйти без их согласия. В Понте есть много полезного для жизни другим народам, и византийцы держат все это в своих

руках. Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая» (IV, 38). Показательно, что, по словам того же Полибия, известный в античной истории Катон негодовал по поводу того, что некоторые ввели в Рим чужеземную роскошь, покупая за триста драхм бочонок понтийской соленой рыбы. Как мы видим, соленая рыба считалась предметом роскоши и стоила немалых денег.

Ключевое положение Византия наглядно иллюстрирует сообщение Геродота о пиратских действиях тирана Милета Гистиея: «Лесбосцы, снарядив восемь триер, поплыли вместе с Гистиеем в Византии и, устроив там засаду, начали захватывать плывущие из Понта корабли, кроме тех, на которых изъявили готовность подчиниться Гистиеею» (VI, 5).

О богатейших рыбных промыслах Византия довольно красочно рассказывает Страбон: «От мыса, образующего пятистадиевый пролив, до гавани, носящей название „Под смоковницей“, всего 35 стадиев; отсюда же до Рога византийцев 5 стадий. Рог — это залив, примыкающий к стене византийцев, простирающийся приблизительно в западном направлении на 60 стадий подобно оленьему рогу. Он разветвляется на множество маленьких бухт, как бы на ветви. Сюда попадают пелакиды, ловля которых облегчается их огромной массой, сильным течением, сгоняющим рыбу в кучу, и узостью заливов; в этой тесноте их можно ловить даже голыми руками. Эта рыба нерестится в болотах Меотиды, а когда немного подрастет и окрепнет, то косяками устремляется через устье и идет вдоль азиатского берега до Трапезунта и Фарнакии. Здесь начинается первая ловля пелакиды, однако не особенно обильная, так как рыба не достигает еще нормальной величины. Но когда косяки рыбы доходят до Сино-пы, то она уже более зрелая для ловли и засола. Всякий раз, когда рыба достигает Кианей и проходит мимо них, какая-то белая скала, выступающая со стороны халкедонского берега, так сильно пугает ее, что она тотчас же поворачивает к противоположному берегу. Ее подхватывает здешнее течение; но поскольку эта местность от природы благоприятствует повороту морского течения к Византию и к лежащему у него Рогу, то, естественно, рыба направляется сюда и доставляет византийцам и народу римскому значительный доход. Халкедонцы же, хотя и живут поблизости на противоположном берегу, не имеют доли в этом богатстве, так как пелакида не подходит к их гаваням. Отсюда рассказ о том, как после основания Халкедона магарцами Аполлон повелел тем, кто вопрошал оракула, желая потом основать Византию, «заложить поселение напротив слепцов»; бог назвал халкедонцев слепыми за то, что они, хотя и приплывали прежде в эти места на кораблях, упустили возможность занять столь богатую область на другом берегу и выбрали более бедную страну» (VII, 6, 2).

Аналогичную крылатую характеристику халкедонцам дал, по словам Геродота, Мегабаз, один из военачальников Дария: «Этот Мегабаз оставил по себе бессмертную память среди геллеспонтийцев, сказав такое слово. Находясь в Византии, он узнал, что калхедоняне заселили эту страну на 17 лет раньше, чем жители Византия. Узнав это, он сказал, что калхедоняне в течение этого времени были слепыми. Если бы они не были слепыми, то как могли бы они выбрать худшую страну, когда была возможность заселить страну более прекрасную» (VI, 144).

Таким образом, исключительно выгодное географическое положение давало Византию огромные экономические и военно-политические преимущества. Город занимал ведущее положение в этом регионе и при необходимости мог влиять на различные стороны социально-экономической жизни понтийских центров. На этом мы закончим общее ознакомление с Понтом Эвксинским и перейдем к конкретному рассмотрению его побережья по маршруту перипла Арриана.

От святилища Зевса Урия к Трапезунту

Свое произведение правитель Каппадокии посвятил императору Адриану. Посвящением и начинается перипл: «Императору Цезарю Траяну Адриану Августу Арриан желает здравствия». Эта фраза снимает какие-либо сомнения относительно авторства и времени написания перипла. Такая возможность точно датировать античное произведение встречается не так уж часто. А конкретное изложение начинается с сообщения о прибытии в Трапезунт. Затем идет рассказ о плавании от Трапезунта до Диоскуриады—Себастополиса. И только после него следует описание черноморского побережья от Боспора Фракийского до Трапезунта. А наше путешествие начнется соответственно с устья Понта.

Первый упоминаемый в перипле пункт — это, конечно, Византии, владеющий проливом — ключом к Понту Эвксинскому. Только с позволения византийцев можно было вплыть сюда или, наоборот, выйти в Пропонтиду. Поэтому и пролив и город были широко известны в античном мире.

Боспор Фракийский имел огромное значение для развития античного мореплавания. Здесь начиналось или завершалось тяжелое и часто опасное плавание в Понт. А для некоторых моряков оно оказывалось последним. Столь широкая известность породила немало мифов о проливе. На его берегах было воздвигнуто несколько святилищ. Богатые жертвоприношения и посвящения богам должны были обеспечить безопасное плавание и счастливое возвращение. Известны стоявшие на спуске к морю храмы Геры и Плутона. Печальная участь постигла их еще в древности. Храм Геры сожгли персы после возвращения из неудачного похода против скифов. Как сообщает Дионисий Византийский, они мстили «во имя царя за то, в чем обвиняли город». Причина этого заключалась, видимо, в том, что Византии не принимал активного участия в завоевательских походах Дария. А храм Плутона македонский царь Филипп II, отец Александра Македонского, разобрал, нуждаясь в лесе, во время осады Византия в 340 г. до н. э.

Следует упомянуть и храм Птолемея Фильдельфа. Хотя он был простым смертным, но, как рассказывает Дионисий Византийский, «византийцы почтили его как бога, получив большую выгоду от великодушия его и уважения к городу: ведь им он подарил область в Азии и много мириад хлеба, и оружие, и деньги» (§ 41). От этого же автора мы узнаем и о святилище покровителя мореплавателей: «После же Архия поднимается высокая и круто спускающаяся в глубину скала; выдаваясь на конце мыса, она первая воспринимает на себя всю ярость моря, поражаемая бурным морем. На вершине же ее установлен Морской Старец: одни называют его Нереем, другие же — Форкисом, иные же — Протеем, некоторые же — отцом Семистры, а есть, которые говорят, что он был тем, кто дал Язону и бывшим с ним разъяснение их плавания и был путеводителем при проходе ими теснин» (§ 49). Последние слова следует отнести к Финею — прорицателю, указавшему путь аргонавтам в Колхиду. Примечательно, что его помощь объясняется здесь не мифическими, а вполне реальными действиями: он как лоцман провел корабль через узкий пролив мимо опасных скал и объяснил дальнейший маршрут.

В 120 стадиях (19 км) от Византии Арриан указывает знаменитое святилище Зевса Урия, т. е. Попутного, которое в силу своей широкой известности называлось иногда просто Гиерон, т. е. Святилище. Оно находилось вблизи Кианей на азиатском берегу пролива. Здесь после прохождения печально известных Кианей начинался для мореплавателей путь в Понт Эвксинский. Дионисий Византийский, например, красочно говорит об этом так: «От Кианей на восток открывается огромный Понт до пределов, не охватываемых взором и не доступных нашим глазам» (§ 87). И первым долгом моряков было — совершить жертвоприношение Зевсу, прося удачного плавания, попутного ветра и покровительства в делах.

Интересные и довольно подробные сведения об этом святилище приводит тот же автор: «За Хелами идет так называемый Гиерон, воздвигнутый Фриksom, сыном Нефелы и Атаманта, когда он плыл к колхам; хотя им владели византийцы, но по существу он — общее убежище для всех плавающих. Над храмом идет стена в виде круга; в середине ее — крепость, которую опустошили гала-ты, как и многие другие места Азии. Обладание же святилищем было предметом споров, так как многие предъявляли притязание на владение им, в то время как они властвовали на море, но больше всех старались его присвоить себе как свое наследственное место халке донцы; однако на самом деле обладание этим храмом всегда оставалось за византийцами, некогда ввиду их господства на море и их местной силы — ведь они владели морем, имея много кораблей — и опять-таки потому, что выкупили его от Каллимета, начальника войск Селевка.

В Святилище стоит бронзовая статуя, произведение древнего искусства, имеющая образ мальчика с молитвенно протянутыми руками. Приводится много причин, почему эта статуя изображена в таком виде: одни говорят, что это есть знак опасности для плавающих, отвращающий их от неразумия плавания, полного опасностей, и показывая радость возвращения для возвращающихся и любовь к родителям; ибо и то и другое происходит не без страхов; другие говорят, что некогда мальчик, блуждая по берегу, пришел тогда, когда корабль уже отплыл, и что он, потеряв надежду на спасение, воздел руки к небу, и что бог, услышав мольбу мальчика, вернул корабль в гавань; иные говорят, что при наступившем великом спокойствии моря, когда прекратилось всякое дуновение ветра, какому-то кораблю пришлось долго здесь задержаться и что моряки уже стали страдать от недостатка питья; и вот наверху явилось видение, повелевающее, чтобы наварх (капитан корабля.— *М. А.*) принес в жертву своего сына, ибо другим способом он не может получить ни продовольствия, ни попутного ветра; когда наварх был вынужден неизбежностью и готов был принести в жертву мальчика, мальчик протянул свои руки, и бог, тронутый жалостью ввиду нелепой казни ребенка и ввиду его юного возраста, снял с алтаря ребенка и послал попутный ветер. Пусть эти рассказы и противоположные им считаются достоверными как кому нравится» (Дионисий Византийский, § 92—93).

Таким образом, установленная здесь статуя мальчика с молитвенно протянутыми руками, надо полагать, символизировала всю ту огромную опасность, которая ждала здесь мореплавателей, предостерегала их, призывала к благоразумию, напоминала о радости возвращения домой, где их ждут родные и близкие. Посещение святилища и было началом плавания в Понт. Отсюда вели и отсчет расстояний.

Это знаменитое святилище не сохранилось до наших дней. Как и многие другие сооружения античности, его постигла печальная участь. На его месте у современного местечка Анадолу Кавагны была построена средневековая крепость. В стенах этой крепости обнаружены остатки архитектурных сооружений храма Зевса Урия. В частности найдены сохранившиеся в своем первоначальном положении мраморные ворота Гиерона, обращенные на север и служившие входом в замок. Обнаружены также обломки мраморных плит с надписями. Среди них — интересный декрет о денежном обращении в Ольвии.

Ознакомившись с Боспором Фракийским, перейдем непосредственно к побережью Понта. Общие сведения о прилегающем к устью району можно почерпнуть у Страбона: «Если плыть из Пропонтиды в Эвксинский Понт, то слева лежат местности по соседству с Византием (они принадлежат фракийцам и носят название „Левой стороны" Понта), а справа находятся пограничные с Халкедоном области. Первыми здесь живут вифинцы, потом мариандины (некоторые называют их кавко-нами), затем до реки Галиса — пафлагонцы, и, наконец, каппадокийцы, что на Понте, и следующие за ними народности вплоть до Колхиды. Все эти области называются „Правой стороной" Понта Эвксинского. Над всем этим побережьем от Колхиды и до Гераклеи господствовал Евпатор; области же за этими пределами вплоть до входа в Поит оставались под властью вифинского царя.

После низвержения царей римляне сохранили те же границы: так, Гераклея была присоединена к Понту, а области за ней отошли к Вифинии» (XII, 3, 2).

Далее географ приводит интересные данные о происхождении вифинцев: «Большинство согласны с тем, что вифинцы, бывшие прежде мисийцами, получили свое измененное имя от фракийцев — вифинов и финов, поселившихся в этой стране. Относительно племени вифинцев приводят в доказательство то, что еще и теперь некоторые племена во Фракии называются вифинами, относительно же финов — то, что побережье вблизи Аполлонии и Салмидесса носит название Финиады» (XII, 3, 3).

Эти и другие важные сведения Страбона интересны не только сами по себе, но и значительно облегчают понимание кратких лаконичных указаний Арриана. Поэтому мы и в дальнейшем изложении будем не раз привлекать данные Страбона. Переходим теперь к детальному ознакомлению с периплом Арриана.

Вместе с автором" перипла мы отправляемся от святилища Зевса Урия вдоль южного побережья Понта Эвксинского. Справа по борту тянется высокий обрывистый берег. Гористая местность покрыта лесами. Берег изрезан слабо. Глубоких заливов и удобных бухт мало. Больших судоходных рек почти нет. Связь с глубинными районами затруднена. Поэтому древнегреческих городов и поселений здесь было немного. Арриан называет тут следующие пункты: р. Ривас, Черный мыс, р. Артенис, где храм Афродиты и небольшая гавань, р. Псилис, у которой могут приставать небольшие суда, р. Роя, где расположена гавань для малых судов, небольшой остров Аполлония, за которым находится гавань.

Остановим свое внимание на острове Аполлония. Его упоминают также другие авторы. Плиний, например, отмечает: «затем Аполлония, названная Тиниадой, чтобы от нее отличалась та, которая находится в Европе; она отстоит от материка на 1 милю и имеет 3 мили в окружности» (VI, 32). Современное название этого островка — Кефкен. В античное время он не играл практически никакой важной роли и упоминается как посвященный Аполлону островок, вблизи которого есть гавань, где при необходимости можно сделать остановку.

Далее рядом с островом указан мыс Хиле (соврем, мыс Кефкен) и затем р. Сангарий, которая сохранила свое название до сих пор — Сакарья. Следует подчеркнуть, что в Южном Причерноморье, где население было более стабильным, чем в других причерноморских районах, многие античные названия в несколько искаженном виде существуют и в настоящее время. Река Сангарий в древности была довольно известной, так как по ней проходила граница Вифинии.

Затем в перипле упомянуты: р. Гипп, гавань Лиллион, гавань Елея, гавань Калис, р. Ликос и, наконец, Гераклея, один из крупнейших понтийских центров. Он находился на месте современного г. Эрегли, название которого не что иное, как искажённое древнее имя.

Общее представление об этом районе можно получить из следующего отрывка «Географии» Страбона: «О ма-риандинах и кавконах не все сообщают одинаковые сведения: говорят, что Гераклея находится в области ма-риандинов и основана милетянами; однако ничего не говорится о том, кто они были и откуда пришли. Ничего не говорится об их языке или о каком-нибудь другом этническом различии, но они похожи на вифинцев. Кажется и это племя было фракийским. По словам Феопомпа, Мариандин властвовал над одной частью Пафлагонии, которая была подчинена многим правителям; затем он напал на страну бевриков, овладел ею, но потом покинул, дав ей свое имя. Передают также, что первые основатели — милетяне — заставили мариандинов, прежних властителей страны, служить себе в качестве илотов, так что последних они даже продавали, однако не за пределы страны (ибо об этом они договорились друг с другом), подобно тому как так называемая община мнөөв была крепостными рабами у критян, а у фессалийцев — пенесты» (XII, 3,4).

Дальнейшие исторические события сложились так, что милетяне были вынуждены уступить это место дорийцам. И Гераклея Понтийская стала одной из немногих в Понте дорийских колоний. Дорийцы основали здесь только расположенные в устье Калхедон и Византии, а затем — Месембрию. Укрепившись, Гераклея увеличила это число и вывела две собственные колонии — Каллатис и Херсонес Таврический.

Гераклея была одним из известнейших ремесленно-производственных и торговых центров. Особенно славились ее гончарные мастерские. Здесь изготавливали известные гераклеийские амфоры, в которых транспортировали различные жидкие и сыпучие товары. О широком размахе

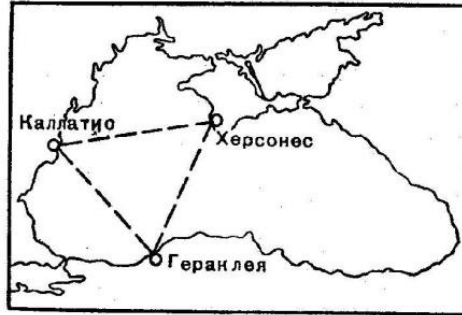

Рис. 3. «Черноморский треугольник». Краткие морские пути по маршруту: Гераклея — Херсонес — Каллатис — Гераклея

ее торговой деятельности свидетельствует хотя бы тот факт, что гераклеийские амфоры в большом количестве встречаются практически во всех античных городах Причерноморья, а также далеко за его пределами.

Для такой крупномасштабной торговли, конечно, были необходимы в первую очередь прекрасно оборудованный порт, большой собственный торговый флот и богатый опыт мореплавания. Все это у Гераклеи было. Страбон, например, характеризует ее как «город с хорошими гаванями и вообще заслуживающий упоминания, так как он даже высылал колонии, ведь Херсонес и Каллатида — его колонии» (XII, 3, 6).

Действительно, на территории современной Мангалии в Румынии Гераклея основала Каллатис. А на месте современного Севастополя в 422—421 гг. до н. э. появилась другая гераклеийская колония — Херсонес Таврический, который довольно быстро стал одним из крупнейших городов Северного Причерноморья. С этими тремя городами мы еще познакомимся ближе в последующем, а пока рассмотрим один очень интересный вопрос, связанный с ними, точнее с их географическим положением относительно друг друга. Это обстоятельство вызывает особый интерес и заставляет остановиться на нем специально (рис. 3).

Что же представляется здесь интересным? Взглянем на карту Черного моря. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы связать местоположение этих трех городов с особенностью конфигурации черноморских берегов в западной половине Черного моря. Дело в том, что прославившаяся торговлей Гераклея находится в чрезвычайно удобном месте понтийского побережья — вблизи наиболее узкого участка моря между пафлагонским мысом Карамбис и таврическим мысом Бараний лоб. Расстояние между ними равно 263 км. Античные географы хорошо знали это сужение, придававшее морю форму скифского лука. И древние мореплаватели проложили здесь один из кратких путей через Понт Эвксинский. Этот путь они проходили, как сообщает Псевдо-Скимн (§953—957), за сутки. Следует отметить и довольно точные измерения. Плиний, например, определяет расстояние между мысами в 170 миль, т. е. 252 км (IV, 86). Разница, как мы видим, минимальная и объясняется несовершенством и неточностью измерений в древности.

Освоению и широкому использованию этого краткого пути во многом способствовало и черноморское течение. Выйдя из Гераклеи, судно попадало в основную

ветвь течения и доходило до Карамбиса. Перед мысом корабль поворачивал на север и по ветви западного круга течения шел к Бараньему лбу. При дальнейшем следовании в Херсонес или Ольвию плаванию помогало уже крымское течение. А идя в Пантикапей, моряки прокладывали курс подальше от берега, чтобы избежать влияния встречного течения. А на обратном пути от Бараньего лба к Карамбису движению корабля помогало попутное течение восточного круга. Таким образом, при прохождении этого краткого пути и в том и в другом направлении античные мореплаватели использовали попутное течение, которое значительно увеличивало скорость корабля и этим давало большой выигрыш во времени¹. Как мы видим, выгодность географического положения Гераклеи переоценить трудно. Эти преимущества в такой же степени, даже — в большей, использовала и Синопа, располагавшаяся восточнее мыса Карамбис, еще ближе к крымским берегам, чем Гераклея. Такие значительные преимущества давали возможность именно этим центрам вести обширнейшую торговлю с городами Северного Причерноморья.

Когда же был освоен краткий путь Карамбис — Бараний лоб? М. И. Максимова относила это событие к первой половине IV в. до н. э., В. Ф. Гайдукевич — к V в. до н. э.² Многие исследователи полагают, что к концу V — началу IV в. до н. э. античные мореплаватели уже умели преодолевать открытые морские пространства, ориентируясь по солнцу и звездам³.

С этим вопросом, надо полагать, связано и основание Гераклеей Херсонеса. Он появился, как уже говорилось, в 422—421 гг. до н. э. на месте, где, видимо, уже существовало более раннее ионийское поселение. Основание города было вызвано, разумеется, целым рядом социально-экономических причин. Но одна из них связана, по всей вероятности, с кратким морским путем. Чтобы обеспечить регулярное надежное плавание этим путем, необходимо было вблизи Бараньего лба построить хороший порт. Основание Херсонеса и решило эту задачу. К этому времени мореплаватели, конечно, уже знали прямой путь. Ведь не вдоль побережья же приплыли сюда выходцы из Гераклеи! Мысль о таком длительном каботажном маршруте никак не вяжется с самой задачей основать город, к которому затем можно будет плавать напрямик.

Но основание Херсонеса было для Гераклеи лишь первой частью далеко идущего плана развития мореплавания на левой стороне Понта. Вторая часть плана связана с основанием Каллатиса. Здесь также следует подчеркнуть, что возникновение этого города объясняется целым рядом причин исторического и социально-экономического характера. Но одну из причин, на мой взгляд, необходимо рассматривать в тесной связи с освоением других кратких морских путей. На эту мысль наталкивает изучение конфигурации берегов в этом районе и схемы черноморского течения. Рассмотрим путь от Гераклеи к Каллатису. Здесь возможны два маршрута: 1) каботажный, вдоль берега и 2) напрямик, через открытое море. Каботажный путь, во-первых, значителен по расстоянию. Во-вторых, кораблю здесь все время приходится идти против течения, которое существенно замедляло скорость. Такое плавание занимало довольно много времени. А прямой маршрут почти вдвое короче. И здесь нет встречного течения, затрудняющего ход корабля. Поэтому прямой путь занимал примерно втрое меньше времени. Изложенные соображения дают основание выдвинуть предположение о том, что от Гераклеи к Каллатису существовал краткий путь через открытое море. Расстояние здесь равно примерно 360 км. Для его прохождения требовалось около полутора суток.

¹ Подробные расчеты см.: *Золотарев М. И.* Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Пробл. греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 96.

² *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИ А. 1954. 33. С. 56 и след.; *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА, 1969. 116. С. 18—19.

³ См., например: *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976. С. 48.

Местоположение Каллатиса следует связывать, как мне представляется, с еще одним кратким морским путем—от устья Дуная (Истра) к Крыму. Он известен нам из перипла Псевдо-Скилака, который был составлен примерно в середине IV в. до н.э.: «От Истра до Бараньего лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив. В этом заливе есть пустынный остров по имени Белый, посвященный Ахиллу. От Бараньего лба до Пантикапея день и ночь пути» (§ 68). Это чрезвычайно интересное сообщение вызывает к себе особое внимание, так как в приведенных сведениях имеется значительное несоответствие во времени плавания. Расстояние от Истра до Бараньего лба, равное 390 км, судно проходит за трое суток, а от Бараньего лба до Пантикапея, где насчитывается 250 км, лишь за сутки. Суточный переход в 250 км, как свидетельствуют данные Геродота (IV, 86), Псевдо-Скимна (§ 953—957), вполне возможен. Следовательно, путь от Истра до Бараньего лба должен занимать около полутора суток. Но по периплу для этого требуется вдвое больше времени. Встает вопрос, почему?

В. Ф. Гайдукевич пришел к выводу, что здесь совмещены сведения из разных источников: в одном случае плавание проходило со скоростью 3 узла, а в другом — 6 узлов, и заключил, что «те или иные индивидуальные случаи, касающиеся скорости прохождения судов на отдельных отрезках маршрута, могли получить отражение в перипле в виде некоего правила»⁴. Но такой вывод оказался поспешным. Подобные взгляды на принцип составления периплов не могут быть приняты. Ведь периплы служили основным руководством для мореплавателей и содержали точные, обобщающие сведения, основанные на результатах многолетних плаваний. И какой-то частный, нехарактерный случай, конечно, не мог послужить основанием для сообщения в таком официальном документе, как перипл.

А причиной столь длительного плавания оказалось течение⁵. Основное черноморское течение, особенно сильное вблизи устьев Истра (Дуная), замедляло ход судна и относило его к югу. Выйдя из него, корабль попадал в идущую от Крыма ветвь течения западного круга. Поэтому прямое плавание от Истра к Бараньему лбу длилось так долго. Каботажный путь также занимал много времени — 6 суток — из-за встречного влияния основного течения. Плавание напрямик при всем этом все же было, конечно, выгоднее.

Какое же может иметь отношение к этому краткому пути Каллатис? Дело в том, что если проложить прямой курс к берегам Крыма именно отсюда, то плавание здесь будет легче и займет меньше времени, чем маршрут Псевдо-Скилака. На этом участке влияние основного течения не столь ощутимо, как непосредственно у устьев Истра. И с крымской ветвью течения тут можно разминуться. Все это дает основание выдвинуть предположение о существовании краткого морского пути от Каллатиса к Херсонесу. Этот путь, равный примерно 400 км, занимал не более 2,5 суток. Выигрыш во времени по сравнению с маршрутом Псевдо-Скилака составлял примерно 12 часов. А обратный путь от берегов Крыма к Истру или Каллатису занимал, надо полагать, около 1,5 суток. Как мы видим, город занимал выгоднейшее географическое положение и играл огромную роль в развитии мореплавания и торговли. Ведь не зря из-за пользования его гаванью происходили столкновения соседних античных городов.

Таким образом, Гераклея и основанные ею Херсонес и Каллатис были расположены в исключительно удобных местах понтийского побережья и обеспечивали прямые плавания через открытое море. Эти краткие морские пути можно назвать «черноморским треугольником». Существование «черноморского треугольника» в огромной степени способствовало тому, что Гераклея стала одним из крупнейших

⁴ Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. 116. С. 13.

⁵ Подробнее см.: Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 37 и след.

торговых центров Понта Эвксинского и играла большую роль в развитии мореплавания и торговли в системе всего античного мира в целом.

В дальнейшем описании южного побережья Понта Арриан перечисляет между Гераклеей и Карамбисом целый ряд ничем особо не примечательных пунктов и местностей: Митроон, Посидион, Тиндарида, Нимфей, р. Ок-син, гавани Сандаракис, Кринида, Псил, Тион, р. Биллеос, р. Парфений, гавань Амастрис, Герифина, Кромны, гавань Котиора, Эгиала, Фимиона. Остановимся вскользь на некоторых из них. Местность Нимфей не выделяется какими-либо широко известными достопримечательностями, но к ней мы еще вернемся при описании побережья Боспора Киммерийского и рассмотрении одного из интереснейших и крайне дискуссионных вопросов античной географии и истории Причерноморья.

Тион — как отмечает Страбон, «вовсе не стоил бы упоминания, если бы оттуда не происходил Филетер, родоначальник царского рода Атталидов» (XII, 3, 8).

Реку Парфений Арриан называет границей между вифинцами, фракийским племенем и пафлагонцами. Интересно ее название. Страбон объясняет его тем, что река «течет по местности, покрытой цветами, отчего она получила свое имя» (XII, 3, 8). Само слово «парфений» буквально означает «девичий» — название цветка, из которого плели венки.

Страбон приводит также интересные сведения об Амастрии и ее окрестностях: «После реки Парфения идет Амастрия, город, одноименный своей основательнице. Он построен на перешейке, по обеим сторонам которого находятся гавани. Амастрия была супругой Дионисия, тирана Гераклеи, дочь Оксияфра, брата Дария, современника Александра. Амастрия основала город из 4 объединенных поселений: Сесама, Китора, Кромны (которую Гомер упоминает в своем описании боевого построения пафлагонских кораблей) и Тиея. Последний, однако, скоро отделился от сообщества, но остальные остались объединенными; из трех городов Сесам назывался акрополем Амастрии. Кнтор был некогда портом синопцев, а назван, как говорит Эфор, по имени Китора, сына Фрикса. На территории Амастрии произрастает в наибольшем количестве лучшего качества буковое дерево, особенно около Китора. Эгиал представляет собой длинный берег, протяжением около 100 стадий; на нем находится одноименное селение, о котором упоминает в „Илиаде“ Гомер:

Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифийи населяли.

Говорят, что Эрифинами называются современные Эрифины по их цвету (т. е. красные.— М. А.); это — две скалы. После Эгиала следует Карамбис — большой мыс, тянущийся к северу и к скифскому Херсонесу» (XII, 3, 10).

Это описание интересно не только само по себе, но и очень важно также для датировки сведений перилла. Их сопоставление приводит к следующим наблюдениям. Арриан называет Амастрию не городом, а пристанью, и указывает Кромны и Котиору (Китору Страбона) как отдельные, самостоятельные пункты. Иными словами, здесь отражена ситуация до их объединения Амастрией. Это объединение произошло, учитывая, что Амастрия, дочь современника Александра Македонского, была уже замужней женщиной, видимо, не позднее начала III в. до н. э. Следовательно, эти данные перипла относятся не ко времени Арриана, как обычно принято считать, а примерно к концу IV — началу III в. до н. э.

Мыс Карамбис уже неоднократно упоминался до этого. Это современный мыс Керемпе. Древнее название, как мы видим, сохранилось до сих пор, хотя несколько искажено. Этот заметный издали мыс значительно выдается в море. Напротив него лежит крымский мыс Бараний лоб. Они образуют заметное сужение берегов и, по выражению античных географов, делят Понт Эвксинский на два моря. Интересно сообщение Страбона о том, что «многие из тех, которые проплывали этот пролив, говорят,

что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря» (VII, 4, 3). Но современные мореплаватели ставят под сомнение возможность видеть одновременно оба мыса⁶.

Любопытные сведения об этом районе приводит Плиний: «Достоверно известно, что журавли, собираясь перелететь через Понт, прежде всего направляются к самому узкому его месту — между мысами Бараньим лбом и Карамбисом, затем придают себе устойчивость балластом; пролетев середину Понта, они выбрасывают из лап камешки, а достигнув материка, выбрасывают и песок из клюва» (X, 60).

В дальнейшем описании Арриан указывает к востоку от Карамбиса несколько малозначительных пунктов: Зефирион, Авонотихос, Эгинитис, Кинолис, Стефани, Понтами, мыс Лептис, Армена. Затем упомянута Синопа (соврем. Синоп), один из крупнейших античных городов, известнейший ремесленно-производственный и торговый центр. Ее амфоры, черепица и другие изделия встречаются практически во всем Причерноморье, а также далеко за его пределами.

Чтобы получить общее представление о местоположении этого города, опять-таки обратимся к Страбону: «Синопа — наиболее замечательный город в этой части света. Основали его милетяне. Снарядив флот, Синопа получила господство на море по эту сторону Кианеев, а по ту сторону синопцы принимали участие во многих битвах на стороне греков. Хотя город в течение долгого времени оставался независимым, он не был в состоянии до конца сохранить свободу; после осады ее взял и поработил Фарнак, а затем его преемники, вплоть до Митридата Евпатора и римлян, которые сокрушили могущество последнего. Евпатор родился и получил воспитание в Синопе. Царь окружил город исключительным почетом и даже сделал столицей своего царства. Синопа благоустроена от природы и стараниями людей; ведь она построена на перешейке полуострова; по обеим сторонам последнего расположены гавани, корабельные стоянки и замечательные заведения для засола пеламид, о которых я уже упоминал, что синопцы получают второй улов, а византийцы — третий.

Полуостров окружен побережьем, изборозженным скалами с какими-то лощинами в них вроде ям, которые называются «хеникидами». Эти ямы наполняются водой при поднятии моря, так что из-за этого местность не легко доступна, а также и потому, что вся поверхность скалы покрыта колючками и по ней нельзя ходить босыми ногами. Тем не менее во внутренней части страны и над городом земля плодородна и украшена множеством полей, разделанных ч под сады, в особенности же предместья города. Самый город прекрасно укреплен стенами, а также великолепным гимнасием, рыночной площадью и портиками. Несмотря на это, город был все же дважды взят: в первый раз Фарнаком, который неожиданно напал на него, а затем Лукуллом и засевшим в городе тираном. Ибо поставленный царем в начальники гарнизона Вакхид, постоянно опасаясь измены изнутри города, множеством насилий и резней сделал горожан неспособными благородно защищаться или пойти на соглашение с врагом, подорвав их боеспособность. Так город был взят. Лукулл оставил, однако, в целости все украшения города, а увез только небесный глобус Биллара и произведение Сфенида статую Автолика, которого синопцы считали основателем их города и почитали как бога. Здесь находился и оракул его. Автолик, как кажется, был одним из спутников Ясона и завладел этой местностью. Впоследствии милетяне, узнав о выгодном расположении местности и слабости ее жителей, присвоили ее себе и выслали туда колонию.

В настоящее время Синопе пришлось принять римскую колонию, так что и часть города и городской земли принадлежит колонистам. Город находится в 3500 стадиях от халкедонского святилища, а от Гераклеи — в 2000 и от Карамбиса — в 700 стадиях. Синопа была местом рождения выдающихся людей: из философов — Диогена Киника и

⁶ Беренбейм Д. Я. О пути греков через Черное море // СА. 1958. № 3: О. 201—203.

Тимофея Патриона; из поэтов — Дифила, автора комедий; из историков — Батона, который написал «Историю Персии» (XII, 3, 11).

Сравним некоторые расстояния. От святилища Зевса Урия до Синопы Страбон указывает 3500 стадиев, а Арриан в кратком перипле — 3555 стадиев. Разница, как мы видим, незначительная. И объясняется она тем, что первый автор дает округленную цифру, второй же приводит детальные измерения с точностью до 5 стадиев. От Гераклеи до Синопы по Страбону 2000. стадиев, а по Арриану (краткий перипл) — 2005 стадиев. И здесь почти никакой разницы. Но на отрезке Карамбис — Синопа их цифры значительно расходятся: Страбон указывает 700 стадиев, Арриан (в кратком перипле) — 835 стадиев. Такое расхождение объясняется, на мой взгляд, следующим образом. Арриан приводит детальные измерения между всеми промежуточными пунктами[^] и столь большая ошибка здесь исключена. Страбон же не дает подробного описания этого побережья. Он не имел данных о расстоянии от Карамбиса до Синопы и высчитал его сам. По его данным, от святилища Зевса Урия до Синопы 3500 стадиев, а до Карамбиса — 2800 стадиев, как уже говорилось ранее (Страбон, II, 5, 22). Отсюда путем простого вычитания получается, что от Карамбиса до Синопы 700 стадиев. Но расстояние от святилища до Карамбиса по детальным измерениям перипла равно не 2800, а 2720 стадиям. Получается, что Страбон из заниженного расстояния от святилища до Синопы (3500 вместо 3555) вычел завышенное расстояние от святилища до Карамбиса (2800 вместо 2720) и в результате получил от Карамбиса до Синопы всего лишь 700 стадиев. Иными словами, географ «сдвинул» мыс на 135 стадиев ближе к Синопе. И соответственно на такое же расстояние Карамбис «отодвинул» дальше от Гераклеи. У Арриана же это расстояние составляет 1170 стадиев, а у Страбона получается 1300 стадиев.

После Синопы в перипле указаны: Карус, Загора, р. Галис, Навстафм, оз. Конопион, Евсини, Амис. Река Галис (соврем. Кизыл-Ирмак) прежде была границей владений лидийского царя Креза и персов, а ныне протекает по римским владениям и при устье разделяет земли синопейцев и амисцев. Свое название река Галис (т. е. соль) получила, как сообщает Страбон, «от соляных копей, намываемых ее течением» (XII, 3, 12).

Амис (соврем. Самсун), довольно крупный город, находился, по данным перипла, в 1020 стадиях от Синопы и был, как сообщает Арриан, колонией афинян. Страбон говорит об этом подробнее: «По словам Феопомпа, первыми его основателями были милетяне, затем правитель каппадокийцев, а потом туда выслали колонию афиняне под предводительством Афинокла, и город был переименован в Пирей... Кроме прочей прекрасной территории, город владеет и Фемискирой, местожительством амазонок, и Сиденей» (XII, 3, 14).

Затем Арриан называет в устье р. Ирис гавань Анкону, за ней гавань Гераклий и далее реку Фермондонт (соврем. Терме), «при которой, как говорят, жили амазонки». Это место многие авторы связывают с легендарными амазонками. Фемискира, где они жили, представляла собой, по красочному описанию Страбона, исключительно богатую равнину, орошаемую рекой: «В силу этого равнина всегда росиста и покрыта травой; она может прокормить стада коров, так же как и табуны лошадей. Земля принимает там в весьма большом или, лучше сказать, в неограниченном количестве посевы проса и сахарного тростника. Ведь обильное орошение преодолевает всякую засуху, поэтому голод никогда не постигает население этих мест. С другой стороны, местность по склону горы дает так много дикорастущих плодов, именно: винограда, груш, яблок и орехов, что в любое время года люди, посещая лес, находят там в изобилии плоды, то висящие еще на деревьях, то уже лежащие сверх или под насыпанными большими гудами опавшей листвы. Здесь благодаря обилию кормов постоянно можно охотиться на всевозможных зверей» (XII, 3, 15). Такое яркое описание наглядно показывает, насколько были богаты подобные равнины малоазиатского Причерноморья. Эти природные богатства почти полностью уничтожены человеком, особенно за последние столетия, в результате

активной хозяйственной деятельности и неразумного отношения к окружающей среде. Столь печальная картина лишней раз напоминает о губительных последствиях чрезмерно потребительского, необдуманного, а порой просто хищнического подхода человека к природе.

После р. Фермондонт в перипле названы: р. Бирис, р. Фоарис, Иноя, р. Фигамус, крепость Фадисанис, г. Полемоний, мыс Ясона, о. Киликон, гавань Боопа, г. Котиора, превратившийся в небольшое селение, р. Меланфиос, р. Фарматинос, г. Фарнакия, в древности называвшийся Керасус, колония синопцев. Из этих незначительных пунктов остановимся вкратце на Фарнакии, носящей имя царя Фарнака. Для общего представления об этом районе обратимся вновь к сведениям Страбона: «Современные халдеи в древности назывались халибами. Как раз напротив их области находится Фарнакия, которая на море имеет выгоды от ловли пеламид (ведь здесь впервые начали ловить эту рыбу), а на суше — рудники, теперь железные рудники, а прежде — даже серебряные. Вообще побережье в этой области совсем узкое; ведь как раз над ним поднимаются горы со множеством рудников, покрытые густым лесом, и только небольшая часть земли обрабатывается. Таким образом, рудокопам остается только добывать пропитание для жизни работой на рудниках, а занимающимся морским промыслом — рыбной ловлей, особенно пеламид и дельфинов. Ведь эти последние, преследуя стаи рыб — кордил, тунцов и самих пеламид,— становятся жирными, а оттого что они слишком быстро в погоне за приманкой приближаются к берегу, их легко ловить. Только жители Фарнакии ловят дельфинов на приманку, разрубают их на куски, пользуясь жиром для всевозможных надобностей» (XII, 3, 19).

За Фарнакией Арриан указывает остров Арринтиас. Он назывался также островом Ареса и был связан с мифами об амазонках. Этот остров упоминается в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, где прорицатель Финей, как передает упомянутый автор, рассказывает участникам похода: «Минуя их вы пристанете к скалистому острову, не имея возможности прогнать очень дерзких птиц, которые в бесчисленном множестве селятся на этом пустынном острове. На нем же царицы амазонок Отрера и Антиопа построили каменный храм Аресу, когда отправлялись в поход» (§ 381—387). По преданию здесь обитали мифические птицы — гарпии. Плиний, например, отмечает: «Напротив Фарнакеи остров Халкеритида, который греки называют Арией и который посвящен Марсу, и на нем птицы сражались с пришельцами ударами перьев» (VI, 32). В настоящее время этот небольшой островок называют Керасун-ада, а также о. Аретия (Марса) или о. Пуга, так как он лежит перед заливом Пугачик. На острове выявлены остатки древних строений.

Далее в перипле отмечены: гавань Зефирион, Триполис, Аргирин, Филокалия, Коралла, гора Гиерон, гавань Кордила, Гермонасса и, наконец, Трапезунт, один из крупных античных городов Причерноморья. Именно сюда приехал Арриан. И отсюда он совершил свое плавание до Диоскуриады—Себастополиса.

Итак, мы познакомились с южным побережьем Понта Эвксинского от его устья до Трапезунта. Арриан дает детальное описание берега, указывает практически все расположенные здесь города, гавани, якорные стоянки, приметные мысы, реки, острова и другие объекты, приводит точные расстояния между ними, кратко сообщает о тех или иных важных исторических событиях. Одним словом, перипл содержит все необходимые мореплавателю основные сведения об этом побережье.

Всестороннее изучение описания приводит к убеждению, что в его основе, несомненно, лежит перипл, относящийся к более раннему времени. Как показывает пример с описанием района Амастрии, этот перипл датируется примерно концом IV — началом III в. до н. э. При этом Арриан включил и некоторые более поздние сведения.

Почти полное совпадение расстояний Арриана и Страбона от святилища Зевса Урия, или устья Понта, до Гераклеи (соответственно — 1550 и 1500 стадиев), до Карамбиса (2720 и 2800 стадиев), от Гераклеи до Синопы (2005 и 2000 стадиев)

свидетельствует о том, что Страбон также пользовался этим источником. Географ значительно сократил его и округлил приведенные цифры.

В полном перипле Арриана в основном повторяется это описание. Но здесь имеются некоторые изменения и дополнения, которые взяты, как полагают исследователи, у Мениппа. Но всестороннее детальное сопоставление имеющихся сведений показывает, что все эти данные содержались в основном источнике Арриана, но не вошли в краткий перипл.

Путешествие Арриана

Описание понтийского побережья от Трапезунта до Диоскуриады—Себастополиса резко отличается от других частей перипла живостью изложения. Оно и понятно. Ведь Арриан сам лично проплыл по этому маршруту, видел все собственными глазами, прочувствовал всю красоту и величие Понта и передал нам свои впечатления. Кстати, он — один из немногих античных географов, описывавших Понт Эвксинский по личным наблюдениям.

В первых строках краткого перипла Арриан сообщает о приезде в Трапезунт: «Мы прибыли в Трапезунт, по словам известного Ксенофонта — город эллинский, лежащий при море, колонию синопейцев» (§ 1). Здесь он ознакомился с состоянием дел, осмотрел строящуюся по приказанию Адриана гавань на месте небольшой летней пристани, отдал необходимые распоряжения и приказал готовить корабли к плаванию.

Далее читаем: «Отплыв из Трапезунта, мы в первый день пристали в гавань Гисса и произвели смотр находящейся там пехоте; ведь тамошний отряд, как ты знаешь, состоит из пехотинцев и имеет только двадцать всадников для услуг; но и им понадобилось упражняться в метании копий» (Арриан, § 4). В этих словах чувствуется строгий военачальник, заботящийся о боеспособности римских гарнизонов. Закончив инспекционную проверку, правитель Каппадокии поплыл дальше.

Здесь гостеприимный Понт преподнес сюрприз. Флотилия попала в сильный, можно сказать, жестокий шторм. Арриан описывает разыгравшуюся стихию очень красочно: «Отсюда мы плыли сначала при помощи ветров, дующих по утрам с рек, но вместе с тем и при помощи весел: ветры, как упоминает и Гомер, были холодные, но недостаточно сильные для желающих плыть быстро; затем наступил штиль, так что нам пришлось плыть только на веслах. Потом вдруг нависшая туча разразилась бурей с восточной стороны, принеся с собой сильный и прямо противный нам ветер, который чуть не погубил нас: в короткое время он так взволновал море, что вода в изобилии влилась к нам с обеих сторон, не только со стороны весел, но даже через нос и корму. Это напоминало следующий трагический стих: „одну волну мы вычерпывали, а другая вливается“.

Но волнение было не боковое, и поэтому мы, хотя с большим трудом, продвигались вперед на веслах и, вытерпев немало, прибыли все-таки в Афины» (§ 5).

Здесь Арриан предстает перед нами как опытный мореплаватель, который не растерялся, не дрогнул перед разбушевавшейся грозной стихией, а сумел найти в такой смертельно опасной обстановке правильное решение и спасти свои корабли. Ведь в этом районе при сильном шторме далеко не везде можно удачно пристать к берегу. При таких неудачах погибали многие, даже опытные мореходы. Но флотилия Арриана нашла спасительное убежище.

Этим спасением для кораблей была гавань Афин: «Есть и в Эвксинском Понте местечко, носящее такое название, есть там и эллинское святилище Афины, от которого, мне кажется, получило это название и местечко; есть там и какое-то заброшенное укрепление. Тамошняя гавань может в летнее время вмещать небольшое число кораблей и давать им защиту от южного и восточного ветра; стоящие на якоре суда могут найти в ней спасение и от борея (северный ветер.— *М. А.*), но не от апарктя (также северный

ветер, но с некоторым отклонением.— *М. А.*) и не от того ветра, который в Понте называется фраскием (ветер от фракийских берегов.— *М. А.*), а в Элладе скироном (по имени мифического разбойника.— *М. А.*). Под ночь стали слышны глухие раскаты грома, засверкали молнии, ветер не остался прежним, а изменился в южный и спустя немного из южного в юго-западный; тогда гавань уже не была безопасна для кораблей. Поэтому, прежде чем море совершенно расвирипело, мы то количество кораблей, какое могло вместить самое местечко Афины, вытащили на берег, кроме триеры, которая, стоя на якоре под прикрытием скалы, в безопасности покачивалась на волнах. Большую же часть кораблей решено было отправить к ближайшему берегу и там вытащить на сушу; и, действительно, они были вытащены, так что все выдержали бурю невредимыми, за исключением одного, который при причаливании, слишком рано повернувшись боком, был подхвачен волной, выброшен на берег и разбит. Впрочем, все было спасено, не только паруса, снасти и люди, но и гвозди; даже воск был выскоблен, так что для постройки нового судна нужен был только корабельный лес, а его, как ты знаешь, большое обилие в Понте. Эта буря продолжалась два дня, так что необходимо было оставаться на месте. Значит, нам нельзя было миновать даже понтийские Афины, как какую-нибудь заброшенную и неизвестную стоянку» (§6). Так благодаря умелым и своевременным действиям флот Арриана был спасен.

После шторма дальнейший путь лежал к Апсару: «Отплыв ночью, мы под утро испытывали боковую качку, но с наступлением дня легкий северный ветер усмирил море и привел его в спокойное состояние. Мы еще до полудня прошли более 500 стадиев и прибыли в Апсар, где были поставлены пять когорт... Говорят, что местечко Апсар когда-то в древности называлось Апсиртом, потому что здесь якобы погиб от руки Медеи Апсирт (по-называют и могилу Апсирта), а потому-де это имя было искажено окрестными варварами, подобно тому как искажены и многие другие имена; так и Тианы в Каппадокии, говорят, назывались Тоанами по имени царя тавров Тоанта, который в своем преследовании спутников Ореста и Пилада дошел, как гласит молва, до этой страны и умер здесь от болезни» (§7).

Далее Арриан сообщает, какие реки и населенные пункты они миновали на пути от Трапезупта до Апсара и приводит расстояния между ними. Затем он также кратко описывает путь от Апсара до Фасиса. Перечисленные здесь реки не представляют особого интереса. К тому же отождествление многих из них остается спорным. Поэтому не будем останавливаться на них и перейдем сразу к описанию Фасиса.

Арриан дает довольно подробное и очень ценное описание этих легендарных мест, связанных с походом аргонавтов: «Отсюда мы приплыли к Фасису, отстоящему от Могра на 90 стадиев и из всех известных мне рек имеющему самую легкую воду и притом необыкновенного цвета. В легкости ее можно убедиться посредством взвешивания, а еще проще из того факта, что она плавает поверх морской воды, не смешиваясь с ней, подобно тому как, по словам Гомера, Титаресий „сверху Пенея течет наподобие елея“. Можно было, погрузив сосуд в верхний слой воды, зачерпнуть пресной, а если опускали сосуд в глубину, то соленой. Впрочем, весь Понт имеет воду более пресную, чем внешнее море и причиной этого являются впадающие в него реки, неизмеримые по численности и величине. Доказательством ее пресного вкуса, если только нужны доказательства для того, что воспринимается чувством, служит то обстоятельство, что приморские жители водят весь свой скот на водопой к морю, и он пьет с очевидным удовольствием; говорят даже, что это питье для него полезнее пресного. По цвету вода Фасиса кажется окрашенной свинцом или оловом, но, устоявшись, она делается очень чистой. Поэтому у врывающихся в Фасис нет обыкновения возить с собой воду, но, как только вступят уже в его русло, отдается приказание вылить всю воду, какая только есть на судах; в противном случае, по существующему преданию, для не исполнивших этого плавание бывает неблагоприятно. Вода Фасиса не гниет и остается неиспорченной даже более десяти лет, разве только делается еще преснее» (§ 10).

Этот отрывок важен нам для более полного понимания уровня развития географических знаний о Понте Эвксинском в античное время, в частности о слоистой структуре морских вод, более пресных по сравнению со средиземноморскими, об особенностях воды Фасиса. Сведения Арриана помогают также полнее понять древнюю экологическую ситуацию в устье реки.

Далее Арриан дает уникальное описание стоящей в устье реки статуи: «При входе в Фасис на левом берегу стоит статуя фасианской богини; судя по внешнему виду, эта богиня, скорее всего, Рея: в руках она держит кимвал, у подножия ее сидалища находятся львы, и сама она сидит так же, как фидиева Рея в Афинах в храме Матери» (§ 11).

Фасианская богиня — это, надо полагать, статуя Кибелы, матери богов. Ее культ был широко распространен в античном мире. Арриан сравнивает ее с известной статуей, которая была выполнена знаменитым древнегреческим скульптором Фидием и находилась в Афинском Метрооне — храме Матери богов. Это единственное по сути дела указание о стоявшей у Фасиса статуе Кибелы.

Необходимо уточнить местоположение статуи. Согласно процитированному переводу П. И. Прозорова, Кибела стояла на левом берегу. Но этот перевод неточен. Арриан указывает ее не на *левом берегу*, а *слева* (εν αριστερα) от мореплавателя, входящего в устье реки. Слово «берег» в перипле вообще отсутствует. Следовательно, статуя находилась на правом берегу устья Фасиса.

Крайне интересны единственные в своем роде сведения Арриана о виденных им здесь якорях аргонавтов: «Здесь же показывают якорь корабля Арго: железный не показался мне древним, хотя по величине он не похож на нынешние якоря и имеет несколько отличную форму, но тем не менее он показался мне относящимся к более позднему времени; но здесь показывали старинные обломки какого-то другого каменного якоря, так что скорее можно эти последние принять за остатки от якоря корабля Арго. Никаких других памятников мифов о Ясоне здесь не было» (§ 11).

Затем следует описание римской крепости: «Самая же крепость, где помещаются 400 отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем необходимым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону. А так как и сама гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки, который окружит гавань и дома, стоявшие вне стены» (§ 12).

Рис. 4. Черное море на карте Фра Мауро 1459 г. Карта показана в современной ориентировке

Обратимся теперь к полному периплу. Здесь нет такого подробного описания, а только кратко отмечено: «При входе в реку на левой стороне Фасиса лежит основанный милетянами греческий город, называемый Фасисом» (§ 44). Этот перевод, сделанный Э. Н. Штерном, также не совсем точен. Опираясь на него, исследователи обычно ищут город па левом берегу реки. Но в тексте он указан не на левой стороне (берегу), а слева (αριστερα), т. е. «при входе в реку слева» от мореплавателя. Следовательно, и здесь, так же, как и в предыдущем сообщении, город Фасис помещен на правом берегу реки.

Ознакомимся теперь со сведениями Страбона. Он также кратко сообщает: «При Фасисе лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собой с одной стороны реку, с другой озеро, с третьей — море» (XI, 2, 17). Из этих слов ясно следует, что город указан между устьем реки и современным озером Палеостоми, которое находится к югу от реки. Но это значит, что географ поместил Фасис на левом берегу реки. Возникает явное противоречие с данными Арриана. Возможно, в некоторой степени именно поэтому П. И. Прозоров и Э. Н. Штерн дали неточные переводы, которые снимали это противоречие и вполне устраивали исследователей. Как же тут быть?

Ключ к этой разгадке дала палеогеография. Занимаясь поисками Фасиса, многие исследователи, видимо, не до конца осознают, какой была эта местность в античное время. Ведь Риони, хотя и горная река, в своем нижнем течении протекает через Колхидскую низменность и при впадении в море имеет, как и многие равнинные реки, обширную дельту. Даже сегодня она впадает в море двумя рукавами, которые образуют дельтовый остров. Аналогичной была ситуация и в древности. Ведь многие античные географы указывают здесь остров или несколько островов, образуемых рукавами реки.

Обратимся, например, к описанию этого района в сочинении Гиппократата «О воздухе, водах и местностях»: «Что касается до местностей по Фасису, то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят свою жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, только в городе или на рынке, а обыкновенно разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множеством (§ 22; курсив мой. — М. А.). Каналами здесь названы рукава реки.

Интересно описание Плиния, который называет Фасис «славнейшей из понтийских рек»: «Она берет начало во владениях мосхов, судоходна для самых больших судов на 38,5 миль, затем на большом протяжении для меньших судов; для переправы через нее устроено 120 мостов. На берегах ее лежало несколько городов, из которых славнейшие — Тиндариды, Киркей, Кинг и при устье Фасис; но наибольшей известностью пользовалась Эя в 15 милях от моря на том месте, где в Фасис с разных сторон впадают большие реки

Гипп и Кианей. Ныне существует только Суриы, названный по имени реки, впадающей в Фазис в том месте, до которого он, как мы сказали, судоходен для больших кораблей; он принимает в себя и другие реки, замечательные по величине и многочисленности, между ними Главк; *в устье его безымянные острова*» (VI, 13; курсив мой.— М. А.).

Важны для нас и сведения Агафия Миринейского, автора сочинения «О царствовании Юстиниана», хотя они и относятся к более позднему времени — VI в.: «Местность эта сильно укреплена и нелегко доступна, окружена потоками рек. Ибо Фазис и Дрокон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале отстоя друг от друга очень далеко, здесь вследствие изменения местности постепенно сближаются друг с другом, отделяясь друг от друга небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преграждая реку Фазис плотиною, направили его течение в Дрокон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают немалое пространство. Пройдя дальше на запад, естественно сближаются и почти сливаются, так что все, ими охваченное образует совершенно остров» (11,21).

Далее, описывая происходившие здесь в это время военные действия, Агафий указывает и расположенное вблизи Фазиса озеро: «Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет сток в Эвксинский Понт, то легко наполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фазиса как можно ближе придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху расположились воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами» (III, 21). Это, несомненно, то самое озеро, которое упомянуто Страбоном, т. е. современное озеро Палеостоми.

Интересны и краткие сведения итальянского путешественника Амброджо Контарини, который побывал в этих местах во время своего пути в Персию в 1474 г.: «Мы спустились с корабля и в этой лодке вошли в устье реки (Фассо), где есть остров, о котором рассказывают, что здесь именно правил царь Ээт, отец волшебницы Медеи. Мы провели там ночь, но при таком количестве мошкеры, что не могли представить себе возможность разбить там лагерь. Утром, т. е. 2 июля, мы поплыли на этой же лодке вверх по реке и дошли до города, именуемого Фассо; он расположен на берегу этой реки среди лесов» (§ 12).

Все эти описания наглядно подтверждают средневековые карты, где изображена дельта реки из двух рукавов и между ними обширный дельтовый остров, на котором указан город Фазис (см., например, рис. 5).

Всесторонний анализ письменных, картографических и палеогеографических данных приводит к следующим выводам. В античное время Фазис впадал в море двумя крупными рукавами. Между ними на дельтовом острове, разделенном мелкими протоками, находился одноименный реке город. Южное (левое) устье находилось у современного озера Палеостоми. Об этом свидетельствует, во-первых, само название озера, что означает буквально «древнее устье», во-вторых — расстояние от р. Могр, которая единодушно отождествляется всеми исследователями с р. Супса. По Арриану от Могра до Фазиса 90 стадиев (14 км). Это расстояние приводит нас именно в район Палеостоми, а не к современному устью Риони, до которого примерно еще столько же. Арриан называет

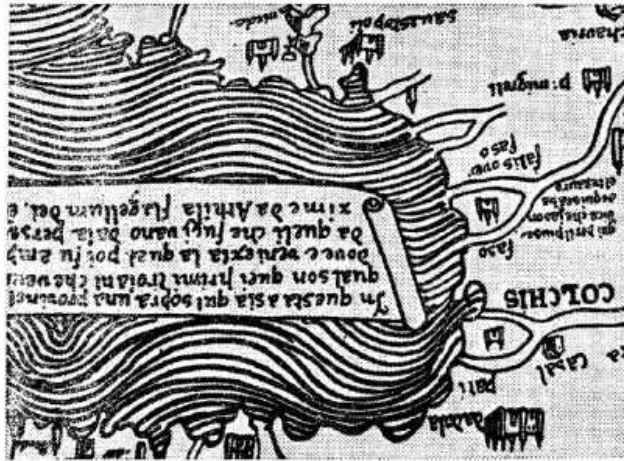

Рис. 5. Фасис на карте Фра Мауро. Карта показана в современной ориентировке

Фасисом именно южный рукав. А северный (правый) рукав указан у него как самостоятельная река Хариент, впадающая в море, в 90 стадиях от устья Фасиса. Этот рукав протекал примерно по современному руслу Риони и выходил в море восточное центральной части г. Поти. Древнее название реки в несколько искаженном виде сохранилось до сих пор — Хариент — Риони. Такое отождествление подтверждается и дальнейшими сведениями перипла.

За Хариентом в 90 стадиях указана р. Хоб, которая отождествляется с современной р. Хопи, сохранившей свое древнее название. В противном же случае Хариент пришлось бы отождествлять с Хопи, как это делали некоторые исследователи¹, что влечет за собой большую путаницу и вызывает ряд противоречий с письменными источниками.

Страбон же в отличие от Арриана описывает этот район Понта в обратном направлении и поэтому называет Фасисом соответственно северный рукав. Южный же рукав, видимо, широко разливавшийся во времена использованного источника, именуется здесь озером. Это озеро, т. е. современное Палеостоми, представляет собой не что иное, как затопленное устье южного рукава Фасиса и низовья р. Пичеры, которую Агафий называет Дроконом.

Таким образом, выясняется, что противоречие между сведениями Арриана и Страбона кажущееся. Оба географа указывают город Фасис в одном и том же месте. Он находился, согласно их сведениям, на дельтовом острове между двумя рукавами реки. Но Арриан вплыл в южный рукав реки, и город был соответственно слева от мореплавателя, т. е. на правом берегу этого рукава. Страбон же, как уже было сказано, подразумевал под «рекой» северный рукав. Поэтому и в том и в другом случае локализация города одна и та же.

Но дельта Фасиса, как и других крупных рек, постепенно менялась. За прошедшие столетия его южный рукав обмелел, заилился и заглох. Остался один северный рукав. Его конфигурация так же меняется и в настоящее время. Кроме того, мутные воды реки выносят много осадков, и дельта довольно быстро нарастает и выдвигается в море. Поэтому древние устья Фасиса находятся значительно восточнее современной береговой линии дельты.

Следует подчеркнуть, что близкие к изложенным выводы о перемещении устья Фасиса уже высказывались. Во второй половине прошлого века известный знаток исторической географии Причерноморья Ф. К. Врун, занимаясь отождествлением упоминаемых Аррианом рек и столкнувшись с некоторыми несоответствиями, отметил:

¹ Подробнее см.: *Ельницкий Л. А.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1938. № 2. С. 314—315; *Ломоури Н. К.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957. № 4 С. 99—101.

«Поэтому я охотно отождествил бы нижнее течение последнего (Риони. - *М. А.*), именем своим напоминающего Реон Прокопия, с Арием, Хариеном или Харисом, который по Арриану изливался в море как раз между устьями Хоба и Фасиса; вместе с тем пришлось бы искать устье древнего Фасиса в болотистой низменности, примыкающей к южной оконечности нынешнего озера Палеостома»². Но этот важный вывод был отвергнут Л. А. Ельницким (с. 311 и след.). Позже аналогичные соображения при анализе сведений древних авторов о местоположении Фасиса высказал Б. А. Куфтин: «Несомненно, мы имеем в этом указание на совершившиеся перемены во взаимном расположении города и реки, скорее всего, в связи с изменением русла древнего Фасиса...

Если согласиться с этим, можно думать, что еще в эпоху Арриана главные воды Риони имели другое русло, именно реку Пичеру... Современное же русло Риона, питаюсь, во всяком случае, водами Циви и Техура, представляло собой как раз ту реку, которую Плиний и Арриан отмечают между Фасисом и Хобом (т. е. Хопи) под именем Хариен»³. Но вскоре Н. Ю. Ломоури также не согласился с выводами Ф. К. Бруна и Б. А. Куфтина, настаивая на том, что «ни о каком столь значительном перемещении русла Риони не может быть речи, и древний город Фасис надо искать на левом берегу нынешней р. Риони, несколько восточнее г. Потти» (с. 99). Однако эта критика основана на неправильном переводе указания перипла, согласно которому «город Фасис был расположен именно на левой стороне одноименной реки» (с. 98), и на незнании картографических и палеогеографических материалов. Л. А. Ельницкий также основывался на неправильном переводе и пришел к выводу, что «комбинируя свидетельства Страбона, Арриана и безыменного перипла, римскую крепость Фасис и одноименный эмпорий следует поместить у устья р. Риони, у левого ее берега» (с. 311). Точный перевод сообщения перипла и изложенные картографические и палеогеографические данные полностью снимают эту необоснованную критику и не оставляют никаких сомнений в том, что в античное время здесь между двумя рукавами реки существовал обширный дельтовый остров. Именно здесь и находился город Фасис.

Где же искать этот загадочный город Фасис? Данный вопрос долгое время вызывал оживленные дискуссии, длительные споры и окончательно не решен до сих пор, несмотря на особую важность и необходимость изучения этого города в связи с проблемами греческой колонизации указанного региона⁴.

Одним из первых поисками города занялся известный швейцарский путешественник и исследователь перипла Арриана Ф. Дюбуа де Монпере. В 1829 г. он специально обследовал эти места и обнаружил в низовьях реки на ее левом берегу восточнее Потти остатки крепости, которую он без всяких колебаний отождествил с описанной Аррианом крепостью. С локализацией здесь Фасиса согласились Л. А. Ельницкий, Н. Ю. Ломоури и другие исследователи. Но изучение этого района в настоящее время из-за географических условий затруднено и окончательное решение проблемы пока еще далеко. Не исключено, что остатки раннего Фасиса лежат также несколько южнее, ближе к озеру Палеостома, где помещал город еще Ф. К. Брун. Выяснить его точное местоположение можно только путем детальных целенаправленных исследований. Будем надеяться, что загадочный Фасис в скором будущем удастся, наконец, найти.

Ознакомившись с положением в крепости Фасис, Арриан поплыл дальше. В кратком перипле он сообщает: «Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариент (Приятную), расстояние между ними девяносто стадиев; от Хариента проплыв

² Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Т. 2. С. 250.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1. С. 111.

⁴ Подробнее см.; Ельницкий Л. А. Из исторической географии // БДИ. 1938. № 2. С. 312-314; Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВД И. 1957. № 4. С. 98—99; Лордкипанидзе О. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Пробл. греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 208—217.

еще 90 стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и стали на якорю. А почему мы остановились и что здесь сделали, это объяснит тебе латинское письмо» (§ 13). Чем же занимался в устье Хоба правитель Каппадокии? На этот счет существуют различные предположения. Одни исследователи полагали, что Арриан предпринял строительство нового укрепления, и связывали его с упоминаемым в этом районе Клавдием Птолемеем городом Неаполисом, другие предполагали, что он занялся организацией добычи золота⁵. Второе предположение представляется более вероятным. Ведь строительство нового укрепления трудно было удержать в секрете. Да и особой необходимости в этом не было. О таком мероприятии вполне можно было написать в официальном отчете императору и не посылать специального сообщения. Другое дело — разработка месторождения золота. Такие сведения действительно следует держать в тайне, которая известна лишь узкому кругу лиц. А этот край издавна славился обилием золота. Страбон, например, описывая местные племена, сообщает, что «у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур» (XI, 2,19). И энергичный, деятельный Арриан вполне мог организовать здесь добычу золота, так необходимого римской казне.

После Хоба наш мореплаватель указывает реки: Сингам, Тарсур, Гипп, Астелеф и затем сообщает: «Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Себастополис, двинувшись от Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на конях, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. От Хоба до Себастополиса шестьсот тридцать стадиев, а от Трапезунта до Себастополиса две тысячи двести шестьдесят. Себастополис прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета» (§ 14).

Итак, Диоскуриада—Себастополис. Этот известный древнегреческий город упоминается многими античными авторами. В их кратких, но весьма содержательных отрывках содержатся ценные сведения как о самом центре, так и о местных племенах. Страбон, например, сообщает следующее: «Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Эвксина и пределом плаванья... Эта же самая Диоскуриада служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине,— даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени, и все они называются кавказцами. Вот что можно сказать о Диоскуриаде» (XI, 1, 16).

Город был назван в честь братьев Диоскуров — Кастора и Поллукса. Их культ, как известно, был широко популярен в Милете и соответственно во многих городах, которые были им основаны. Диоскуры олицетворяли в представлении древних греков смену света и тьмы, дня и ночи, понятия жизни и смерти, мира и войны. В соответствии с этими представлениями братья наделены таким из главных атрибутов, как утренняя и вечерняя звезда, и поэтому при их изображении обычно лицо Кастора поднято к небу, солнц^{тт}, а лицо Поллукса опущено к земле.

С культом Диоскуров связано название не только города Диоскуриады, но и местных племен, населявших эту территорию. Как сообщает Помпоний Мела, Диоскуриада была основана в земле гениохов. А слово «гениохов» в переводе с древнегреческого означает «возница, возчик». Как полагают исследователи, это — переосмысленное древними греками какое-то местное наименование⁶. Эллинизированная форма этого наименования и нашла отражение в мифе о Диоскурах. Так, по сведениям, которые донес до нас Страбон, «Гениохию заселили лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название»

⁵ См.: ВДИ. 1948. № 1. С. 269. Примеч. 5.

⁶ Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастополис—Цхум. М., 1980. С. 27-28.

(XI, 2, 12). Аналогичные сведения приводят также Плиний (VI, 16) и Солин (XV, 17). Возницам же они приписывают и основание Диоскуриады, тогда как Помпоний Мела свидетельствует о том, что город основали сами Диоскуры, прибывшие сюда вместе с другими аргонавтами за золотым руном. Таковы вкратце основные сведения древних авторов о происхождении названия города.

Где же находилась Диоскуриада? Этот вопрос долгое время вызывал оживленные споры и дискуссии и окончательно был решен только в середине нашего столетия⁷. Древний город искали в основном в двух местах: на берегу Сухумской бухты на месте современного Сухуми или в 30 км восточнее Сухуми у Кодорского мыса (бывш. Скурча). После проведения необходимых исследований стало окончательно ясно, что он находился на месте современного Сухуми.

Обширная Сухумская бухта — одна из лучших в Восточном Причерноморье. Исключительно благоприятные условия привели к тому, что здесь в VI в. до н. э. греческие переселенцы основали Диоскуриаду. Последние полтора столетия шли споры о том, где искать остатки античного города: под современными зданиями или на дне моря.

Жители Сухуми издавна замечали, что во время шторма море часто выбрасывало на берег обломки античных амфор, чернолаковой посуды, монеты, различные украшения и другие древние предметы. Как и во многих других античных городах Причерноморья, эти древности привлекали внимание местных жителей, коллекционеров, скупщиков антикварных вещей и стали даже предметом специального промысла.

Известный сухумский краевед В. И. Чернявский писал по этому поводу: «Желающий брал билет в полиции с платою за него, кажется, 3 рублей, без права, однако, тревожить цельный берег. После каждого сильного волнения моря, когда приводило в движение весь прибрежный щебень и песок, а также отмывалась часть берега, целые толпы людей бродили по берегу и рылись руками в песке. Находились в изобилии ценные предметы. Здесь же... двое рабочих нашли царскую корону»⁸.

Эти находки, разумеется, будоражили воображение и привели к предположениям о том, что на дне Сухумской бухты находятся развалины Диоскуриады. В. И. Чернявский после многолетних наблюдений и изучения древностей, найденных как при строительстве городских кварталов, так и на берегу бухты после штормов, пришел к выводу, что античный город находился на берегу Сухумской бухты и что значительная часть его затоплена морем.

Для изучения затопленных объектов исследователь провел одни из первых в нашей стране подводные археологические работы: «Летом 1876 года... я исследовал... на дне побережья Сухумской бухты, до глубины 4-х—6-ти метров... не только целые ряды остатков древних стен, выдающихся местами почти до поверхности моря на расстоянии сажень до 30—50 от берега, но также иззубренные волнами стены древнего замка, поднимающиеся еще с глубины около 6-ти метров настолько, что я мог, поддерживаемый плавательным снаряжением, обходить вокруг по пояс и местами по шею в воде. Замок имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое — четырехугольной; последнее более разрушено. Лежат они перед Сухумской крепостью против конца юго-западной трети длины ее фасада...»⁹.

Впечатляющее описание, не правда ли? Кроме того, В. И. Чернявский указал другую башню в восточной части Сухумской бухты вблизи устья р. Бесплетка: «На огромном расстоянии от берега рыбаки давно производят собирание устриц и мидий руками со стен огромной башни, выдающейся с глубины около 10 м, башня эта не доходит метра на 3 до поверхности» (Там же).

⁷ Подробнее см.: *Соловьев Л. Н.* Диоскурия—Себастополис—Цхум. // Тр. Абхазского гос. музея. 1947. Вып. 1. С. 116 и след.

⁸ *Чернявский В. И.* Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Протоколы подготовит, комитета V Археологического съезда в Тифлисе М., 1879. С. 15.

⁹ *Чернявский В. И.* Цз исследований в Юго-Западном Закавказье // ИКОИРГО. 1877. Т. 13. С. 25.

Эти исследования укрепили мнение о существовании на дне Сухумской бухты затопленных развалин древнего города. Долгое время этот вывод был преобладающим. Он сыграл также большую роль в развитии отечественной подводной археологии.

В дальнейшем с годами постепенно накапливались новые материалы, выявляемые во время строительных работ на территории Сухуми. На повестку дня вновь стал вопрос о локализации Диоскуриады. Изучив имеющиеся данные, М. М. Иващенко пришел к выводу, что «она тянулась, вероятно, неширокой полосой по берегу моря на протяжении 1½ — 2 км по обе стороны р. Беслати, причем часть ее находится на дне Сухумской бухты»¹⁰.

Как мы видим, здесь при поисках древнего города большее внимание уделяется суше, а не морю. А еще через два десятилетия Л. Н. Соловьев пришел к выводу, что из-за сильной абразии под водой не могли сохраниться какие-либо строительные остатки. Интерес к Сухумской бухте постепенно угас.

Но в 1953 г. здесь была сделана замечательная находка. На дне моря у устья р. Беслетка купальщики случайно обнаружили ныне широко известную мраморную надгробную стелу. На ней изображена сцена прощания с умершей. Усопшая показана живой, сидящей в кресле. Одета она в хитон (широкая льняная рубашка), поверх которого накинут гиматий (четырёхугольный кусок ткани). Правой рукой женщина обнимает прильнувшего к ее коленям обнаженного мальчика. На заднем плане молодая служанка держит в левой руке шкатулку с погребальными вещами и украшениями покойной. Эта стела — один из выдающихся памятников античного искусства, найденных в Восточном Причерноморье, и ее находка дала мощный импульс для поисков Диоскуриады на дне Сухумской бухты.

Вдохновленные столь впечатляющим открытием исследователи начали ширококомасштабные подводные археологические изыскания. В местной печати одно за другим появлялись сообщения об обнаруженных под водой сооружениях. С каждым годом росло как число сенсационных сообщений, так и количество описываемых объектов. Волна захватывающей информации дошла до центральных и даже зарубежных изданий. Писали о целом подводном городе, улицах и площадях, зданиях и башнях. Появились сведения о том, что на одном из зданий этого подводного города сохранилось даже изваяние пловца.

Итоги подводных исследований красочно обобщили в своих популярных книгах Л. А. Шервашидзе и В. П. Пачулиа. М. М. Транш в одной из обобщающих работ по Диоскуриаде писал: «Результаты раскопок и подводных исследований говорят о том, что остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины»¹¹. Таким образом, центр внимания опять переместился в море. И это мнение прочно утвердилось в научной и научно-популярной литературе. Недавно оно было пересмотрено Ю. Н. Вороновым¹². Он убедительно показал несостоятельность различных гипотез, с помощью которых его предшественники пытались объяснить затопление города: а) глубинно-оползновыми и гидроэвстатическими явлениями; б) гигантским сбором; в) якобы имевшем место недавним перемещением устья реки Гумисты от района устья Беслетки, которое повлекло за собой образование Сухумской бухты. Ни одна из этих точек зрения не подтверждается исследованиями специалистов и не может быть принята. Сам Воронов пришел к выводу, что «в основе разрушения Себастополиса нужно видеть, на наш взгляд, в первую очередь не опускание берега или поднятие уровня моря, а действие прибоя (абразию)» (с. 23). Вывод вообще-то правильный, но сформулирован не совсем точно. Ведь современные

¹⁰ Иващенко М. М. К вопросу о местоположении Диоскурии древних // Изв. Абхазского науч. о-ва. 1926. Вып. 4. С. 103.

¹¹ Транш М. М. Труды. Сухуми, 1969. Т. 2. С. 212.

¹² Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастополис—Цхум. М., 1980. С. 17 и след.

берега стали подвергаться абразии в значительной степени благодаря повышению уровня моря.

Какова же полоса берега, уничтоженная морем? Ю. Н. Воронов определил «ширину полосы, занятой морем примерно за 1,5 тыс. лет, в 70—90 м» (с. 19). Несколькими страницами далее он распространяет практически те же цифры уже на больший период времени: «Ширина полосы, отнятой за последние 2 тыс. лет морским прибоем у суши, не превышает 100 м» (с. 25). Но ведь Диоскуриада была основана более 2,5 тыс. лет назад, и нам нужны подсчеты именно за этот период. Получить точную цифру в настоящее время невозможно. Учитывая имеющиеся данные о скорости абразии за различные отрезки времени, а также неравномерность этого процесса, надо полагать, что со дня основания Диоскуриады море уничтожило прибрежную часть города шириной до 200 м: гавань, портовые сооружения, складские помещения и прилегающие к порту жилые кварталы. Прибрежная территория представляла собой низменную песчаную террасу, которая появилась в результате фанаторийской регрессии. Со временем в результате трансгрессии море постепенно затопило низменную террасу, а усилившаяся абразия разрушила прибрежную часть города, которая, как совершенно справедливо отмечает Ю. Н. Воронов, погибла полностью и безвозвратно. Море метр за метром жадно захватывало ее, а неутомимые волны безжалостно перемалывали все, что поглощала стихия: остатки стен, фундаменты, амфоры, чернолаковую посуду, предметы быта, украшения и т. д. Спасти можно лишь те памятники древности, которые пролежали в воде лишь короткое время, как это случилось с известной сухумской стелой. Она была найдена в 6 м от уреза воды на глубине 2 м, т. е. море вырвало ее из обрыва берега совсем недавно. Этим и объясняется ее прекрасная сохранность. И эта стела никак не может служить доказательством того, что на дне Сухумской бухты сохранились какие-то реальные остатки античного города. Их уже нет как таковых. Даже от крупных блоков в лучшем случае остались лишь небольшие камни или галька.

А возвышающиеся на дне морском, поросшие водорослями башни и стены, развалины домов и храмов, протянувшиеся улицы и раскинувшиеся площади существуют лишь в богатом воображении людей, не понимающих, что такие чудеса невозможны. Это — красивая легенда о подводном городе. Между тем поиски затопленной Диоскуриады нет-нет да возобновляются. Одну из таких экспедиций можно было видеть в Сухумской бухте летом 1985 г. На этот раз попытать счастья решили аквалангисты из далекой Казани. Они так рьяно спешили найти наконец подводный город, что забывали даже об элементарных правилах техники безопасности. Достаточно сказать, что не был выставлен сигнал о проведении подводных работ, предписывающий всем плавсредствам обходить этот район стороной. И над головами аквалангистов постоянно пронеслись моторные лодки и катера, подвергая опасности жизнь тех, кто безуспешно пытался сделать удивительное открытие. Невольно возникает вопрос, кому нужны такие самостоятельные экспедиции? Ведь подводная археология не развлечение, не способ получить возможность поплавать с аквалангом в голубых просторах Черного моря. Это прежде всего серьезная, тяжелая и напряженная работа. И заниматься ею должны, разумеется, специалисты. А хорошо подготовленные аквалангисты-любители могут и часто принимают участие в научных исследованиях, оказывая немалую помощь ученым.

Из сказанного ясно, что обычные визуальные обследования дна Сухумской бухты с помощью аквалангистов не дадут практически никаких результатов. Так же бесполезно применение металлических щупов. Здесь необходимы гидролокационные изыскания, которые могут помочь точно определить береговую линию античного времени, местоположение гавани, портовых сооружений и других объектов.

А сохранившаяся часть античного города занята центральной частью современного Сухуми. За многие годы археологических раскопок, разведок и наблюдений во время строительных работ здесь получен значительный материал, который дает возможность в

общих чертах охарактеризовать историю Диоскуриады—Себастополиса¹³. Ознакомимся вкратце с ее основными этапами.

Город был основан примерно в середине VI в. до н. э. выходцами из Милета. Благодаря выгодному географическому положению он быстро рос и развивался. Вторая половина IV—III вв. до н. э. характеризуется как период расцвета. В конце II в. до н. э. Диоскуриада, как и многие другие причерноморские центры, попала под власть понтийского царя Митридата VI Евпатора, который пытался противостоять растущему влиянию Рима созданием единой мощной державы. Это подчинение постепенно привело город в упадок.

После поражения и гибели Митридата VI Евпатора в 63 г. до н. э. правителем Колхиды был назначен верный политике Рима Аристарх. В 48 г. до н. э. боспорский царь Фарнак, сын Митридата VI Евпатора, во время своих походов в Малую Азию опустошил Колхиду. В следующем году он был разбит в битве при Зеле Юлием Цезарем, который отправил оттуда свое знаменитое послание: «veni, vidi, vici» (пришел, увидел, победил). Затем Понтийское царство было восстановлено, в его состав Колхида вошла около 14 г. до н. э. Эти общеисторические события неизбежно отразились и на судьбе Диоскуриады. Для защиты подступов к римским владениям в городе был поставлен военный гарнизон. Когда именно это произошло, неизвестно. Так Диоскуриада стала одним из важных опорных пунктов Римской империи в Восточном Причерноморье и была переименована в Себастополис в честь императора Октавиана (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.), получившего в первые годы своего правления титул Августа—Себастоса, т. е. «Великого» или «Священного». Первое время римский гарнизон, видимо, довольствовался уже стоявшими здесь оборонительными сооружениями. Затем была построена специальная крепость. Возникла ока, как считают исследователи, не позднее третьей четверти I в.

В 63 г. при императоре Нероне Понтийское царство вошло в состав Римской империи как провинция Полемо-новский Понт, которая позже влилась в провинцию Каппадокия. При императоре Веспасиане в 70—72 гг. в Каппадокии были осуществлены важные военные преобразования и создан Понтийский лимес — цепь приморских укрепленных пунктов. Одним из важных звеньев этой цепи стал Себастополис.

И вот в 134 г. правитель Каппадокии Арриан прибыл в эту крепость, которая, как он сообщает, «представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт» (§26). Эта крепость давно уже уничтожена морем. Сохранилась лишь северная стена, длиной в 80 м. Это укрепление, надо полагать, имело форму квадрата площадью около 1 га соответственно размерам римских крепостей, рассчитанных на гарнизон в 200 солдат. Никаких конкретных сведений о самой крепости и о своей деятельности здесь автор перипла, к сожалению, не сообщает. В этой связи необходимо сказать несколько слов об одной важной находке. В 1896 г. при строительстве Сухумской набережной в одной из случайно обнаруженных древних кладок был найден обломок известняковой плиты с частью посвятительной надписи. Буквы были глубоко врезаны в камень и покрыты красной краской. В первой строчке сохранилось начало имени императора Адриана, во второй — указание о какой-то деятельности в Себастополисе Флавия Арриана, в третьей — часть его титула — легат¹⁴. Эта плита с надписью была поставлена, надо полагать, в память о каких-то важных мероприятиях Арриана, возможно, связанных с перестройкой старых и возведением новых оборонительных сооружений.

Упоминая Диоскуриаду—Себастополис, Арриан в кратком перипле называет также местные племена: «За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил власть от тебя. Рядом с абасками — саниги, в земле которых лежит Себастополис; царь

¹³ Там же. С. 36 и след.

¹⁴ *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // БДИ. 1964. № 2. С. 138-140.

санигов Спадаг получил царство от тебя» (§ 15). Это краткое перечисление народов крайне важно для изучения этногеографии Восточного Причерноморья в античную эпоху.

Интересы и географические наблюдения Арриана относительно конфигурации Черного моря: «До Апсара мы плыли на восток по правой стороне Эвксина. Апсар же показался мне крайним пределом длины Понта, так как отсюда мы держали путь уже на север вплоть до реки Хоба и за Хобом до Сингама. От Сингама мы повернули на левую сторону Понта до реки Гиппа» (краткий перипл; § 16). Эти данные в общем-то правильно отмечают контуры береговой линии моря и важны для изучения истории освоения бассейна древними мореплавателями.

В заключение хочется обратить внимание на следующее обстоятельство. Арриан в кратком перипле указывает, что от Астелефа до Себастополиса 120 стадиев (§ 14). А в полном перипле он сообщает следующее: «От реки Астелефа до города Диоскуриады, имеющего гавань, ныне называемого Себастополисом, 135 стадиев, 18 миль» (§ 47). Как мы видим, здесь по-разному определяется расстояние от реки до города. Что это, ошибка или нечто иное? При рассуждении над этим вопросом бросается в глаза тот факт, что в полном перипле приводятся сведения, которые отсутствуют в кратком, а именно: указание о гавани Диоскуриады. Следовательно, здесь использован еще какой-то источник. Оттуда, надо полагать, взято и расстояние от Астелефа до Диоскуриады, которое один мореплаватель определил в отличие от другого не в 120, а в 135 стадиев. Разница эта небольшая, и свидетельствует она не об ошибке, а о двух разных маршрутах плавания. Этот, казалось бы, частный вывод имеет большое значение для решения важных источниковедческих вопросов.

Боспор Киммерийский

Крепость Диоскуриада—Себастополис была, как уже говорилось, конечным пунктом римских владений в Восточном Причерноморье. И Арриан, разумеется, дальше не поплыл. Но как государственный и военный деятель он интересовался положением сопредельных государств. До него дошли важные вести из Боспорского царства, и он как трезвый, дальновидный политик отреагировал на них со всей серьезностью. Что же произошло там? От самого Арриана мы узнаем следующее: «Но когда я услышал о смерти Котиса, царя Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и путь до Боспора, для того, чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем» (краткий перипл; § 26). Как мы видим, правитель Каппадокии вполне допускал, даже намекал императору на удобную возможность в связи со смертью Котиса силой вмешаться во внутренние дела Боспорского царства. Какие конкретные планы вынашивал Арриан, неизвестно. Но именно благодаря им было создано это замечательное произведение — «Перипл Понта Эвксинского». Имея под рукой более ранние источники, наш мореплаватель кратко описал путь от Диоскуриады до Боспора Киммерийского и далее — к Боспору Фракийскому. Описание получилось сухим, сжатым, без каких-либо личных пояснений и впечатлений автора, но все же оно содержит ценнейшие сведения по античной географии этого региона.

Побережье от Диоскуриады до района современной Анапы описано в кратком перипле следующим образом: «Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени. От Нитики до реки Абаска девяносто стадиев, Боргис отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса — на шестьдесят стадиев Несис, где выдается Гераклов мыс. От Несиса до Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, каковая река отделяет зилхов от санигов. Царем у зилхов Стахемфак,

также получивший власть от тебя. От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклова мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики; отсюда сто пятьдесят до Старой Ахеи, а отсюда до гавани Пагр триста пятьдесят; от гавани Пагр сто восемьдесят стадиев до Святого порта, а отсюда до Синдики триста» (§ 27—28).

Точное местоположение многих из указанных пунктов остается пока неизвестным. Этот вопрос довольно сложен и требует специального рассмотрения. Но это не входит в нашу задачу. Поэтому здесь мы ограничимся сопоставлением сведений краткого и полного перипла. Их сравнение показывает, что в расширенной редакции Арриан приводит дополнительные данные: между Геракловым мысом и мысом, где есть защита от ветров фраския и борея, упомянут еще один мыс, «на котором и теперь находится укрепление, называемое Вага» (§ 58). Кроме того, по-разному определяется расстояние от Святого порта до Синдики: в первом случае указано 300 стадиев, а во втором — 290. Эти факты совершенно определенно говорят о том, что Арриан пользовался еще каким-то дополнительным источником.

Что же представляло собой побережье от Диоскуриады до Синдики в античное время? Его география мало изменялась с тех пор. Высокие обрывистые берега, отсутствие удобных бухт и заливов, изолированность от глубинных районов, недостаток плодородной земли, враждебность местных племен и другие отрицательные факторы не способствовали появлению здесь крупных античных центров. И этот район не играл существенной роли в социально-экономической жизни Восточного Причерноморья и был печально известен как один из неблагоприятных для плавания из-за пиратов. Страбон, например, характеризуя это побережье как «по большей части не имеющее гаваней и гористое», сообщает: «Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владельцы Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег» (XI, 2, 12).

Вернемся, однако, к упомянутым в перипле пунктам. Наиболее крупным из них была Синдика. Арриан в кратком перипле не указывает ее статуса, а в полном — приводит более конкретное название — Синдская гавань. Эту гавань упоминают также Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Страбон, Птолемей и др. А Стефан Византийский, как считают исследователи, прямо отождествляет ее с Горгиппией: «Синдик — город с гаванью, смежный со Скифией. Некоторые называют его Горгиппой». Горгиппия была основана правителями Боспорского царства на месте современной Анапы в IV в. до н. э. и названа в честь представителя царского рода Спартокидов Горгиппа.

Местоположение города установлено твердо и не вызывает никаких сомнений. Эта локализация подтверждается эпиграфическими находками: надписями на мраморных плитах, где фигурируют народ горгиппийский и наместник Горгиппии, клеймами с названием города, а также горгиппийскими монетами. Судя по приведенным далее расстояниям до Пантикапея, Арриан указывает Синдскую гавань также на месте Анапы. Казалось бы, есть все основания отождествлять Синдскую гавань и Горгиппию. Но Страбон (XI, 2, 10—12, 14) указывает отдельно Горгиппию, столицу синдов, и Синдскую гавань, а Птолемей (V, 8, 8) называет Синдскую гавань и к востоку от нее деревню Синду, которую исследователи отождествляют с Горгиппией¹. И вот на основании этих несогласуемых сведений одни ученые отождествляют Синдскую гавань и Горгиппию,

¹ См.: БДИ. 1948, № 2. С. 245. Примеч. 1.

другие считают их разными населенными пунктами². Споры об этом то прекращаются, то возникают вновь, и к единому мнению исследователи так и не пришли. Попытаемся ближе ознакомиться с этим вопросом и в первую очередь — с письменными источниками.

Начнем с данных Страбона. Описывая Боспор Киммерийский, географ указал деревню Корокондаму, расположенную у выхода из Керченского пролива, в районе современного мыса Тузла, и затем сообщает: «Сейчас за Корокондамой морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдский порт и город, затем в четырехстах — так называемые Ваты, селенье с гаванью» (XI, 2, 14). Указанное расстояние в 180 стадиев равно 28—33 км (в зависимости от того, какой стадий использован здесь: в 157 м или в 185 м). Соответствующие измерения приводят нас к устью Кизил-ташского лимана, где у станицы Благовещенской издавна известно довольно крупное городище Бугаз. До Горгиппии отсюда еще более 30 км.

Кизилташский лиман представляет собой затопленное устье одного из рукавов Кубани, когда-то впадавшего в Черное море. А Бугазское городище находилось, таким образом, на Таманском архипелаге, образованного многочисленными рукавами Кубани, которую античные географы называли Гипанисом (также как и Южный Буг) или Антикиком. В этой связи следует подчеркнуть, что, по данным Псевдо-Скимна, Синдская гавань, как и Гер-монасса и Фанагория, находится на острове, т. е. на Таманском архипелаге: «Затем следуют Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен, с одной стороны, вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), а с другой — благодаря морю и озеру» (§ 886-895). Это важное указание Псевдо-Скимна обычно проходило мимо внимания исследователей. А оно, как мы видим, весьма существенно для решения рассматриваемого вопроса. Местоположение Горгиппии никоим образом не отвечает приведенным данным, тогда как Бугазское городище расположено в полном соответствии с ними.

Страбон, указывая Синдскую гавань, называет также и Горгишшо. Перечисляя относящиеся к меотам племена, он сообщает: «К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве пятисот стадиев» (XI, 2, И). Это расстояние приводит именно к центру современной Анапы, где расположены развалины Горгиппии. Как мы видим, великий античный географ совершенно ясно указывает Синдскую гавань и Горгиппию как два различных города, расположенных в разных местах, на значительном расстоянии друг от друга.

Вернемся снова к периплу. В нем Арриан указывает Синдику, т. е. Горгиппию, но никак не Синдскую гавань. В расширенной редакции внесены дополнения и уточнения: «От Святой гавани, или Нинаксии до Синдики (или Синдской гавани, ныне называемой Эвдусией) 290 стадиев, 40 миль» (§ 61). Этим самым внесена путаница и ошибочно отождествлена Синдика и Синдская гавань. Но такая ошибка не должна вводить нас в заблуждение.

Следует подчеркнуть, что Стефан Византийский не отождествляет Синдскую гавань с Горгиппией, как обычно понимают исследователи. Он называет Синдик, город с гаванью, но не Синдскую гавань, и добавляет, что некоторые называют его Горгиппой; а в другом месте своего географического словаря Стефан называет просто Горгиппию — город в Синдике. Надо полагать, что его Синдик, город с гаванью, — птолемея деревня Синда, т. е. будущая Горгиппия, указанная им к востоку от Синдской гавани. Кстати, попытаемся вычислить расстояние между ними. Синдская гавань расположена у Птолемея под координатами 65°30'—47°50', а деревня Синда — 66°—48°. Один градус широты у этого географа равен 500 стадиям, а один градус долготы на нужной нам широте — 334

² См.: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 82.

стадиям, стадий же содержит 185 м³. Произведя соответствующие подсчеты, мы получим, что расстояние между рассматриваемыми пунктами равно примерно 186 стадиям или 34 км. Эта цифра полностью соответствует отрезку пути от Горгииппии до Бугазского городища. Таким образом, имеющиеся данные дают достаточно оснований для отождествления Синдской гавани Псевдо-Скимна, Страбона, Птолемея и других авторов с Бугазским городищем.

Ее конкретная история нам почти неизвестна. Возможно, эта гавань со временем потеряла свое значение и была перенесена на новое место в связи с тем, что рукав Кубани, в устье которого она находилась, постепенно обмелел и стал несудоходным. Ведь дельта реки, как известно, перемещается с юга на север. В результате целого ряда геологических причин основное русло уходит все дальше к северу. Поэтому южные рукава реки мелеют и затем отмирают.

Перейдем теперь непосредственно к берегам Боспора Киммерийского — одного из интереснейших в историко-географическом отношении регионов. Сам пролив в древности считался границей между Европой и Азией. И поэтому Боспорское царство географически подразделялось соответственно на европейский Боспор и азиатский.

Географические условия азиатского Боспора определялись в основном дельтой Кубани. Ее рукава разделяли современный Таманский полуостров на несколько островов. Именно на этих островах, как уже говорилось, и находились древнегреческие города. Тогда здесь росли густые пойменные леса, были богатые охотничьи и рыболовные угодья. Такие прекрасные условия, конечно, не могли не привлечь внимание древнегреческих переселенцев.

Описанию Боспора Киммерийского в кратком перипле Арриан уделяет очень мало места: «От Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея пятьсот сорок стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до реки Танаиса, которая, как говорят, отделяет Европу от Азии (здесь, вероятно, сокращая свой более полный источник, Арриан ошибочно отождествил наиболее узкое место Боспора Киммерийского, называемое устьем Меотиды, с Танаисом, соврем. Доном. — М. А.). Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Эвксинского Понта. Впрочем, Эсхил в „Освобожденном Прометее“ границей Азии и Европы делает Фасис. По крайней мере у него титаны с такими словами обращаются к Прометею:

Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия
Твои и на страданья от оков.

Затем перечисляют, какие страны они прошли:

И двойную земли Европейской
И Азии великую границу Фасис.

Говорят, что объезд кругом Меотийского озера составляет около девяти тысяч стадиев. От Пантикапея до местечка Казека, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев» (§§ 29-30).

Как мы видим, на побережье Керченского пролива указан только один город — Пантикапей. А в полном перипле Арриан, помимо пересказа известных сведений Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна, приводит довольно подробное описание этого региона, заимствованное, как полагают исследователи, у Мениппа: называет целый ряд населенных пунктов, указывает расстояния между ними. При сравнении этих данных выявляется следующее принципиально важное обстоятельство: в обоих случаях совпадают расстояния от Синдики до Пантикапея, от Пантикапея «до реки Танаиса», т. е. до устья

³ Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. отд. русского языка и словесности. 1899. Т. 64, вып. 12. С. 179-181.

Меотиды, и от Пантикапея до местечка Казека. Иными словами, все три цифры повторяются. Такое совпадение расстояний свидетельствует только об одном: автор пользовался одним и тем же источником, не дошедшим до нас пориплом. Далее. В полном перипле Арриан указывает между Син-дикой, Пантикапеем, устьем Меотиды, Казекой еще целый ряд городов и поселений и приводит соответствующие промежуточные расстояния, а в кратком называет только основные пункты этого маршрута: Синдика — Пантикапей — устье Меотиды — Казека. Эта закономерная выборка становится вполне понятной, если вспомнить, что правитель Каппадокии не ставил перед собой цель дать полное описание побережья Боспора Киммерийского, а хотел лишь сообщить своему императору «путь до Боспора». Из всего сказанного можно сделать вывод, что Арриан с самого начала располагал полным источником, но сократил его. Так же он поступил, как мы увидим дальше, и при описании побережья от Борисфена до Истра и некоторых других мест.

Кроме того, следует особо подчеркнуть тот факт, что некоторые писатели, жившие позже Арриана, приводят со ссылкой на него такие сведения, которых нет в самом перипле. Так, например, Лев Дьякон Калойский в своей «Истории», написанной в конце X в., отмечает: «Арриан говорит в своем морском путешествии (перипле), что Пелеев сын Ахилл был родом скиф из небольшого города Мирмекия, стоявшего близ озера Меотиды, что после уже, изгнанный скифами за необузданность, жестокость и высокомерие духа, он поселился в Фессалии. Ясным сему доказательством служат покроем плаща его с пряжкой, навык сражаться пешим, светлорусые волосы, голубые глаза, безумная отважность, вспыльчивость и жестокость, за что порицает его Агамемнон в сих словах: „Тебе приятны всегда споры, раздоры и битвы“» (IX, 6). А Прокопий Кесарийский в своем обширном произведении «Война с готами» при описании Восточного Причерноморья сообщает следующее: «По этой стране протекает река по имени Рион; в древности колхи построили здесь укрепление, большую часть которого впоследствии они сами разрушили до основания, так как оно было расположено на равнине и, по их мнению, давало легкий доступ и возможность его завоевать. На греческом языке в то время это укрепление называлось Котиаион, теперь же лазы называют его Кутаисом, изменяя произношение букв в этом имени вследствие незнания (греческого) языка. Так передал это Арриан в своей истории» (IV, 14). (Слово «история» не означает название сочинения, а имеет общепринятый для того времени смысл: «рассказ, описание, история». В данном случае слово «история» следует понимать как «описание», т. е. перипл.— М. А). По своему характеру и содержанию эти сведения хорошо увязываются с периплом, а прямые ссылки на Арриана начисто отменяют какие-либо сомнения в том, что эти данные взяты из перипла Арриана. Но в дошедшей до нас редакции перипла таких отрывков нет. Основываясь на этом факте, исследователи уже высказывали мысль о неполноте Палатинско-Лондонской редакции перипла Арриана. При этом П. О. Карышковский осторожно предположил, что некоторые параллельные отрывки перипла Анонимного автора (т. е. полного перипла) и Палатинско-Лондонской редакции «представляют собой переработки собственно Аррианова сочинения»⁴. Это предположение, безусловно, заслуживает внимания.

Итак, имеющиеся данные бесспорно свидетельствуют о том, что перипл Арриана дошел до нас далеко не полностью. Палатинско-Лондонская редакция сокращена самим Аррианом в соответствии с ее назначением в качестве официального отчета императору Адриану. А полный перипл частично сохранил некоторые сокращения Арриана. И мы будем рассматривать описание ряда районов по более полной редакции.

После упоминания Синдики и ошибочного отождествления ее с Синдской гаванью Арриан в полном перипле сообщает следующее: «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке, или узкой полосе между озером и

⁴ Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоландского городища // МАСП. 1966. Вып. 5. С. 153.

морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 630 стадиев, 84 мили. Если въехать в самое озеро и плыть вдоль берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев, 58 ²/₃ мили» (§ 64).

Как мы видим, здесь упоминается селение Корокондама, но почему-то не указано расстояние до него от Синдской гавани и Гермонассы. Возможно, это связано с путаницей относительно Синдики и Синдской гавани. Ошибочно отождествив эти два разных пункта, Арриан впал в неразрешимое противоречие, связанное с определением расстояния до Корокондамы, и поэтому решил указать общее измерение вплоть до Гермонассы. А местоположение Корокондамы он определил приблизительно, используя такой ориентир, как косу между озером и морем. Где же искать этот пункт? Приведенных сведений для его поисков явно недостаточно. Поэтому обратимся к Страбону, который при описании Боспора Киммерийского приводит интересные и весьма необходимые для нас данные: «Затем двадцать стадиев до Ахиллова селения, в котором есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Меотиды, шириной около двадцати стадиев или несколько более; на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Гераклия) и Парфений. Отсюда девяносто стадиев до памятника Сатира; это насыпанный на мысе курган одного из царей, славно господствовавших на Боспоре. Недалеко отсюда селение Патрэй, от которого сто тридцать стадиев до деревни Корокондамы; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора. Так называется пролив при устье Меотиды, от узкого места у Ахиллова селения и Мирмекия тянувшийся до Корокондамы и лежащей против нее, в Пантикапейской земле, деревеньки по имени Акра, отделенной семидесятью стадиями водного пути. Доселе доходит и лед, так как в морозы Меотида сковывается льдом до того, что по ней ходят пешком. Весь этот пролив имеет прекрасные гавани» (XI, 2, 6—8).

Описание Страбона значительно облегчает поиски. Сопоставление имеющихся данных и отсчет указанных расстояний приводит нас к району современного мыса Туз-ла. Но здесь нет никаких следов античного поселения, которое можно было бы отождествить с Корокондамой. Даже самые тщательные обследования не дали обнадеживающих результатов. Как же тут быть? Ранее исследователи зачастую видели здесь ошибку древних авторов и искали рассматриваемый пункт в других местах. Но некоторые ученые все же указывали Корокондаму именно в районе Тузлы. Вопрос оставался открытым.

Но именно в районе Тузлы существовал обширный античный некрополь (город мертвых). Кому же он принадлежал? Один из первых его исследователей В. В. Шкорп-гшл, раскопавший здесь в начале нашего века большое количество захоронений, ответил на этот вопрос так: «Неясно принадлежал ли некрополь той колонии, которая, может быть, находилась возле мыса, на берегу, ныне смытом и снесенном морем и действием атмосферных явлений, или поселению, находившемуся на месте теперешней Тамани, отстоящей от Тузлы на 8 верст. Если мы будем настаивать на первом предположении и утверждать, что некрополь, вскрытый в 1911 г., принадлежал колонии, существовавшей возле Тузлы, то нам придется согласиться с тем, что теперь не существует даже места этого поселения, погибшего вместе с древним городищем и его колодцами пресной воды, потому что на всем протяжении берега, от Тамани до Тузлы и от Тузлы до Бугаза, нет теперь удобного места, к которому можно было бы приурочить этот древний город. Не отрицая возможности, что частые волнения этой открытой части Керченского пролива вместе с влиянием дождей, постоянных ветров, морозов и солнца могли совершенно смыть территорию целого города, мы, однако, оставляя в стороне сбивчивые известия древних писателей, предпочитаем мнение, что оба некрополя 1911 года принадлежали колонии, занимавшей место теперешней Тамани»⁵.

Как мы видим, В. В. Шкорпил отнес рассматриваемый некрополь к городу Гермонасса, который находился на месте современной Тамани. Но этому выводу противо-

⁵ Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 2—3.

речит слишком большое расстояние между ними — около 9 км. Некрополи находились, как известно, в непосредственной близости от городов. И поэтому некрополь у Тузлы никак не может относиться к Гермонассе. Он указывает на существование в этом районе еще одного населенного пункта. И мы с полным основанием можем связывать этот некрополь с Корокондамой. Где же искать ее?

В своем первом предположении В. В. Шкорпил был очень близок к истине. Но в те годы еще не были точно локализованы основные боспорские города, недостаточно была изучена топография некрополей и городов, практически отсутствовали определенные данные о более низком уровне моря в античное время, о его наступлении на сушу. И поэтому ученый не мог прийти к однозначному, убедительному выводу.

Имеющиеся в настоящее время данные дают совершенно ясный ответ. В античное время, когда уровень Черного моря был ниже современного как минимум на 5 метров, Керченский пролив был значительно уже и мельче, чем теперь. Береговая линия в районе Тузлы проходила тогда на несколько сот метров западнее и выклинивалась в мыс, который выдавался далеко в море. На этом мысу и была расположена Корокондама. Со временем в результате повышения уровня моря этот мыс был разрушен и затоплен. Селение оказалось на дне пролива. В этом районе на протяжении нескольких лет проводились подводные исследования под руководством Д. Ф. Кравченко, А. С. Шамрая, К. К. Шилика, в результате которых найдено много античных якорей, фрагменты амфор и другие находки. Будем надеяться, что дальнейшие работы помогут определить точное местоположение Корокондамы и ознакомиться с ее конкретной историей, которая нам почти неизвестна.

Как указывает в полном перипле Арриан, сразу же за Корокондамой находится Корокондамское озеро, представляющее собой обширный залив в 630 стадиев, т. е. около 100 км. Аналогичные сведения приводит и Страбон: «Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно соединяется с морем. В озеро впадает один рукав Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою. Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно реке, соседней с Борисфеном» (XI, 2, 9). Описываемое древними авторами озеро — не что иное, как современный Таманский залив. Сегодня этот открытый залив никак не назовешь озером. Но в древности в месте слияния с Керченским проливом он был значительно уже и назывался озером. В сущности, это было затопленное устье одного из рукавов Кубани, которую в древности называли Гипанисом или Антикитом. Следы этого рукава и поныне сохранились в виде высохшей долины, которая тянется от Ахтанизовского лимана в Таманский залив южнее станицы Сенной. На правом берегу этого рукава в месте впадения в озеро был основан город Фанагория. Об этом городе речь пойдет ниже, а пока ознакомимся с общим описанием этого района Страбоном: «Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, а затем Кепы (Сады), Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для втекающего в озеро, а прочие города — по правую руку, за Гипанисом в Синдике. В Синдике же недалеко от моря лежит и Горгиппия, столица синдов, и Аборака. Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо и так называется этот город); и торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых; туда с моря — Пантикапей. Есть и в Фанагорий известное святилище Афродиты Апатуры (т. е. Обманчивой). Для объяснения происхождения этого прозвания богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая отдельно каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом» (XI, 2, 10).

Вернемся, однако, к Арриану. По данным полного перипла, в 440 стадиях (69 км) от Синдика расположен город Гермонасса. Это расстояние приводит нас к современной Тамани. Гермонасса располагалась непосредственно на берегу озера в удобном для гавани месте. В настоящее время большая часть города уничтожена морем. Сохранилась лишь его восточная окраина, узкой полосой протянувшаяся вдоль современного абразионного берега. Территория города, располагавшаяся на этом разрушенном абразией участке, погибла безвозвратно. Но прибрежная часть Гермонассы находилась, надо полагать, на низменной песчаной террасе и не подверглась столь разрушительной силе абразии, как верхние кварталы. Поэтому можно предполагать, что на дне залива сохранились еще не полностью уничтоженные волнами остатки города. Подводные исследования могут дать интересные результаты, важные для определения границ Гермонассы, ее площади, топографии и других конкретных историко-географических вопросов.

Далее полный перипл повествует: «От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев, $68\frac{2}{3}$ мили. Если же плыть прямым путем от Синдики в Боспор, называемый Киммерийским, в город Боспора Пантикапей, то будет 540 стадиев, 72 мили. Всего, если плыть вдоль берега от святилища Зевса Урия до устья озера Меотиды или Ахиллова селения, 12487 стадиев, $1653\frac{1}{3}$ мили (читай 1665). От Ахиллова селения, которое лежит на конечном пункте Азии и при проливе у устья озера Меотиды или Танаиса (автор здесь ошибочно отождествляет Меотиду и Танаис — М. А.), до селения, лежащего напротив на конечном пункте Европы, называемого Портмием и лежащего также при проливе у устья озера Меотиды, ширина устья 20 стадиев, $2\frac{2}{3}$ мили» (§ 66—69). Указанные 515 стадиев (81 км) приводят нас к наиболее узкому месту Керченского пролива, которое в древности считали устьем Меотиды. Ширина его равнялась 20 стадиям, т. е. чуть больше 3 км. Это место было наиболее удобным для переправы через пролив. Именно здесь и переправлялись через Боспор Киммерийский. Об этом наглядно свидетельствует и само название располагавшегося здесь селения Портмий (Порфмий), что означает «переправа». И в настоящее время здесь работает паромная переправа «Крым—Кавказ».

А на азиатском берегу Боспора у современной косы Чушка находилось Ахиллово селение, в котором, как сообщает Страбон (XI, 2, 6), было святилище Ахилла. Культ Ахилла, владыки Понта, был, как известно, широко распространен на всем побережье моря, особенно в его северо-западной части, как мы увидим дальше. В наиболее важных для плавания местах моряки сооружали святилища Ахилла, где совершали жертвоприношения и оставляли богатые дары своему покровителю. А район современной косы Чушка подходил для этого как нельзя лучше. Ведь здесь, как гласит предание, в Мирмекии, родился Ахилл. Место это находится на оживленном морском пути и по своему географическому местоположению и топографии очень удобно для святилища.

Интересно отметить, что еще в прошлом веке у оконечности указанной косы под водой были обнаружены шесть мраморных колонн. Керченские исследователи пытались даже поднять одну из колонн. Но эта попытка не увенчалась успехом. По всей вероятности, здесь находился храм, который затем в результате повышения уровня моря оказался под водой. В 1957 г. экспедиция под руководством В. Д. Блаватского пыталась найти это место, но безуспешно. Вода в проливе мутная, а точного плана нет. Этот античный храм еще ждет своего исследователя.

Столица азиатского Боспора Фанагория, а также соседний с ней город Кепы указаны Аррианом в полном перипле по данным Псевдо-Скилака: «Затем следуют Фанагория город и город Кепы (Сады)» (§ 73) и Псевдо-Скимна: «Потом Гермонасса и Фанагория, которую, по преданию, некогда заселили теосцы» (§ 74). Это обстоятельство свидетельствует, по всей вероятности о том, что Арриан не имел сведений о точном местоположении этих городов. Но он знал Фанагорию, как, впрочем, и Гермо-насу. Об этом свидетельствует цитируемый Евстафием следующий отрывок: «Арриан же говорит так: „Фанагория, которую основал Фанагор Теосский, бежавший от насилия персов. Затем

Гермонасса, названная по имени Гермонассы, жены некоего митиленца Семандра; он отвел в колонию некоторых эолян, но умер при основании города, и после его смерти жена его овладела правлением в городе и дала ему свое имя"» (§ 549).

Фанагория и Кены лежали в глубине Корокондамско-го озера, в стороне от основных морских путей. Но это отнюдь не значит, что они находились в каком-то отдаленном, маловажном районе. Совсем наоборот. Фанагория была расположена, как уже говорилось, в устье одного из рукавов Кубани и блокировала выход в море для судов, шедших коротким путем из Меотиды, минуя Пантикапей, а также спускавшихся по течению реки. Ведь недаром Страбон называет Фанагорию «торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны». Такое исключительно важное географическое положение и было одной из основных причин становления и процветания столицы азиатского Боспора.

В своем дальнейшем описании Арриан в полном перипле позаимствовал общие географические сведения о районе Меотиды и Скифии вообще у Псевдо-Скимна. Затем снова следуют сухие, лаконичные строки перипла: «Устье озера называется Боспором. От местечка Портмия или устья Меотийского озера до городка по имени Мирмекиона 60 стадиев, 8 миль. От Мирмекиона до Пантикапея, важного боспорского города, 25 стадиев, $3\frac{4}{3}$ мили; он имеет обширную гавань и верфи. По прямому пути от Боспора до устья Меотийского озера или Танаиса 60 стадиев, 8 миль. (Это предложение, бесспорно, взято из другого источника. Его сокращение опять-таки привело к серьезным несоответствиям. Боспором здесь именуется уже не устье Меотиды, как это было несколькими строками выше, а Пантикапей. Меотида ошибочно отождествляется с Танаисом.— М. А.) А от города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадиев, 8 миль; от города Тиристаки до города Нимфея 25 стадиев, $3\frac{4}{3}$ мили; от Нимфея до деревушки Акры 65 стадиев, $8\frac{2}{3}$ мили; от Акры до города Кит, раньше называвшегося Кидеаками, 30 стадиев, 4 мили... От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив него в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых не очень больших острова. Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадиев, 40 миль, от города Пантикапея до Киммерика 240 стадиев, 32 мили» (§ 76).

Как мы видим, этот небольшой отрывок крайне насыщен важной информацией. Проследим вслед за мореплавателем этот интересный маршрут и ознакомимся с указанными городами и поселениями. Итак, в 9 км от устья Меотиды назван Мирмекий. Этот городок был расположен на северном берегу Керченской бухты на скалистом мысу, выдававшемся довольно далеко в пролив. Название города толкуется исследователями по-разному. Одни ученые считают, что оно происходит от древнегреческого слова муравей, другие — от слова риф, третьи связывают его с именем основателя города. Мне представляется, что таким названием Мирмекий обязан своему географическому положению, т. е. скалистому мысу, который, надо полагать, оканчивался рифом. Город занимал исключительно важное географическое, можно сказать, — стратегическое положение. Ведь Боспор Киммерийский в период фанагорийской регрессии был, как уже говорилось, значительно уже и мельче. И на некоторых его участках плавание было нелегким. Фарватер проходил большей частью вдоль правого берега пролива и в районе Пантикапея расширялся за счет глубокой обширной бухты. Это затрудняло полный контроль за проходящими мимо судами. Поэтому у северной оконечности бухты на скалистом мысу, к которому прижимался фарватер, возник город Мирмекий. Теперь Пантикапей мог полностью контролировать плавание в проливе. Ведь не зря Страбон называл его торговым пунктом для товаров, доставляемых в Меотиду с моря.

Столица Боспорского царства Пантикапей был одним из крупнейших античных городов Причерноморья. Он занимал обширную территорию на месте центральной части современной Керчи: низменную приморскую террасу, склоны и гору Митридат. На вершине горы находился акрополь — укрепленный центр города. Здесь была резиденция

боспорских царей, объединивших под своей властью обширные земли по обеим сторонам пролива, Страбон, например, приводит следующие сведения о нем: «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами» (VII, 4, 4). В полном перипле также сообщается, что город имел обширную гавань и верфи.

Пантикапей, как известно, вел обширную торговлю со многими античными центрами и местными племенами, был одним из основных поставщиков хлеба в Афины. И он, разумеется, имел прекрасно оборудованную гавань, доки, верфи и достаточно большой военный и торговый флот. Ведь корабли были необходимы не только для торговли, но и для военных действий во время войны и охраны государства и морских путей в мирное время. Так, например, только с помощью сильного флота боспорский царь Евмел сумел решительно пресечь пиратские разбои в Понте, которые в конце IV в. до н. э. приобрели катастрофический размах. Диодор Сицилийский, автор обширного труда в 40 книгах под названием «Библиотека», так описывает эти славные деяния Евмела: «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством,— гениохами, таврами и ахеянами, и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как торговые люди повсюду разнесли молву о его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую (чем прежде) известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизни» (XX, 25). Боспорскому царству и после Евмела приходилось бороться с морскими разбойниками. И эта мощная морская держава неизменно одерживала серьезные победы. Да и во все времена своего существования Пантикапей славился как один из крупных торговых центров Понта Эвксинского.

Продолжим свой маршрут. Выйдя из пантикапейской гавани наш мореплаватель направился вдоль европейского берега Боспора Киммерийского на юг. В 9 км от столицы справа по борту открылся небольшой город Тиритака, расположенный в устье небольшой речки, в удобном для гавани месте. Ионийские переселенцы обосновались здесь еще в середине VI в. до н. э. Город занимал важное стратегическое положение в системе обороны Боспорского царства. Налицо были и экономические преимущества, связанные с морскими промыслами. Тиритака славилась своими крупными рыбозасолочными комплексами. Соленая рыба шла на импорт и пользовалась известностью в Греции.

В 25 стадиях (4 км) южнее Тиритака на высоком мысу у современного с. Героевка раскинулся Нимфей, довольно крупный город, упоминаемый многими древними авторами. Страбон, например, описывая побережье от Пантикапея до Феодосии, отмечает, что «эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфей» (VII, 4, 4). Вопрос об этой столь хорошей гавани, которую Страбон отметил специально, долгое время вызывал споры. Ученые спорили о том, где именно находилась указанная гавань. Дело в том, что Нимфей расположен вблизи двух водных бассейнов. С востока и юга его омывают воды Керченского пролива, а с севера обступает гладь Чурубашского озера. В настоящее время это озеро отделено от пролива широкой пересыпью, но в античный период оно было, как считают исследователи, открытым заливом. В ходе дискуссии были высказаны три точки зрения. Одни ученые считали, что нимфейская гавань находилась в Чурубашском озере, другие помещали ее на берегу Керченского пролива, третьи полагали, что город имел две гавани: одну в озере, другую в проливе, и суда в зависимости от ветра могли стоять на том или другом рейде⁶. Ни одна из этих точек

⁶ Подробнее см.: *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1984. № 4. С. 124 и след.

зрения не стала общепринятой, и вопрос о местоположении нимфейской гавани долгое время оставался открытым.

Анализируя имеющиеся мнения, я столкнулся с необходимостью палеогеографической реконструкции этого района для античного времени. Ведь уровень моря тогда был ниже, и береговая линия в деталях выглядела иначе. Возможно, выявление происшедших изменений поможет решить этот спорный вопрос.

Как же выглядел район Нимфея во второй половине I тыс. до н. э.? Ознакомимся ближе с Чурубашским озером; Эта лагуна, как и соседние озера, образовалась в результате повышения уровня моря. Морские воды затопили котлован тектонического происхождения и превратили его в открытый залив, который со временем отгородился пересыпью. Принципиально важно знать, когда именно появился этот залив. Для этого пришлось обратиться к материалам буровых работ. Изучение стратиграфии лиманно-морских осадков показало, что непосредственное дно залива к моменту его образования было на 5,55 м ниже современного уровня моря. А в интересующий нас период уровень Черного моря находился примерно на этой же отметке или еще ниже. Следовательно, в то время Чурубашский залив либо вообще не существовал, либо был таким мелководным, что о гавани здесь не могло быть и речи.

Перейдем теперь к южной части городища, омываемой Керченским проливом. Берег здесь тянется плавной, слегка извилистой линией. Низменная песчаная терраса постепенно переходит в пологий склон мыса. На этой террасе, а также в прибрежной полосе пролива раскопками под руководством Н. Л. Грач выявлены городские сооружения IV—III вв. до н. э. Исследовательница предположила, что нимфейская гавань находится под водой, но вопрос о ее точном местоположении оставила открытым. Эти материалы еще более подчеркнули настоятельную необходимость палеогеографической реконструкции.

Пришлось обратиться к детальному изучению береговой линии, к материалам геологических исследований нимфейской террасы, к проработке крупномасштабных карт по 5-метровой изобате. В результате была получена схематическая реконструкция береговой линии для древнегреческого периода. Ее основные положения сводятся к следующему. Берег Керченского пролива в то время проходил на несколько сот метров восточнее. Напротив современного Чурубашского озера существовал Пра-Чурубашский залив. Он представлял собой затопленную морем юго-восточную часть того же тектонического котлована. Этот залив выклинивался к нимфейской террасе и образовывал здесь удобную для гавани бухту. Именно здесь и располагалась гавань Нимфея, получившая столь широкую известность. С повышением уровня моря гавань постепенно была затоплена. Ушли под воду портовые сооружения, складские помещения и вся прибрежная часть города. А море продвинулось дальше по тектоническому котловану и образовало современное Чуру-башское озеро, которое под воздействием волн отделилось от моря пересыпью. В настоящее время нимфейская гавань и прибрежная часть нижнего города находятся на дне Керченского пролива на глубине до нескольких метров под слоем морских осадков. Для их изучения необходимы подводные исследования, которые, бесспорно, принесут интересные результаты.

Говоря о Нимфее, нельзя оставить в стороне такой интереснейший вопрос, как измена Гилона. Этот исторический случай известен нам из письменных источников. Знаменитый аттический оратор Эсхин в одной из своих речей, произнесенной в 330 г. до н. э. против другого знаменитого оратора Демосфена, сообщил следующее: «Был некто Гилон из дема Керамеев. Он предал врагам Нимфей, местечко в Понте, который находился тогда во владении нашего государства, и после доноса бежал из города (будучи приговорен к смерти), не подчинившись приговору; он прибыл в Боспор, получил там в дар от тиранов так называемые Кены (Сады) и женился на женщине, правда, богатой, клянусь Зевсом, и принесшей в приданое много золота, но родом скифянке» (III, § 171). Схолиаст Эскина кратко отмечает по этому поводу: «Нимфей/ храм Нимф — местность

города при Понте. Ею владели афиняне, но афинянин Гилон передал тиранам Боспора. Беглец удалился в изгнание и получил от тиранов местечко, которое называлось Кепами (Садами)». Аналогичные сведения содержатся и в некоторых других источниках, из которых для нас представляет интерес отрывок из «Другого жизнеописания Демосфена»: «Афинянин Гилон, возбудив, я думаю, зависть своими доблестями (это чувство весьма обычно в Афинах), был обвинен в том, что предал Нимфей, местечко в Понте. Будучи обесславлен обидою обвинения, а может быть, и испугавшись сикофантов (их шайка сильна в Афинах), он не дождался их суда и удалился раньше обвинения. Прибыв в Скифию, он женился на дочери одного из туземцев, взяв за ней большое приданое» (VIII, 23 Д). Вопрос об измене Гилона тесно переплетен с проблемой вхождения Нимфея в Афинский морской союз. Эта тема является предметом оживленной дискуссии уже много десятков лет. Привлекая весь комплекс нарративных, эпиграфических, нумизматических, археологических и других данных, одни ученые доказывают, что Нимфей входил в Афинский морской союз, затем был предан Гилоном и перешел к Боспорскому царству, другие же опровергают эти утверждения⁷. Недавно Ф. В. Шелов-Коведяев собрал воедино, тщательно проанализировал имеющиеся источники, выводы и аргументацию своих предшественников и пришел к следующему конечному выводу: «В середине 30-х годов независимый от Боспора Нимфей, поддерживавший тесные связи со скифами, во время экспедиции Перикла в Понт вступает в Афинский союз. Где-то между 410 и 405 гг. Гилон, будучи представителем Афин в Нимфее и не имея сил удерживать его в обстановке развала союза, сдал город боспорским тиранам. Сам он бежал под их покровительство и был обласкан Сатиром»⁸.

При сопоставлении этого вывода с процитированными выше сведениями древних авторов возникают некоторые вопросы и неясности. Поэтому ознакомимся ближе в письменными источниками. По Эсхину, события происходили так: Гилон предал врагам Нимфей, после доноса бежал из города и прибыл в Боспор, где получил от тиранов Кепы. Аналогичным образом описывает их и автор «Другого жизнеописания Демосфена»: Гилон был обвинен в том, что предал Нимфей, удалился из города и прибыл в Скифию. Отсюда неоспоримо следует, что указанный Нимфей географически находился за пределами Боспора, за пределами Скифии. А схолиаст Эсхина, пытаясь сжато изложить имеющуюся информацию, искажил ее: по его представлению, поскольку Гилона приняли боспорские тираны, то город он передал именно им. В действительности же первоисточники не сообщают, кому именно Гилон предал Нимфей.

Итак, фигурируемый в источниках Нимфей находился вне Боспора и вне Скифии. Кроме того, речь идет не о городе: у Эсхина и автора «Другого жизнеописания Демосфена» это — местность, а у схолиаста Эсхина — храм Нимф. Таким образом, становится очевидным, что боспорский город Нимфей не имеет никакого отношения к истории Гилона. О каком же Нимфее тогда идет речь? Местность под таким названием известна на южном берегу Понта. Она упоминается именно Аррианом и расположена, по его данным, в 180 стадиях восточнее Гераклеи. Надо полагать, именно к этому Нимфею был причастен Гилон.

Следовательно, у нас нет никаких оснований связывать боспорский Нимфей с историей афинянина Гилона. Но этот вывод, разумеется, несколько не влияет на разработку проблемы вхождения указанного города в Афинский морской союз.

Следующая строка полного перипла гласит: «От Нимфея до деревушки Акра 65 стадиев, $8\frac{2}{3}$ мили» (§ 76). Это расстояние, равное примерно 10 км, приводит нас в район с. Заветное. Где-то здесь находилось селение Акра, что в переводе означает «мыс». Его точное местоположение остается пока неизвестным. Исследователи высказывали на этот счет различные гипотезы, но к единому мнению так и не пришли.

⁷ См.: Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 90-115.

⁸ Там же. С. 113.

Недавно К. К. Шилик пришел к выводу, что Акра разрушена морем и ее остатки находятся под водой в районе пересыпи небольшого озера у с. Заветное⁹. Происхождение ее названия он объясняет тем, что эта песчаная коса якобы выступала в море в виде мыса. Но этой локализации Акры и объяснению ее названия противоречит как традиция размещения античных городов и поселений, так и толкование слова «акра» в связи с конкретной топографией района. Во-первых, древние греки предпочитали селиться на возвышенных местах, а не в низинах. Во-вторых, слово «акра» применяется, как правило, к высокому, хорошо заметному издали мысу. Ярким примером может служить болгарский мыс Калиакра, т. е. Прекрасный мыс — высокий, обрывистый, мощный утес, выступающий далеко в море и прекрасно видимый на большом расстоянии. В-третьих, деревня Акра находилась, как сообщают античные авторы, у оконечности Боспора Киммерийского. Здесь кончался пролив и начинался Понт Эвксинский. Весьма примечательное для мореплавателей место! Конечно, Акра была для них важным ориентиром. Все эти соображения со всей очевидностью показывают, что Акра стояла, бесспорно, не на песчаной низменности у самого уреза воды, а на высоком, выдающемся далеко в море и хорошо заметном мысу.

Кроме того, К. К. Шилик при расчетах расстояний допустил методологическую ошибку: провел измерения не по стадиям, а по милям. Как уже говорилось, перерасчет стадиев в мили был сделан византийским географом по иному, чем в античное время, стандарту. В результате этого расстояние по милям не соответствует расстоянию по стадиям. Оно больше действительного. Все это значительно снижает ценность выводов К. К. Шилика и заставляет осторожнее относиться к предложенной им локализации.

Несколько слов о подводных находках исследователя. Здесь обнаружен оказавшийся под водой колодец, откуда извлечены античные амфоры, чернолаковые сосуды и другие отдельные предметы. Говорить об остатках каких-либо строительных сооружений пока преждевременно. Ясно только то, что здесь в низине стоял колодец. Не исключено, что поблизости могли находиться какие-либо постройки. Но помещать здесь целиком всю Акру нет никаких оснований.

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Акра находилась у оконечности Боспора Киммерийского на высоком, выдающемся далеко в море, хорошо заметном мысу, которым ограничивался пролив. Этот мыс был расположен, как показывают измерения расстояний по стадиям Арриана и топография местности, несколько южнее пересыпи указанного озера. Береговая линия за прошедшие тысячелетия здесь существенно изменилась. Морем уничтожена полоса берега до нескольких сот метров. Мыс, на котором стояла Акра, видимо, полностью разрушен. Остатки этого пункта были перемолоты абразией и волнами. Возможно, на дне моря частично сохранилась прибрежная часть селения. Будем надеяться, что подводные исследования несколько к югу от пересыпи принесут определенные результаты.

Хотя Боспор Киммерийский остался позади, познакомимся еще с несколькими лежащими вблизи городами и поселениями, которые входили в состав Боспорского царства. В 30 стадиях (5 км) от Акры перипл указывает город Китей. Этот античный центр находился на высоком обрывистом морском берегу у небольшой бухты. Его локализация бесспорно подтверждается одной знаменательной находкой. В 1918 г. здесь был найден храмовый стол — массивная каменная плита с двумя подставками в виде бюстов кариатид. Надпись на плите гласит о том, что в 234 г. община города Китея соорудила храм «богу гремящему, внемлющему».

Большая часть города разрушена морем. Вся прилегающая к сохранившимся остаткам городища прибрежная часть моря насыщена обломками амфор, мелкими камнями и другими следами уничтоженного культурного слоя. Этот материал

⁹ Шилик К. К. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Тез. докл. совещ. «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984. С. 108—111.

безвозвратно утерян для науки. Но при этом здесь все же необходимы подводные исследования. Они могут помочь определить первоначальные границы Китея, его топографию и другие конкретные вопросы. В настоящее время сохранившиеся руины города занимают площадь в 4,5 га. А сколько же гектаров поглотило море? Примерные подсчеты на основании имеющихся данных показывают, что разрушенная морем часть Китея составляет не менее 10 га. Следовательно, его общая площадь была равна примерно 15 га.

Далее в полном перипле сообщается: «От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив него в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых, не очень больших острова» (§ 76). Этот город был расположен на мысу у левого берега устья современного оз. Элькен, близ известной горы Опук. Озера Элькен в современных очертаниях тогда не существовало. Его устье представляло собой бухту, которая служила, как свидетельствует античный автор, стоянкой для кораблей. Киммерик издавна известен археологам и неоднократно исследовался. Интересно отметить, что в первой половине прошлого века П. Дюбрюкс, проведя небольшие раскопки, обнаружил водоем, дно которого было выложено мозаикой из гальки в виде геометрического орнамента.

А в море напротив Киммерика в нескольких километрах от берега находятся указанные в перипле скалистые островки, так называемые Элькен-Кая, т. е. Скалы-корабли. Издали они похожи на корабли. Отсюда и название. Но в настоящее время здесь не две, а три скалы. Подчеркивая это, современные исследователи иногда стараются увидеть здесь ошибку античного автора. Однако никакой ошибки здесь нет. Дело опять-таки в разрушительной силе морской стихии. За прошедшие тысячелетия море превратило «два скалистых, не очень больших острова» в совсем уже маленькие три скалы. С каждым годом они становятся все меньше и меньше и в скором времени полностью исчезнут в пучине.

В следующем параграфе читаем: «От Киммерика до деревни Казека, лежащей у моря, 180 стадиев, 24 мили» (§ 77). Это расстояние, равное 28 км, приводит нас к устью небольшого озера вблизи известного мыса Чауда. Казека почти не изучалась исследователями, и ее конкретная история еще неизвестна.

Затем автор перипла указывает Феодосию, один из крупнейших античных городов Причерноморья: «От Казека до Февдосии, опустевшего города, имеющего и гавань, 280 стадиев, 37¹/₃ мили; и это был древний эллинский город, колония милетян; о нем есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Февдосия на аланском, или таврском, наречии называется Ардаба, т. е. Семибожный. В этой Февдосии, говорят, жили некогда и изгнанники из Боспора» (§ 77). Феодосия упомянута в трудах многих античных авторов. Специально отмечают они и прекрасную гавань города. В «Географии» Страбона, например, указан «город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов» (VII, 4, 4). Выгодное географическое положение Феодосии, близость оживленных морских путей, прекрасная гавань, плодородные земли в округе — все это обеспечило городу быстрое экономическое развитие и процветание.

Процветающий город обратил на себя взоры правителей Боспорского царства. Включение в его состав Феодосии, экономического и в некоторой степени политического соперника, сулило большие выгоды. И Спартокиды взяли курс на захват Феодосии. Войну начал Сатир I. Однако феодосийцы оказали упорное сопротивление и призвали на помощь Гераклею Понтийскую. Борьба затянулась. Подчинить город удалось уже сыну Сатира I — Левкону I. Видимо, в 80-х годах IV в. до н. э. Феодосия была лишена самостоятельности, права чеканить собственную монету и вошла в состав Боспорского царства.

Феодосия — один из немногих античных городов, сохранивших свое название до настоящего времени. Он находился, как известно, на месте современной Феодосии. В этом плане античному городу не повезло. Он был перекрыт средневековой Каффой, а затем

строениями нового и новейшего времени. Поэтому античные слои значительно пострадали, и их изучение в настоящее время затруднено.

С Феодосией связано проведение одних из первых в нашей стране и в мире вообще комплексных палеогеографических и историко-археологических исследований. В конце XIX — начале XX в. среди западноевропейских ученых разгорелась дискуссия, связанная с причинами нахождения под водой затопленных объектов, уровнем Средиземного и Черного морей в древности и т. д. В дискуссию включился и русский ученый Л. П. Колли. В ноябре 1905 г. он с помощью водолазов провел подводные работы в Феодосийском порту, где в 1894 г. при строительстве портовых сооружений был обнаружен древний мол: во время дноуглубительных работ землечерпалки извлекли из воды около 4000 свай. Именно здесь Л. П. Колли обнаружил 15 античных амфор и доказал, что обнаруженный мол относится к античному времени. Кроме того, он подкрепил свои соображения анализами грунта, взятого в месте находок свай. На основании проведенных исследований и наблюдений ученый пришел к важному выводу о местном понижении берега в историческое время. В результате этих работ было определено точное местоположение широко известной в древности феодосийской гавани, одной из прекраснейших гаваней Понта Эвксинского.

Итак, мы вкратце ознакомились с основными городами и поселениями Боспорского царства, лежащими по маршруту античного мореплавателя от златообильной Колхиды к суровой Таврии. В следующей главе мы продолжим свое плавание далее на запад и направимся к берегам знаменитого Херсонесского государства.

Херсонес Таврический

После упоминания Феодосии Арриан в кратком перипле сообщает: «Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифо-тавров» (§ 30). А в полном перипле приводится и название этого порта: «От Февдосии до пустынной гавани Афинеона, или гавани скифо-тавров 200 стадиев, 26 ²/₃ мили; здесь спокойная стоянка для кораблей» (§ 78). Указанные 200 стадиев, т. е. примерно 32 км, приводят в район современного пос. Курортное. Здесь и следует искать гавань Афинеон. Ее точное местоположение пока неизвестно. Для поисков гавани необходимы специальные исследования. А пока сведения Арриана остаются для нас единственным источником в этом пункте. Сопоставляя эти отрывки, следует отметить, что они, несомненно, восходят к одному источнику, который значительно сокращен Аррианом.

Как видно из этих сведений, за Феодосией уже начинались владения тавров, населявших в древности Горный Крым, который по имени этих племен назывался тогда Таврией или Тавридой. Горные племена тавров находились на более низком экономическом и культурном уровне развития, слабо контактировали с греками и прослыли у них диким и жестоким народом. Согласно древнегреческим мифам, Артемида похитила у ахейцев Ифигению и перенесла ее именно в Тавриду, где она стала жрицей в святилище Артемиды и приносила в жертву богине всех попадавших сюда чужестранцев. Этой теме знаменитый древнегреческий трагик Еврипид посвятил свое прославленное произведение «Ифигения в Тавриде». О жестокости и суровых нравах тавров сообщают многие античные авторы. Псевдо-Скимн, например, характеризует их следующим образом: «Тавры — народ многочисленный и любит кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилостивляют своих богов нечестивыми деяниями» (§ 831—834).

Афинеон названа гаванью скифо-тавров. Судя по названию, она находилась где-то в пограничной зоне территории этих племен. Во времена рассматриваемого источника, видимо, из-за каких-то военно-политических событий гавань была покинута и опустела. Когда именно это произошло, сказать трудно. По общеисторическим соображениям и

датировке некоторых сообщений Арриана приблизительной датой можно считать конец IV — начало III в. до н. э. Более точный ответ могут дать археологические материалы.

После гавани Афинеон в перипле указана Лампада. Арриан в кратком перипле отмечает: «а отсюда до Лампады в Таврической земле шестьсот стадиев» (§ 30), а в полном — несколько подробнее: «От Афинеоне, или гавани скифо-тавров, до Лампады 600 стадиев, 80 миль; там стоянка для кораблей» (§ 78). Если отсчитать от пос. Курортное приведенные 600 стадиев, т. е. примерно 95 км, то мы попадем в район пос. Малый Маяк. В этом месте и находилась Лампада. Перипл ничего не говорит о том, что это за объект. В переводе с древнегреческого это название означает «факел, светильник». Поэтому надо полагать, что речь идет о маяке. Об этом свидетельствуют и более поздние названия этого пункта — Кучук Лампад, Малый Маяк. Этот античный маяк служил важным ориентиром на таком сложном участке плавания. Здесь была и стоянка для кораблей, где мореплаватели в случае необходимости могли найти пристанище.

Читая следующие строки краткого перипла, мы снова сталкиваемся с тем, что Арриан сокращает свой источник. После упоминания Лампады он сообщает: «От Лампады до порта Символа, также таврического, пятьсот двадцать стадиев» (§ 30). В полном же перипле он указывает: «От Лампады до высокой горы Бараньего лба, мыса Таврической земли, 220 стадиев, 29 $\frac{1}{3}$ мили... От Бараньего лба до таврической же гавани Символа, называемой также гаванью Символов, 300 стадиев, 40 миль; здесь спокойная гавань» (§ 78, 81), Здесь от Лампады до гавани Символов также 520 стадиев. Следовательно, оба отрывка восходят к одному источнику. Но во втором случае между этими пунктами указан еще мыс Бараний лоб, который отсутствует в кратком описании. Это значит, что Арриан не счел нужным упоминать малозначительный в свете его задачи (описание пути для Адриана) мыс, сократил имеющийся источник, затем сложил расстояние от Лампады до Бараньего лба и от Бараньего лба до гавани Символов и получил указанные 520 стадиев.

Итак, мыс Бараний лоб. Он находился, как сообщает Арриан в 220 стадиях или 35 км от пос. Малый Маяк. Это расстояние приводит нас к мысу Ай-Тодор. Следовательно, именно он назван в перипле мысом Бараний лоб. Казалось бы, этот вопрос ясен и решен окончательно, Однако все гораздо сложнее.

Мыс Бараний лоб, как следует из описаний древних авторов,— крайняя южная точка Крыма. Какой же это мыс? Этот вопрос долгое время вызывал споры среди современных исследователей¹. Одни ученые считали, что это мыс Сарыч, другие — Ай-Тодор, третьи — Аю-Даг. Три претендента на одно название. Между тем этот вопрос важен как в общем историко-географическом плане, так и для решения конкретных задач античной географии Причерноморья. Детальные расчеты и измерения расстояний показали, что мыс Аю-Даг никак не мог быть мысом Бараний лоб. Тогда остается выбирать между двумя пунктами: мысом Сарыч и мысом Ай-Тодор. Какой же из этих мысов античные мореплаватели называли Бараньим лбом? Кто же из исследователей прав?

Оказалось, что правы и те и другие исследователи. Всестороннее изучение сведений древних авторов показало, что они называли Бараньим лбом два разных мыса: Псевдо-Скилак, Страбон, Плиния — мыс Сарыч, а Арриан, Псевдо-Скимн, Птолемей — мыс Ай-Тодор. Казалось бы, налицо явное противоречие, и следует задать вопрос, чьи сведения достоверны, а чьи ошибочны. Но такой вопрос неправомерен. Действительно, под Бараньим лбом в источниках фигурируют два различных мыса: Сарыч и Ай-Тодор. Но этот факт не бросает тень на авторитет античных географов и имеет вполне убедительное объяснение. Дело в том, что оконечность Крымского полуострова не выклинивается в море каким-то одним мысом, а выдается в общем довольно плавной линией. Для тех, кто плывет из Херсонеса в Феодосию, особенно, приметен мыс Сарыч. А

¹ *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 39—42.

для плывущих из Феодосии на этом участке величественно вырисовывается мыс Ай-Тодор, тем более что внимание к нему усиливает соседняя гора Ай-Петри.

Таким образом, выясняется, что античные географы называли Бараньим лбом два различных мыса: одни — мыс Сарыч, другие — мыс Ай-Тодор. Первоначально это название относилось, видимо, к Сарычу. А затем некоторые мореплаватели, следуя со стороны Феодосии, принимали за Бараний лоб Ай-Тодор. В результате в разных источниках под одним названием стали фигурировать два различных мыса.

Название мыса Бараний лоб связано опять-таки с мифом о золотом руне. В приписываемом Плутарху сочинении «О названиях рек и гор и об их произведениях», например, читаем следующее объяснение: «Фрикс, лишившись в Эвксинском Понте своей сестры Геллы и этим, естественно, опечалившись, остановился на вершине одного холма. Когда же его заметили какие-то варвары и стали взбираться туда с оружием в руках, то златорунный баран, взглянув вперед и увидев приближающуюся толпу, человеческим голосом разбудил спавшего Фрикса и, взяв его на свою спину, привез к колхам. По этому-то случаю холм и назван был Бараньим лбом» (XIV, 4).

Далее в перипле указана гавань Символов, находившаяся на месте современной Балаклавы. Эта исключительно удобная бухта была настоящим притоном таврских пиратов. О негостеприимстве таврских племен рассказывал еще Геродот: «Из них тавры имеют следующие обычаи. Они приносят в жертву Деве и потерпевших кораблекрушение, и тех эллинов, которых они захватят, выплыв в море, таким образом: совершив предварительные обряды, они ударяют их дубинкой по голове. Одни говорят, что тело они сбрасывают вниз со скалы (ведь святилище воздвигнуто на скале), а голову втыкают на кол; другие же соглашаются с тем, что голову втыкают на кол, однако говорят, что тело не сбрасывают со скалы, но предают земле. Сами же тавры говорят, что то божество, которому приносят жертвы,— это Ифигения, дочь Агамемнона» (IV, 103).

Сведения о процветании пиратства у тавров приводят и другие античные географы. Эти морские разбои, ставшие обычаем и доходным промыслом, покрыли таврическое побережье столь печальной славой. Понтийское пиратство временами принимало, как уже говорилось, невиданные размахи, парализовывало морскую торговлю и плавания настолько, что боспорскому царю Евмелу пришлось принимать активные действенные меры борьбы государственного масштаба.

Несколько слов об Ифигении. Согласно мифам, она должна была быть принесена в жертву. Но Артемида в самый последний момент заменила ее ланью, перенесла в Тавриду и сделала жрицей в своем храме. Эти мифы, как известно, вдохновили знаменитого трагика Еврипида на создание известного произведения «Ифигения в Тавриде». В нем героиня так, например, рассказывает о себе: «Но Артемида похитила меня у ахейцев, дав вместо меня лань, и, перенесши по светлому эфиру, поселила меня в этой земле тавров, где царствует над варварами варвар Фоант, который, передвигая быстрые ноги, подобно крыльям, получил такое имя за быстроту ног. Он поставил меня жрицею в этом храме, где такими обычаями услаждается богиня Артемида на празднике, одно имя которого прекрасно, а об остальном умалчиваю, боясь богини. По обычаю, и прежде существовавшему в этой стране, я приношу в жертву всякого эллина, который прибывает в эту землю. Я освящаю жертву, а таинственным убиением ее внутри этих чертогов богини занимаются другие» (ст. 28—41).

После упоминания о гавани Символов Арриан в кратком перипле сообщает: «Отсюда 180 стадиев до Херсонеса Таврической земли» (§ 30). А в полном перипле это сообщение дополняют некоторые подробности: «От гавани Символа до города Херронеса или Херсонеса в Таврической земле, колонизованного понтийскими гераклеотами, 180 стадиев, 24 мили; здесь пристань и хорошие гавани» (§ 81). Эти мелкие детали опять-таки наглядно подтверждают вывод о том, что Арриан сокращал свой источник. Этот, казалось бы, частный факт вместе с другими аналогичными наблюдениями имеет принципиально важное значение.

Итак, наш мореплаватель прибыл в Херсонес Таврический, один из крупнейших городов Северного Причерноморья, основанного, как уже говорилось, переселенцами из Гераклеи Понтийской. Само слово «Херсонес» буквально означает «полуостров». Это название полностью соответствует географическому положению города. Он расположен в чрезвычайно удобном месте — на обширном мысу, образованном берегом моря и Карантинной бухтой теперешнего Севастополя, исключительно прекрасной гаванью. Этот мыс находится в северной части полуострова, который был назван Гераклейским. Удобные заливы, глубоко вдающиеся в сушу бухты создавали благоприятные условия для мореплавания и, конечно, привлекали древнегреческих переселенцев.

Интересные сведения об этом районе приводит Страбон, ведущий свое описание со стороны Каркинитского, или Тамиракского, залива: «Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом и находящийся в 4400 стадиях от устья Тиры. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии 100 стадиев, мыс, называемый Парфением (т. е. Девичьим). В святилище есть храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в 40 стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название — Херсонес» (VII, 4, 2).

Удобный во всех отношениях мыс у современной Карантинной бухты привлек внимание греков, видимо, еще в VI в. до н. э., когда здесь появилось небольшое поселение. Затем, как уже говорилось, в 422—421 гг. до н. э. выходцы из Гераклеи основали здесь Херсонес. Исключительно выгодное местоположение города, особенно в связи с краткими морскими путями, привело к его быстрому экономическому развитию. В IV в. до н. э. Херсонес присоединил к своим владениям обширные плодородные равнины северо-западной части Крыма, где были расположены Керкинитида, Калос-Лимен (Прекрасная гавань), и стал одним из крупнейших производителей и экспортеров хлеба. О важном значении этих районов, о внутренней и внешнеполитической жизни, о духе того времени ярко свидетельствует знаменитая «херсонесская присяга», относящаяся к началу III в. до н. э.:

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев.

Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предаю Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа.

Я не буду ниспровергать демократического строя, и не дозволю этого предающему и ниспровергающему, и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц.

Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкипиту, или Прекрасную гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев.

Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан.

Я буду охранять для народа „састер" и не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству.

Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам.

Я не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан не отпавших; и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам.

Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если я вступил с кем-нибудь в заговор или связан какой-либо клятвой или заклятием, то мне, нарушившему это, и тому, что мне принадлежит, да будет лучшее, а соблюдающему — противоположное.

Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц.

Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес.

Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские! Пребывающему во всем этом да будет благо мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, не пребывающему же да будет злое и мне самому и потомству и тому, что мне принадлежит, и пусть ни земля, ни море не приносят мне плода, пусть женщины не разрешатся от бремени благополучно...» (перевод С. А. Жебелева). Эта торжественная присяга, вырезанная на мраморной плите, была принята, надо полагать, в связи с какими-то важными военно-политическими событиями в Херсонесском государстве.

Вернемся однако к Арриану. В кратком перипле он после упоминания о Херсонесе продолжает описание далее к западу, а в полном приводит некоторые итоговые цифры: «Береговая линия Таврического Херсонеса, от гавани Афинеона до Прекрасной гавани, в объезде составляет 2600 стадиев, 346 $\frac{2}{3}$ мили, а от деревни Порт-митиды, лежащей на крайнем пункте Европы при входе в Меотийское озеро, или в Танаис, до Херсона 2260 стадиев, 301 $\frac{1}{3}$ мили; от Боспора или Пантикапея до города Херсона 2200 стадиев, 293 $\frac{1}{3}$ мили» (§ 82). Исследователи обычно полагают, что эти сведения взяты из какого-то другого перипла. Но эти цифры представляют собой не что иное, как сумму промежуточных расстояний, указанных в кратком перипле Арриана. Византийский автор VI в. н. э. не стал бы заниматься такими подсчетами расстояний между давно несуществующими пунктами. Остается одно объяснение: все эти сведения имелись в источнике Арриана, но он и здесь сократил свое описание.

После упоминания Херсонеса в кратком перипле сообщается: «От Херсонеса до Керкинитиды 600 стадиев, а от Керкинитиды до Прекрасной гавани, также скифской, еще 700» (§ 30). Эти же сведения практически повторяются в полном перипле: «От Херсона до так называемой Коронитиды, или Керкинитиды, 600 стадиев, 80 миль; от Коронитиды, или Керкинитиды, до скифской гавани Прекрасной в Херсонесской земле 700 стадиев, 93 $\frac{1}{3}$ мили» (§ 83). Здесь только добавлено, что Прекрасная гавань находится в Херсонесской земле. Следовательно, и тут ощущается сокращение Аррианом своего источника.

Вкратце охарактеризуем эти пункты. Керкинитида — наиболее ранний древнегреческий город Северо-Западного Крыма. Она была основана, видимо, ближе к концу VI в. до н. э. на месте современной Евпатории, на Карантинном мысу. В IV в. до н. э. город вошел в состав Херсонесского государства. Дальнейшая его судьба была тесно связана с историей Херсонеса и отношениями со скифами.

Прекрасная гавань находилась на Тарханкутском полуострове на месте современного пос. Черноморское в глубине удобной бухты. Об исключительных преимуществах ее местоположения говорит само название. Город возник в IV в. до н. э. в результате освоения этой тер-

Рис. 6. Прямой и каботажный путь через Каркинитский залив

ритории Херсонесом. Его судьба в основном повторяет историю Керкинитиды.

Выходя за пределы Херсонесского государства, ознакомимся в этой главе также с описанием побережья от Каркинитского залива до устья Борисфена.

В кратком перипле Арриан описал этот район очень сжато: «От Прекрасной гавани до Тамираки 300 стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще 300 до устья озера; от устья озера до Эионов 380 стадиев. Отсюда до реки Борисфена — 150» (§ 31).

В полном же перипле он дает гораздо более подробное описание. Сначала автор считает необходимым сообщить, что «от Прекрасной гавани до реки Истра, или Данубия, опять обитают скифы» (§ 83). И далее продолжает: «За Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинитским и простирающийся до Тамираки; он имеет в длину 2250 стадиев, 300 миль; если же не объезжать его вдоль берегов, но прямым путем переплыть устье, то всего 300 стадиев, 40 миль. Внутри Тамираки есть небольшое озеро.

От мыса Тамираки тянется Ахиллов бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев, или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плефра (плефр—29,6 м.— *М. А.*); концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев; 8 миль. По середине ее истмовидный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком (или твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев, 5 $\frac{1}{3}$ мили. Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова бега, называемой Священной рощей Гекаты, получаются упомянутые 1200 стадиев, или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев, 26 $\frac{2}{3}$ мили» (§ 83-84).

Сравнивая эти описания, следует подчеркнуть, что Арриан в кратком перипле и здесь сократил свой источник, в частности опустил сведения об Ахилловом беге, длинной песчаной косе (соврем. Тендра и Джарылгач), а указывает только ее оконечности, называя их Эйонами. Кроме того, он называет Каркинитский залив, хотя указывает расстояние от Тамираки до его устья (300 стадиев) и оттуда до восточной оконечности Ахиллова бега (380 стадиев), при этом ошибочно именует залив озером, а верховья залива — устьем озера (рис. 6).

В рассматриваемых описаниях фигурируют два разных маршрута плавания. В кратком перипле Арриана судно заходит в сам Каркинитский залив, а в полном — идет напрямик от Тамираки (соврем. Бакальская коса) к восточной оконечности Ахиллова бега (соврем. Джарылгач) и проходит 300 стадиев. Кроме того, источники по-разному определяют расстояние от западной оконечности Ахиллова бега до устья Борисфена: в

первом случае указано 150 стадиев, а во втором — 200 стадиев. Все это свидетельствует о том, что здесь использованы сведения из двух разных географических сочинений.

Рассмотрим теперь еще один интересный вопрос, связанный с изучением полного перипла Арриана. Несколькими параграфами далее автор отмечает, что «от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль» (§ 89). А сумма приведенных им промежуточных расстояний дает лишь 3810 стадиев. Недостаёт, как мы видим, 300 стадиев. Эти «утерянные» стадии приходится на участок побережья от Херсонеса до Борисфена. По сумме слагаемых (7004-600 + 300+1200 + 200) здесь получается 3000 стадиев. А в конце перипла расстояние от Херсонеса до Борисфена определено в 3300 стадиев. Таким образом, при описании этого побережья «исчезли» 300 стадиев. Чем же объяснить этот факт? Где его разгадка?

Всесторонний анализ показал, что этот текст дошел до нас не полностью. В нем имеется лакуна — пропуск текста. Этот вывод в общем уже высказывался мною в одной из статей². Теперь же детальное рассмотрение указанных, сведений на широком фоне позволяет уточнить, где именно пропущен текст. Этот пропуск приходится на участок от Прекрасной гавани до мыса Тамирака. Арриан в кратком перипле определяет расстояние между ними в 300 стадиев. А в полной редакции этого сообщения нет. Здесь сообщается, что «за Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинитским и простирающийся до Тамираки», и далее указывается длина его побережья и прямой путь к Ахиллову бегу. Тут также чувствуется сокращение более подробного источника, в результате чего искажено описание побережья, «сдвинут» Каркинитский залив и «утеряно» 300 стадиев. Этим же подробным источником пользовался, надо полагать, и Страбон, который также сократил его и округлил некоторые цифры: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова бега, месту, лишенному растительности, но называемому роцей и посвященной Ахиллу. Затем — Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров; это — узкая коса, длиною около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — два стадия, а наименьшая — четыре плефра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на 60 стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее перешеек, имеющий около 40 стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к материку. За мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафрими. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу» (VII, 3, 19).

Я не случайно привожу эти довольно обширные описания. Дело в том, что и Арриан и Страбон, составляя эти разделы, пользовались несколькими различными источниками и при этом допустили некоторые неувязки и искажения. Одни их предшественники описывали это побережье с востока на запад, другие — в обратном направлении. Поэтому в скомпилированных отрывках Арриана и Страбона местоположение Каркинитского залива по отношению к мысу Тамирака определено очень расплывчато и неясно, если не сказать — противоречиво или неверно. Не зная этой местности, может создаться впечатление, что мыс Тамирака и восточная оконечность Ахиллова бега — один и тот же мыс.

Видимо, по этой же причине и у Арриана и у Страбона ошибочно отождествлены западная оконечность Ахиллова бега и мыс, называемый роцей Гекаты. Отсюда и противоречия у Страбона относительно того, что песчаное, лишенное растительности место названо роцей. Птолемей, например, совершенно ясно указывает, что это два разных мыса: «Роща Гекаты, мыс» и «западный мыс Ахиллова бега, который называется

² Агбунов М. В. Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1984. № 4. С. 139.

Священный мыс» (III, 5, 2). Роща Гекаты находилась на современном Кинбурнском полуострове, о чем пойдет речь чуть дальше.

А сейчас вкратце ознакомимся с Ахилловым бегом. Эта длинная песчаная отмель образована вдольбереговыми наносами, а также в результате затопления морем низменных участков коренного берега. Ее название мифы связывали с именем Ахилла — владыки Понта Эвксинского. Вот, например, что пишет об этом Евстафий: «Этот бег пробежал эллинский герой Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы» (§ 306). Другие авторы рассказывают, что Ахилл пробежал эту косу, тренируясь в беге. Так или иначе, Ахиллов бег был широко известен в античном мире и пользовался большой популярностью, особенно в среде мореплавателей.

У западной оконечности этой косы существовало посвященное Ахиллу святилище. Оно было обнаружено случайно в 1824 г. во время строительства Тендровского маяка. Группа матросов под командованием капитана Критского раскопала там небольшой зольный холм, так называемый эсхар. В нем было найдено много античной керамики, обломки мраморных рельефов, посвятельные надписи на мраморных плитах и более 800 монет различных античных городов, боспорских и фракийских царей, римских императоров³. Это — то самое святилище, о котором вскользь упомянул в процитированном выше отрывке Страбон. Здесь мореплаватели приносили Ахиллу богатые пожертвования в благодарность за счастливое и благополучное плавание.

Севернее Тендровской косы раскинулся современный Кинбурнский полуостров. Эта обширная пустынная местность носит название Нижнеднепровских песков. Но в античное время здесь росли густые леса. Здесь была знаменитая Гилея, т. е. Полесье, тянувшаяся на много десятков километров, вся полная, как указывает Геродот (IV, 76), «разнообразнейшими деревьями». Именно в Гилее на берегу моря находилась уже упомянутая роща Гекаты. Об обширности, огромной значимости и широкой известности Гилей говорит хотя бы тот факт, что омывающая ее часть моря называлась, как свидетельствует Плиний (IV, 83), Гилейским морем. Леса Гилей продолжали существовать, хотя и в более скромных размерах, еще в XVIII в. Вот, например, что пишет об этом П. О. Бурачков: «Поселившись на Кинбурнском полуострове в 1760 году, прадед застал всю левую сторону лимана от крепости Кинбурна до Алешек покрытую густым, хотя и не сплошным лесом, состоящим из дуба, березы, ольхи, береста и осины, и звери, как, например, дикие козы, свиньи и даже олени, находили в них убежище»⁴.

Этот район славился не только своими лесными богатствами. Здесь были сосредоточены запасы металлосодержащих песков — выносов Днепра из рудных районов. Именно из таких гематито-магнетитовых песков, как уже говорилось при описании Южного Причерноморья, выплавлялись лучшие сорта железа. И древнегреческие ремесленники, конечно, использовали это сырье. Так, на берегу современного Ягорлыцкого залива существовало довольно крупное ремесленно-производственное поселение⁵. Было развито железоделательное, стеклоделательное и другие ремесла. Надо сказать, что кинбурнские пески содержат также минералы, необходимые для производства стекла.

Рассматриваемый район представлял собой в прошлом дельту Пра-Днепра. Со временем она переместилась в широтном направлении и заняла свое современное положение. А на месте старой дельты оставалось несколько постепенно отмирающих рукавов. Один из таких рукавов

³ *Эвграф А. Н.* Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 1941. Т. 7. С. 153 и след.

⁴ *Бурачков П.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 3.

⁵ *Острроверхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // БДИ. 1979, № 3. С. 115 и след.

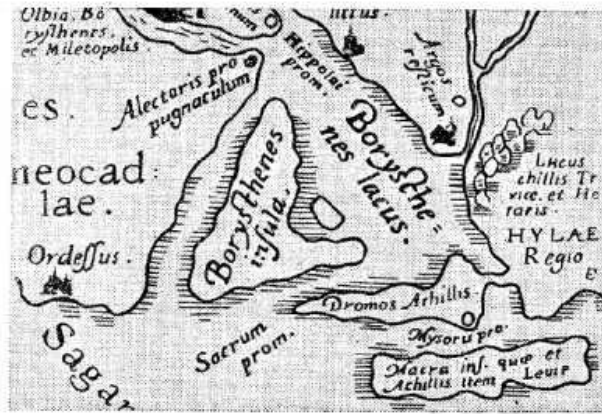

Рис. 7. Остров Борисфен на карте А. Ортелия 1590 г.

существовал и в античное время. Он отделял западную часть Кинбурнского полуострова и образовывал обширный остров, который назывался Борисфеном или Борисфенидой⁶ (рис. 7).

На этом мы и закончим ознакомление с рассматриваемым районом и перейдем к Северо-Западному Причерноморью,

От Борисфена к Истру

Северо-Западное Причерноморье — один из наиболее интересных в историко-географическом плане районов черноморского побережья. При изучении античной географии этого района возникает много интересных вопросов. Большая часть этих проблем подробно рассмотрена мной в книге «Загадки Понта Эвксинского». Поэтому в настоящей главе мы вкратце ознакомимся с этим регионом, в основном следуя только данным периплов, без детальной аргументации и широкого привлечения других данных.

Назвав реку Борисфен, Арриан в кратком перипле сообщает: «Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город по имени Ольвия» (§ 31). Видимо, он не располагал подробными сведениями о городе.

Надо полагать, именно поэтому в полном перипле Арриан привлек данные Псевдо-Скимна: «Эта река Борисфен полезнее всех других; она изобилует большими рыбами и производит много хлебных растений и пастбища для скота. Ее течение, как говорят, судоходно на сорок дней плавания, а в верхнем течении она не судоходна и не доступна, ибо плавание невозможно вследствие снегов и льдов.

При слиянии двух рек, Гипаниса и Борисфена, существует город, прежде называвшийся Ольвией, а потом снова названный у эллинов Борисфеном; его основали милетяне во время мидийского владычества; от моря до него 240 стадиев плавания вверх по реке Борисфену (ныне называемой Данаприем; это расстояние составляет 32 мили)» (§ 85-86).

Ольвия — один из крупнейших античных городов Причерноморья — находилась, как известно, на правом берегу Бугского лимана на месте современного с. Парутино. Его многовековая история насыщена важными и крайне интересными военно-политическими событиями, связанными в основном со скифскими, сарматскими и гето-фракийскими племенами.

Упомянув Ольвию, Арриан в кратком перипле возвращается к описанию морского побережья и отмечает: «От Борисфена 60 стадиев до небольшого необитаемого и безымянного острова» (§ 31). Эти сведения он повторяет и в полной редакции (§ 87). Устьем Борисфена античные географы считали устье современного Днепро-Бугского

⁶ Подробно см.: Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 113.

лимана. Примерно на таком расстоянии (около 10 км) от устья к западу находится остров Березань, на котором было расположено наиболее раннее в Северном Причерноморье древнегреческое поселение. Ранее исследователи без каких-либо сомнений считали, что именно этот остров упомянут в периплах. Но затем выяснилось, что в античное время, когда уровень моря был ниже современного, Березань была не островом, а полуостровом. В античное время, как уже говорилось, уровень Черного моря был ниже современного не менее чем на 5 м. И Березанский полуостров выдавался далеко в море в виде длинного мыса, который оканчивался скалистым останцом. С повышением уровня моря средняя часть мыса была разрушена и затоплена. Каменистый останец оторвался от материка и превратился в остров. Под водой оказались также гавань и прибрежная часть поселения.

Изучение топографии и подводные разведки показывают, что гавань находилась в северо-восточной части современного острова.

Можно предполагать, что в период расцвета Березанское поселение, как и другие античные центры, имел оборонительные сооружения. Видимо, в северо-западной части поселения была воздвигнута оборонительная стена, которая замыкала оконечность мыса. Позднее это сооружение было разрушено морем и оказалось под водой в виде развала камней. Для поисков затопленных объектов Березанского поселения требуются целенаправленные подводные исследования. В последние годы такие работы здесь начаты В. В. Назаровым. Будем надеяться, что они скоро принесут конкретные результаты.

Возникает вопрос, о каком же острове тогда говорит Арриан. Имеющиеся данные показывают, что недалеко от Березанского полуострова в древности существовал небольшой скалистый островок, остатки которого были видны еще несколько десятилетий назад. Таким образом, за прошедшие столетия море полностью разрушило упоминаемый в перипле островок, а соседний полуостров превратило в остров.

Следующая строка краткого перипла гласит: «А отсюда восемьдесят стадиев до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей» (§ 31). А в полном перипле Арриан повторяет это указание, но не сообщает о гавани. Указанное расстояние, равное примерно 13 км, приводит нас к левому берегу устья Тилигульского лимана. Но на коренном берегу здесь нет никаких следов городища, которое можно было бы отождествить с Одессом. Поэтому вопрос о локализации города долгое время вызывал оживленные споры и дискуссии. Для читателей здесь необходимо сделать следующее пояснение. На Понте Эвксинском существовало два античных города, носивших название Одесс. Об одном из них сейчас и идет речь. Второй Одесс находился на месте современного болгарского города Варна. Палеогеографическая реконструкция показала, что в античное время берег моря проходил здесь примерно в 500 м южнее, т. е. мористее. За прошедшие века абразия разрушила эту полосу берега. Возникло предположение, что вместе с ней под водой оказались и развалины города Одесса. Приведенные автором настоящей книги в 1981 г. подводные исследования позволили выявить следы существовавшего здесь античного поселения, которое полностью уничтожено морем. Можно предполагать, что эти находки относятся к древнему Одессу. Для окончательного решения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования.

Далее Арриан в кратком перипле сообщает: «За Одессом находится гаваль иетриан, до нее 250 стадиев» (§ 31). А в полном перипле он упоминает между ними еще один пункт — Скопелы: «От Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, $21\frac{4}{3}$ мили; от Скопелов до гавани иетриан 90 стадиев, 12 миль» (§ 87). Общее расстояние здесь также равно 250 стадиям. Это свидетельствует о том, что в обоих случаях использован общий источник. В первом случае Арриан сократил его и не счел нужным упоминать Скопелы.

Несколько слов об этих пунктах. Скопелы находились у левого берега устья Дофиновского лимана на месте одноименного села. Этот пункт не исследован, и его конкретная история нам практически неизвестна.

Гавань истриан отождествляется с поселением, которое существовало в IV—III вв. до н. э. на месте современной Одессы (район Лузановки) у восточной оконечности

Одесской бухты. Судя по названию, эта гавань принадлежала местному племени истриан. Но некоторые исследователи связывают ее название с городом Истрия.

После гавани истриан в периплах указана гавань исиаков. Но расстояние между ними дано разное: в кратком перипле — 50 стадиев, а в полном — 90 стадиев. Это расхождение также вызывало много споров и существенно затрудняло локализацию этих пунктов. Но противоречие это кажущееся. Дело в том, что здесь отражены два разных маршрута плавания: 1) напрямик через Одесскую бухту и 2) вдоль берега. Поэтому в первом случае расстояние равно 50 стадиям, а во втором — 90 стадиям. Обвинения в адрес Арриана оказались напрасными.

Гавань исиаков отождествляется с поселением IV— III вв. до н. э. на Приморском бульваре современной Одессы. Как видно из ее названия, гавань принадлежала местному племени исиаков. Это подкрепляет мнение о том, что и предыдущая гавань иетриан была основана местным племенем иетриан, а не жителями Истрии.

Здесь следует подчеркнуть еще один важный источниковедческий вопрос. Обе эти гавани существовали в IV—III вв. до н. э. Следовательно, этим временем датируются и сведения периплов.

После упоминания гавани иетриан Арриан в кратком перипле пишет: «Отсюда до так называемого Голого устья Истра 1200 стадиев; местности, лежащие между ними, пустыни и безыменны» (§ 31). А в полной редакции он описывает этот участок побережья гораздо подробнее.

В следующей строке полного перипла читаем: «От гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили» (§ 87).

Город Никоний расположен на левом берегу Днестровского лимана у северной окраины современного с. Роксоланы. Здесь на протяжении многих лет велись археологические исследования, и история города в общих чертах ясна. Обратимся к следующим интересным вопросам. Псевдо-Скилак, Страбон, Птолемей и другие географы называют Никоний городом. А Арриан именует его просто местечком. Это говорит о том, что ко времени его источника Никоний захирел и стал незначительным населенным пунктом. По археологическим данным такое положение дел датируется III в. до н. э. Следовательно, к этому времени и относятся рассматриваемые сведения.

Чрезвычайно интересен и другой вопрос. Арриан сообщает, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев», т. е. около 5 км. Но развалины города расположены непосредственно на берегу Днестровского лимана, а прибрежная часть разрушена и находится под водой. Как же тогда понимать это указание источника?

Пытаясь ответить на этот вопрос, ученые долгое время вели оживленную дискуссию. Одни исследователи считали, что здесь имеется в виду расстояние от Никония до устья Тиры, причем часть из них подразумевала устье Днестра, а иные — устье Днестровского лимана, который, как известно, образован при впадении реки в море. Другие ученые считали, что текст испорчен: вместо «реки Тиры» следует читать «город Тиры». Однако эти объяснения неприемлемы. Расстояние от Никония до города Тиры и до устья Днестровского лимана (не говоря уже об устье реки) вдвое больше указанного в перипле.

Ключ к разгадке дала палеогеография. Оказалось, что в античное время при более низком уровне моря Днестровского лимана вообще не существовало. На его месте была дельта реки из двух рукавов и обширный дельтовый остров между ними. Именно об этом острове сообщает Плиний: «На этой же реке обширный остров населяют тирагеты» (IV, 82). Никоний находился на коренном берегу левого (восточного) рукава: реки (рис. 8).

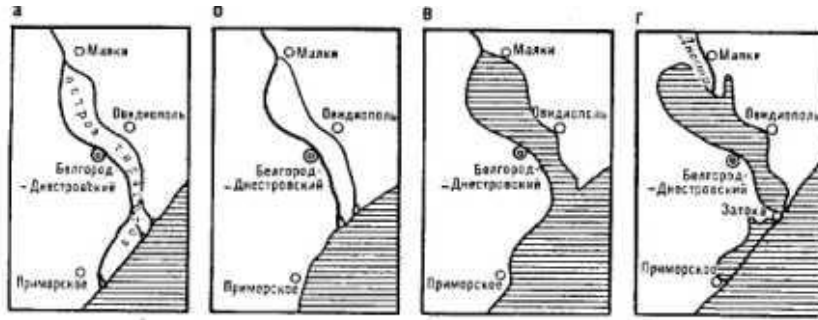

Рис. 8. Нижнее Поднепровье

а — в древнегреческий период; *б* — в эллинистический и римский периоды; *в* — в средние века; *г* — в настоящее время

В этой связи обратило на себя внимание то обстоятельство, что в полном перипле говорится о *судоходной* реке Тире. Что хотел Арриан этим сказать? И здесь помогла палеогеография. Комплексное изучение всех имеющихся данных привело к выводу, что левый рукав Тираса, на котором находился Никоний ко времени источника, т. е. к III в. до н. э., обмелел и стал несудоходным. Поэтому Арриан и сообщает, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев», т. е. он определяет расстояние от Никония до правого рукава, *судоходного*.

Потеря судоходности тяжело сказалась на экономике Никония. Торговые связи его резко сократились, что ускорило его кризис и захирение. Это, разумеется, лишь одна из основных причин, которая ни в коей мере не снимает значение других факторов в исторической судьбе города.

Еще один очень интересный и важный вопрос связан с устьем Тираса, точнее с перемещением основного устья реки. Как показало комплексное изучение имеющихся источников, река впадала в море несколькими устьями. В ранний период основное устье находилось у современного с. Приморское. Видимо, в конце IV — начале III в. до н. э. оно переместилось примерно на 20 км к востоку, в район современного с. Заток. Это перемещение основного устья стало причиной того, что в географических описаниях античных авторов возникли многие противоречия, неясности и расхождения в расстояниях. Но выявленные противоречия — кажущиеся. Они объясняются не ошибками древних географов, а происшедшими палео-географическими изменениями.

Затем в результате повышения уровня моря низовья реки подтапливались все выше и выше. Постепенно дельтовый остров скрылся под водой и на его месте заплескались волны Днестровского лимана. Такие столь значительные изменения в географическом облике Нижнего Поднепровья чрезвычайно затруднили правильное понимание сведений древних авторов об этом районе и локализацию существовавших здесь античных городов и поселений.

Вернемся, однако, к периплу. Видимо, не располагая достаточно подробными сведениями о Днестре, Арриан вновь обратился к данным Псевдо-Скимна: «Эта река Тира, будучи глубока и представляя хорошие пастбища для скота, доставляет торговцам много рыбы на продажу и безопасна для плавания грузовых судов. На ней лежит соименный ей город Тира, колония милетян» (§ 88).

Город Тира находился, как известно, на месте современного Белгород-Днестровского, там, где позднее была построена средневековая крепость. Он был наиболее крупным античным центром рассматриваемого региона и во многом определял его социально-экономическую и военно-политическую жизнь.

В следующем параграфе Арриан приводит некоторые итоговые цифры: «Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадиев, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль; а географ Артемидор от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4420 стадиев, или 589 $\frac{1}{3}$ мили» (§ 89).

Следует отметить, что приведенное расстояние от Борисфена до Тиреы намного завышено по сравнению с действительным. Эта цифра получена путем простого сложения промежуточных расстояний по пройденному маршруту: устье Борисфена—безымянный остров—Одесс — Скопелы—гавань истриан—гавань исиаков—Никоний—судоходная река Тира. Но ведь Никоний находился уже дальше устья, выше по реке. И 30 стадиев от Нико-ния до «судоходной реки Тиреы» также не следует включать сюда. Следовательно, для того чтобы определить расстояние от устья Борисфена до устья Тиреы по данным полного перипла, из указанных 810 стадиев следует вычесть отрезок пути от устья левого рукава до Никония (около 60 стадиев) и от Никония до «судоходной реки Тиреы», т. е. до правого рукава (30 стадиев). Отсюда получим, что расстояние от устья Борисфена до устья Тиреы равно 720 стадиям.

Рассмотрим теперь вопрос о расстоянии от Херсонеса до реки Тиреы. Прямой путь (мимо устья Каркинитского залива) равен, по данным полного перипла, 4110 стадиям. Артемидор с объездом Каркинитского залива указывает 4420 стадиев. Близкую цифру, 4400 стадиев, приводит, как уже говорилось, Страбон (VII, 4, 2).

Сопоставление некоторых цифр краткого и полного периплов дает любопытные результаты. Как уже говорилось при описании этого побережья использованы два различных источника. В одном из них описан прямой маршрут, в другом — с заходом в Каркинитский залив. Кроме того, они расходятся в определении расстояния от Ахиллова бега до устья Борисфена и от гавани истриан до гавани исиаков. Попытаемся вычислить общее расстояние от Херсонеса до Тиреы по данным краткого перипла Арриана. В его описании отсутствует, как уже говорилось, длина Ахиллова бега — 1200 стадиев. И кроме того, нет сведений о расстоянии от гавани исиаков до «судоходной реки Тиреы». Но эта часть описания, известная нам из полного перипла, была сокращена Аррианом. Поэтому за основу расчетов можно взять приведенную в полном перипле итоговую цифру — 4110 стадиев.

Итак, по одному из источников прямой путь от Херсонеса до Тиреы равен 4110 стадиев. С объездом Каркинитского залива он будет на 380 стадиев длиннее. Получим 4490 стадиев. Это уже путь другого мореплавателя. По его же данным, от Ахиллова бега до устья Борисфена не 200 стадиев, а 150, а от гавани истриан до гавани исиаков не 90, а 50 стадиев. Следовательно, из общей цифры необходимо вычесть 50 стадиев и еще 40 стадиев. В результате получим 4400 стадиев. Именно такую цифру приводит и Страбон. Следовательно, и Арриан и Страбон пользовались одним и тем же источником. А в полном перипле этот источник скомбинирован с другими данными. В результате указан не каботажный, а прямой путь через Каркинитский залив и, наоборот, каботажный путь от гавани истриан до гавани исиаков. Эти наблюдения имеют принципиальное значение для более полного понимания структуры перипла Арриана.

Далее в полном перипле читаем: «От реки Тиреы до Неоптолемовых 120 стадиев, 16 миль» (§ 89). Этот пункт указывает также Страбон. Он называет его башней Неоптолема и помещает «при устье Тиреы» (VII, 3, 16). Как мы видим, античные географы дают разную локализацию. Страбон отмечает башню Неоптолема непосредственно при устье реки, а Арриан — в 120 стадиях (19 км) западнее.

Казалось бы, налицо явное противоречие источников. Это расхождение на протяжении многих десятков лет вызывало оживленные споры и дискуссии и создавало огромные трудности при поисках башни Неоптолема. Но отмеченное противоречие — кажущееся. Разгадать его помогла опять-таки палеогеография. Причина оказалась не в ошибке одного из античных географов, как обычно считали исследователи, а в перемещении основного устья Тиреы. Дело в том, что сведения Страбона относятся к более раннему периоду, когда основное устье находилось в районе с. Приморское. И он соответственно указал башню Неоптолема «при устье Тиреы». А источник Арриана описывает более позднюю ситуацию, когда основное устье реки переместилось примерно на -20 км к востоку, и поэтому рассматриваемый пункт оказался в 120 стадиях западнее

устья. В действительности же оба географа помещают башню Неоптолема в одном и том же месте — в районе с. Приморское.

Башня Неоптолема находилась на высоком обрывистом мысу у входа в основное устье Тираса. Она служила маяком, указывающим вход в довольно сложный фарватер реки, и была названа в честь Неоптолема сына Ахилла. Этот маяк имел огромное значение для мореплавания в этом районе Понта и, конечно, был хорошо известен морякам.

Отыскать развалины этого пункта, к сожалению, не удалось. Дело в том, что море в этом районе интенсивно наступает на сушу. И за прошедшие столетия берег отступил здесь не менее чем на 500 м. И развалины античного маяка, видимо, давно уже обрушились в море. Проведенные мной подводные исследования подтверждают это предположение. На глубине нескольких метров здесь были найдены обломки амфор и другой посуды, мелкие камни. Будем надеяться, что дальнейшие поиски дадут новые результаты.

Продолжая свое описание побережья, Арриан сообщает далее: «От Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тирис до Кремнисков 480 стадиев, 64 мили» (§ 89). Как мы видим, автор перипла приводит также иное расстояние, взятое у Артемидора, но предпочитает сведения своего источника. Всесторонний анализ имеющихся по этому району данных показал, что сведения Артемидора действительно неточны. Такая существенная ошибка объясняется, видимо, компиляцией двух разновременных источников, в которых указывалось расстояние от города Тирис до раннего устья реки (240 стадиев) и от позднего устья до города Кремниски (240 стадиев)⁷.

Итак, город Кремниски находился в 120 стадиях (19 км) западнее башни Неоптолема. Это расстояние приводит к левому берегу оз. Бурнас в район с. Лебедевка. Но на коренном берегу здесь нет никаких остатков античного поселения, которое можно было бы отождествить с этим пунктом. И его локализация также долгое время была предметом оживленных споров и дискуссий.

Палеогеографическая реконструкция показала, что в античное время берег здесь проходил также в нескольких сот метрах южнее, т. е. мористее. За прошедшие столетия море уничтожило эту довольно широкую полосу степного плато. Полученная реконструкция натолкнула на мысль, что Кремниски давно разрушены. Проведенные подводные исследования подтверждают это предположение. Напротив Бурнасского мыса на дне моря на глубине 3—5 м выявлены следы разрушенного морем античного поселения. Аквалангистами найдены обломки амфор, лепной посуды, фрагмент мраморной плиты. Эти находки, надо полагать, связаны с городом Кремниски.

Следующие строки полного перипла гласят: «От Кремнисков до Антифиловых 330 стадиев, 44 мили. От Анти-филовых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль. Здесь живут фракийцы и бастар-ны-пршпельцы» (§ 89).

Судя по приведенным расстояниям, Антифиловы находились на берегу оз. Сасык, ближе к его верховьям. Но точное местоположение этого пункта неизвестно, и остатки его пока не найдены.

Сравним теперь рассмотренные сведения о Северо-Западном Причерноморье. В кратком перипле Арриан, как уже говорилось, после гавани исиаков указывает в 1200 стадиях Голое устье Истра и называет эти местности пустынными и безмянными. Такая характеристика, разумеется, не соответствует действительности: во времена Арриана здесь существовали Тира, Никоний, а также несколько небольших поселений. Это добавление сделано, видимо, в более позднее время, после Арриана.

Сообщение Арриана подразумевает прямой путь от гавани исиаков к Голому устью Истра. Но тут-то и выявляется интересное и чрезвычайно важное обстоятельство. Маршрут полного перипла от гавани исиаков до Голого устья Истра, не прямой, а с

⁷ Подробно см.: *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. 1981. № I. С. 139—140.

заходом в Никоний и Антифиловы (300 + 30+120 + 120 + 330 + 300), составляет именно те самые 1200 стадиев. Следовательно, Арриан в кратком перипле значительно сократил свой источник и просто сообщил общее расстояние. А в полном перипле этот источник приведен весь или только с незначительными сокращениями. Здесь мы видим классический пример сокращения Аррианом своего, как лишний раз можно убедиться, довольно подробного источника.

Все эти многочисленные сокращения Арриана, следы которых четко фиксируются в параллельных, более подробных описаниях полного перипла, заставляют другими глазами посмотреть на эти периплы и наталкивают на интересные источниковедческие вопросы.

Священный остров Ахилла

Указав Голое устье Истра, Арриан уделяет особое внимание описанию острова Левка (т. е. Белый, соврем. Змеиный). Этот небольшой, затерявшийся в открытом море остров был посвящен Ахиллу и пользовался исключительно широкой известностью и популярностью, особенно в среде мореплавателей. Поэтому Арриан при всей лаконичности изложения рассказывает о нем довольно подробно. Надо заметить, что в современной литературе Левке уделяется сравнительно мало внимания. В связи с этим хотелось бы обстоятельнее ознакомить читателя с интереснейшими сведениями античных географов об этом чудесном острове, рассказать о современных исследованиях.

Начнем, конечно, со сведений Арриана. После упоминания Голого устья Истра в кратком перипле он пишет; «Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют: островом Ахилла, а другие — Бегом Ахилла, а третьи — по цвету — Белым. Есть предание, что его подняла со дна моря Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы. Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз; их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений — чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что все, желающие угодить Ахиллу, вместе с ним почитают и Патрокла. Много птиц гнездится на острове — чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма» (§ 32),'

Как мы видим, здесь автор приводит и реальные и мифические сведения, рассказывает о различных легендах и просто выдумках: «Существуют различные рассказы: из числа посетителей острова некоторые, приезжающие сюда нарочно, привозят с собою на кораблях жертвенных животных и одних из них приносят в жертву, а других отпускают живыми в честь Ахилла; другие пристают будучи вынуждены бурей; эти у самого бога просят жертвенного животного, обращая к оракулу вопрос о животных, хорошо ли и выгодно ли принести в жертву то именно животное, которое они сами выбрали на пастбище, и при этом кладут достаточную, по их мнению, плату. Если ответ оракула (в храме есть оракул) будет отрицательный, они прибавляют плату; если и после этого последует отрицание, прибавляют еще, и, когда последует согласие, они узнают, что плата достаточна. Животное при этом само останавливается и уже не убегает. Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы» (§ 33).

Уделяется внимание и самому Ахиллу: «Ахилл, как рассказывают, является во сне одним, после того как причалят к острову, а другим еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву на мачте или на конце реи,

подобно Диоскурам; Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне. Эти рассказы об острове я записал, как слышал от лиц, которые или сами приставали к острову, или узнали от других; они не кажутся мне невероятными: я считаю Ахилла героем предпочтительно перед другими, основываясь на благородстве его происхождения, красоте, душевной силе, удалении из здешнего мира в молодых годах, прославляющей его поэзии Гомера и постоянстве в любви и дружбе, дошедшем до того, что он решил даже умереть после смерти своего любимца» (§ 34).

Помимо Арриана, остров Ахилла упоминают многие античные авторы. Остановимся лишь на наиболее интересных из них.

Впервые об этом острове говорит Арктин Милетский, эпический поэт VIII в. до н. э. В его поэме «Эфиопида» передаются сказания Троянского цикла, начиная от прибытия амазонки Пентесилеи на помощь троянцам и кончая смертью Ахилла. «И после этого, — сообщает автор, — Фетида, похитив из костра труп сына, переносит его на Белый остров» (Хрестоматия Прокла, кн. II).

Аристотель в своем сочинении «Пеплос» посвятил Ахиллу следующую эпитафию:

Над Ахиллом, чтимым на острове Белом,
Сына богини Фетиды, Пелееву отрасль, Ахилла,
Остров сей Понта святой в лоне своем бережет.

Псевдо-Скимн приводит конкретные географические сведения о местоположении острова. После описания лежащего между устьями Истра острова Певка он сообщает: «Прямо против него в море лежит остров Ахилла. На нем водится много речных птиц, а сам представляет величественное зрелище для приезжающих. С него нельзя видеть никакой земли, хотя берег отстоит от него только на 400 стадиев, как свидетельствует Деметрий» (§§ 791—796).

Интересные сведения об острове можно найти в «Описании Эллады» Павсания. Излагая рассказ об Елене, передаваемый кротонцами и подтверждаемый гимерийцами, он пишет: «Есть в Эвксинском Понте против устьев Истра посвященный Ахиллу остров, называемый Белым и имеющий в окружности 20 стадий; он весь покрыт густым лесом и наполнен дикими и ручными животными; на нем находится храм Ахилла с его статуей» (III, 19, 11). Далее автор приводит легенду о том, что впервые этот остров посетил кротонец Леоним. Во время войны между кротонцами и италийскими локрами Леоним был ранен в грудь. Страдая от раны, он прибыл в Дельфы. Пифия послала его для исцеления на Белый остров. Вернувшись исцеленным, воин рассказывал, что видел там Ахилла, Аянта Оилеева и Аянта Теламонова. С ними были также Патрокл и Антилох. Видел он и Елену, которая живет на острове вместе с Ахиллом.

Максим Тирский, известный римский софист и философ, передает нам легенду о том, что моряки якобы видели Ахилла: «Ахилл живет на острове, лежащем против Истра в Понтийском море; там есть храм и алтари Ахилла; добровольно туда никто не приближается, иначе как для жертвоприношения, и по совершении его возвращается на корабль. Моряки часто видели юного мужа с белокурыми волосами, прыгающего в доспехах; а доспехи, говорят они, золотые; другие же не видели, но слышали, как он распевал пэаны; третьи, наконец, и видали и слышали. Случалось также некоторым невольно засыпать на острове; такого Ахилл поднимет, ведет в палатку и угощает; при этом Патрокл разливал вино, сам Ахилл играл на кифаре, присутствовали также, говорят, и Фетида, и хор других божеств» (Речь XV, 7).

Много интересных легенд и реальных сведений об острове Ахилла рассказывает в своем сочинении «Рассказ о героях» Филострат-младший: «Рассказывают, что на острове живут белые птицы, влажные и пахнущие морской водой, и что Ахилл сделал их своими служительницами: веянием своих крыльев и брызгами капель с них они холят его рошу,

причем летают низко, лишь немного поднимаясь над землей. Людям, плавающим по широкому пространству моря, не запрещается вступать на этот остров (ведь он и лежит как гостеприимное убежище для кораблей), но строить на нем жилища запрещено всем мореплавателям и живущим по берегам Понта, эллинам и варварам. Приставшие сюда должны по совершении жертвоприношения по заходе солнца возвратиться на корабли, не ночуя на земле, и если подует попутный ветер, то отправляться в путь, а если нет, то, привязав корабль, спать внутри его, потому что в это время, говорят, Ахилл и Елена пируют и занимаются пением, именно воспевают свою взаимную любовь, гомеровские песни о Трое и самого Гомера».

Автор рассказывает также о том, как Ахилл помогал мореплавателям: «Если кто пристанет к северной или южной стороне острова и начнет подниматься ветер, неблагоприятный для стоянки, то Ахилл извещает об этом у кормы и приказывает укрыться от ветра, переменяв место стоянки. Многие из числа выезжающих из Понта являются ко мне с такими рассказами и, клянусь Зевсом, уверяют, что при виде этого острова они, носимые по беспредельному морю, обнимают друг друга и проливают радостные слезы, а пристав к острову и приветствовав землю, идут к храму, чтобы помолиться и принести жертву Ахиллу, причем жертвенное животное соответственно кораблю и его экипажу добровольно становится у алтаря».

Крайне интересен рассказ Филострата-младшего о нападении амазонок на остров: «Дело было так: раз как-то моряки и корабельщики, возившие товары из Понта в Геллеспонт, были занесены на довольно многих кораблях к левому берегу моря, где по рассказам живут те женщины; последние захватили их в плен и некоторое время кормили их связанными у яслей, чтобы потом перевезти за реку и продать людоедам-скифам. Но одной из амазонок жаль стало одного юношу, захваченного вместе с ними, за его красоту, а затем между ними возникла любовь; тогда амазонка упросила царицу, которая приходилась ей сестрой, не продавать чужестранцев. Таким образом, они были освобождены, вступили с амазонками в сношения и стали уже говорить на их языке; однажды, рассказывая им о буре и о морских приключениях, они упомянули о храме, так как незадолго перед этим приставали к острову, и описали его богатства. Амазонки, воспользовавшись той счастливой случайностью, что чужестранцы были моряки и кораблестроители, а в их собственной стране было много судостроительных материалов, приказывают им построить корабли для перевозки лошадей, чтобы на конях сделать нападение на Ахилла, так как амазонки, когда слезут с коней, оказываются слабыми и в полном смысле женщинами. Итак, сначала они взяли за весла и стали учиться плавать, а когда научились мореходному искусству, то весной, отправившись на пятидесяти — думаю — кораблях от устья Териодонта, отплыли к храму, до которого было около 2000 стадиев; пристав к острову, они прежде всего приказали геллеспонтским чужеземцам вырубать деревья, которыми был обсажен кругом храм; когда же топоры, отраженные на них самих, одним попадали на голову, другим на шею, и таким образом все пали под деревьями, тогда сами амазонки бросились на храм, крича и подгоняя коней.

Но Ахилл, страшно и грозно взглянув на них и прыгнув, как при Скамандре и Илионе, навел такой ужас на коней, что они, не повинаясь узде, поднялись на дыбы, сбросили с себя женщин, как чуждое и лишнее для себя бремя, и, рассвирепев, как дикие звери, бросились на лежащих амазонок и стали бить их копытами; гривы их поднялись дыбом, и уши наострились, как у свирепых львов; они стали грызть обнаженные руки лежащих женщин и, разрывая их груди, бросались на внутренности и пожирали их. Насытившись человеческим мясом, они стали бегать по острову и беситься, полные заразы, а потом, остановившись на береговых возвышенностях и увидев морскую поверхность, они приняли ее за равнину и бросились в море. Погибли также и корабли амазонок от налетевшего на них сильного ветра; так как они были пусты и были причалены без всякого порядка, то стали сталкиваться между собой и разбиваться, один корабль топил и разбивал другой, как будто в морском сражении; все боковые и носовые

удары, какие наносят кормчие во время битвы, сами собой происходили между пустыми кораблями, носившимися по морю в беспорядке».

Приведенное описание о нападении на остров Ахилла, облеченное в мифическую форму, имеет под собой, надо полагать, реальную основу. Ведь этот остров неоднократно подвергался нападениям пиратов. Сокровища храма, конечно, разжигали алчный огонь в глазах морских разбойников. Об одном из таких нападений свидетельствует найденная на острове надпись на мраморной плите (IRE, 325). Она посвящена неизвестному лицу, имя которого, к сожалению, не сохранилось, спасшему остров от разграбления. Остров находясь под покровительством Ольвии, которая и увековечила память об этом герое. Надпись гласит: «... захвативших остров для грабежа (?) эллинов перебил и бывших с ними изгнал с острова, и прибыв в город (Ольвию), оказал много важных услуг народу ольвиополитов, и за это народ его и при жизни почтил подарком, и после смерти похоронил за общественный счет. Итак, постановили народ ольвиополитов поставить ему статую, дабы деяния его оставались в памяти, и город сделал очевидным эллинам, что он и об острове имеет большое попечение (?), и по заповедям отцов, и служащих ему и живых почитает и умершим воздает достойную благодарность».

Как мы видим, приведенные сведения наглядно свидетельствуют об исключительно огромной роли острова Ахилла в жизни античного Причерноморья. Как же сложилась его дальнейшая история?

В средние века храм Ахилла был заброшен и забыт. Лишь в позднем средневековье, когда вновь пробудился интерес к античным древностям, сохранившиеся рукописи напомнили об острове Ахилла. Он был известен уже под новым названием — Фидониси, т. е. Змеиный остров.

В начале XIX в. особенно бурно началось изучение античных городов Северного Причерноморья. Ученые изучали труды древних авторов, старались отыскать развалины некогда процветавших здесь городов. Манил к себе исследователей и остров Ахилла.

В 1823 г. на острове побывал капитан Критский. В юго-западной части Змеиного на возвышенном месте перед его взором открылись развалины античного храма. Стоял еще мощный фундамент из крупных белых известняковых блоков, кое-где сохранились нижние части стен. Кругом валялись мраморные карнизы, капители, базы и барабаны каннелюрованных колонн. Критский составил план острова и нанес на него развалины храма. Этот план опубликовал в 1826 г. Г. Келер в обширной статье, специально посвященной острову Ахилла.

Вскоре на острове был установлен карантинный пост. И служившие здесь чиновники занялись любительскими раскопками. Результаты раскопок были потрясающими. В земле находили мраморные плиты с надписями, посвященными Ахиллу, большое количество монет, перстни, кольца и другие предметы. Эти находки со всей очевидностью подтверждали сведения античных авторов. Благодаря одному из энтузиастов, П. В. Соловьеву, эти находки стали поступать в музей Одесского общества истории и древностей.

В 1841 г. исследования на острове решил провести Н. Н. Мурзакевич, один из основателей Одесского общества истории и древностей. Второго июня небольшое судно «Цецилия», принадлежавшее измаильскому любителю древностей А. Сидери, под командой шкипера Панагиоти Патрикио направилось к острову. На его борту вместе с Н. Н. Мурзакевичем находились профессор естественных наук А. Д. Нордман, интересовавшийся флорой острова, художник К. Бассоли, сделавший ряд прекрасных зарисовок, П. В. Соловьев, капитан В. С. Тихонов и другие члены экспедиции.

С неописуемым трепетом и волнением ступили возбужденные исследователи на священную землю Ахилла. И тут перед их взором открылось чудовищное зрелище. На возвышенности стояли... «груды камня, сложенные в кубические сажени, и этот камень

был остаток храма Ахиллова»¹. Оказалось, что на острове начали строить маяк. И подрядчик, взявшийся за строительство, не стал затруднять себя доставкой камня с разрушающегося волнами побережья острова, а решил просто разобрать остатки храма. Как отмечает Н. Н. Мурзакевич, «этот вандализм был совершен с таким усердием, что от Ахиллова храма не осталось, как говорится, камня на камне».

Комплексная экспедиция проработала довольно успешно несколько дней. Была изучена топография местности, тщательно обследовано место, где некогда возвышался величественный храм, найдено много монет, колец, гемм, наконечников стрел, свинцовый якорь и другие интересные находки, не говоря уже об обломках амфор, чернолаковых сосудов и другой древней керамики. Результаты исследований полностью подтвердили многие сведения античных авторов об острове Ахилла.

В 1964 г. на о-ве Змеином проводились исследования под руководством Н. В. Пятышевой². Они дали много новой информации об острове. В последние годы здесь велись поиски и другие экспедиции.

В заключение хочется вкратце остановиться на одной из загадок о-ва Змеиногo, которая будоражит воображение многих интересующихся его античной историей, в особенности — аквалангистов. Она связана со сведениями об имеющихся на острове пещерах. Н. В. Пятышева, например, при описании юго-западного района острова сообщает следующее: «Во многих местах этой части острова под каменистым грунтом чувствуется пустота, что позволяет предполагать наличие карстовых пещер. Вполне вероятно, что во времена Ахиллова эти пещеры использовались как тайники-сокровищницы, куда при приближении морских пиратов жрецы прятали статуи богов и драгоценности» (с. 62—63). Периодические попытки отыскать эти пещеры пока не приносят успехов. Но это не значит, что их не было вообще. Такие пещеры вполне могли существовать и, по всей вероятности, существовали. Но они большей частью, видимо, уже разрушены в результате абразии, а сохранившиеся входы завалены оторвавшимися глыбами и обломками. И искать их следует, разумеется, учитывая более низкий уровень моря в древности.

В районе о-ва Змеиногo, как, впрочем, и в других местах Черного моря, лежит также немало затонувших в древности кораблей. Так что подводные исследования здесь могут быть результативны и в этом плане. Но их должны проводить, конечно, научные экспедиции, а не аквалангисты-любители, которые могут т о л ь к о п о м о г а т ь (и, к слову сказать, активно помогают) ученым.

Будем надеяться, что новые комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования на священном острове Ахилла откроют еще немало интересных страниц его истории.

Вдоль фракийских берегов

Ознакомившись с островом Ахилла, продолжим свой маршрут вдоль западного побережья моря. Справа по борту раскинулась обширная дельта Истра, которую довольно подробно описывают многие античные географы.

Арриан в кратком перипле дает следующее описание дельты: «От так называемого Голого устья Истра 60 стадиев до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья 40 стадиев; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарака, 60 стадиев; отсюда до пятого устья — 120, а отсюда до города Истрии — 500 стадиев» (§ 35).

В полном перипле повторяются эти же сведения и дано название пятого устья — Священное. И здесь добавлено: «Отсюда начинаются прилежащие к Понту части Фракии

¹ Мурзакевич Н. Поездка на остров Левка или Фидониси в 1841 г. // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 554.

² Пятышева Н. В. Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 г. // Тр. Гос. исторического музея. 1966. Вып. 40. С. 58-70.

и границы фракийцев. Все же раньше названные племена — варварские» (§ 93). Вслед за этим дана позаимствованная у Псевдо-Скимна общая характеристика реки: «Эта река Истр, называемая также Данубием, вытекает из западных стран и впадает в море пятью устьями; разделяясь на два русла, она течет и в Адрий. Она хорошо известна до земли кельтов и летом всегда сохраняет много воды: ибо зимой она прибавляется и пополняется выпадающими дождями и, как говорят, всегда получает притоки от снега и тающих льдов, но и летом также имеет ровное течение. В ней по слухам лежит много значительных по величине островов; из них лежащий между морем и устьями — не меньше Родоса; он называется Певкой (Сосновым) вследствие изобилия растущих на нем сосен. Затем за ним лежащий в открытом море вышеупомянутый Ахиллов остров» (§ 94).

Остановимся подробнее на древних описаниях дельты Истра. Дело в том, что античные географы указывают разное количество устьев реки: Тимагет и Аполлоний Родосский — три устья; Геродот, Эфор, Псевдо-Скимн, Дионисий, Арриан, Авиен, Клавдий, Присциан и др. — пять устьев; Плиний Старший — шесть. А Страбон, Овидий, Валерий Флакк, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей, Вибий Секвестр, Солин, Аммиан Марцеллин, Аполлинарий Сидоний и др. говорят о семи устьях.

Здесь сразу же возникает несколько вопросов. В чем причина таких расхождений? Чьи сведения верны, а чьи ошибочны? Сколько же устьев действительно имел Истр?

Современные исследователи, анализируя сведения какого-то одного из географов, отмечают эти противоречия и стараются показать, что именно «их» автор дал правильное описание дельты, а другие — допустили ошибку. Но оказалось, что такие попытки оправдать «своего» географа и обвинить «чужих» совершенно неправомерны и абсолютно беспочвенны.

Как показали комплексные историко-географические исследования, причина расхождений заключается не в ошибке того или иного античного автора, а в эволюции самой дельты. Изучение материалов геологических изысканий позволили выявить общую закономерность происшедших изменений — перемещение дельты с юга на север. Происходит это в виде постепенного отмирания южных рукавов и образования новых, северных. Таким образом основное русло реки за прошедшие 2,5 тыс. лет перекочевало от южного рукава к северному.

В наиболее ранний, период самый южный рукав реки протекал на месте современного оз. Разельм и выходил в море недалеко от города Истрии. Этот античный центр и был основан здесь именно по этой причине: греческие переселенцы обосновались непосредственно у устья Истра — этой крупной водной артерии, которая связывала их с глубинными районами Фракии. Но впоследствии этот рукав реки постепенно обмелел и стал отмирать. И уже через два-три столетия основным устьем реки стало Священное. А оно находилось, как указывает Арриан, в 500 стадиях (около 80 км) от города.

После того как основное русло реки «ушло» от Истрии, город потерял былую славу крупного торгового центра. Судходство здесь ухудшилось, гавань стала неудобной для больших кораблей. Все это, разумеется, тяжело сказалось на экономике города. В дальнейшем палеогеографические изменения, обусловленные изменением уровня моря, дальнейшим обмелением рукава, иловыми и песчаными наносами и другими факторами, привели к окончательному упадку торговли. Конечно, определенную роль в этом сыграли и военно-политические причины.

Перемещение основного русла реки наглядно прослеживается и в последующие периоды. В средние века основным устьем Дуная было Георгиевское, в XVIII—XIX вв. — Сулинское, а в настоящее время 70% стока воды проходит через Килийское устье.

Выявленная закономерность перемещения основного русла Истра открывает возможности для относительной датировки имеющихся географических описаний дельты по принципу «больше устьев — позднее источник». Отсюда следует, что наиболее ранними являются сведения о трех устьях реки. Хронологически после них идут описания пяти устьев, затем — сведения о шести устьях, а самые поздние данные указывают семь

устьев. При сравнении описаний с одинаковым количеством устьев более поздними следует считать те, в которых больше внимания уделяется северным рукавам. Изложенную схему, разумеется, нельзя использовать механически, так как здесь возможны отклонения, связанные с разным уровнем знакомства с дельтой и другими причинами.

Ознакомимся теперь с некоторыми, наиболее интересными описаниями дельты и существовавшего здесь острова Певка, который упомянут в полном перипле Арриана,

Аполлоний Родосский, описывая путешествие аргонавтов вверх по Истру, сообщает, например, следующее: «Ибо рекою Истром образуется некий остров по имени Певка, видом треугольный, широкими сторонами обращенный к берегам, а узким изгибом — к речному руслу; вокруг него разделяются два устья, из которых одно называют Наракон, а другое, крайнее — Прекрасным устьем, здесь Апсирт и колхи быстро устремились вперед; между тем аргонавты плыли вдаль у вершины острова. Дикие пастухи покинули на лугах свои многочисленные стада, из страха перед кораблями, как бы увидев зверей, выходящих из обильного чудовищами моря, ибо до сих пор не видали еще морских судов ни смешанные с фракийцами скифы, ни сигинны, ни гравкении, ни синды, живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине» (IV, 309-325).

С дельтой Истра связано и такое важное историческое событие, как переправа войск Дария во время похода на скифов. Краткие сведения об этом донес до нас Геродот: «И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл прямо к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстоянии двух дней плавания от моря, они начали строить мост у горла реки, с которого начинается разветвление устья Истра» (IV, 89). По этому мосту завоеватель ступил на скифскую землю. Этот же мост спас огромную персидскую армию от возмездия во время позорного поспешного бегства из Скифии. Эта переправа, которой традиционно пользовались и последующие столетия, находилась несколько восточнее современного с. Орловка. Здесь же переправлялся и Александр Македонский во время одного из походов на гетов.

Вот как описывает эти события Арриан в своем другом сочинении — «Поход Александра»: «Тогда Александр отвел свои суда и решил переправиться через Истр, чтобы напасть на гетов, живущих за Истром; он видел, что они во множестве собираются на берегу Истра, рассчитывая помешать его переправе (всадников у них было около 4000, а пеших воинов больше 10000). К тому же ему очень хотелось побывать на той стороне. Он сам сел на корабль, велел набить сеном меха, из которых делали палатки, и собрал тут же челноки, выдолбленные из одного дерева (их было великое множество, потому что береговое население ловит на Истре рыбу с этих челноков, ездит на них по реке друг к другу, и многие на них же занимаются разбоем). Собрав как можно больше этих челноков, он переправил на них столько войска, сколько было возможно при таких средствах переправы. Перешло с Александром тысячи полторы всадников и около 4000 пехотинцев... Александр овладел городом и всем, что оставили геты. Он велел Мелеагру и Филиппу переправить эту добычу, сам же разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу Спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться. Еще засветло он привел всех целыми и невредимыми в лагерь» (I, 3-4). Город, который был захвачен Александром, находился у современного с. Орловка.

Довольно подробное описание дельты мы находим у Страбона: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название певкинов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое Священное устье, по которому до Певки 120 стадиев плавания, на нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Тире; седьмое устье отстоит от первого почти на 300 стадиев. Между устьями-то и образуются упомянутые островки. Три устья, следующие за Священным, не велики, а остальные —

гораздо меньше Священного, но больше этих трех. Эфор называет Истр пятиустьным» (VII, 3, 15).

Такие же интересные подробные сведения приводит Плиний Старший: «Истоки его в Германии, в горной цепи Абновы, против галльского города Раврика; много миль, именуясь Данубием, он протекает среди бесчисленных народов по ту сторону Альп, пополняясь огромным количеством вод; как только он приближается к Иллирку, получает название Истр; в него впадают 60 рек, причем половина из них судоходные; в Понт он впадает шестью обширными рукавами. Первое устье Певкийское, сразу же за ним находится и сам остров Певка, а на нем ближайшее русло, именуемое Священным, через 19 миль поглощается большим болотом. Из того же русла выше Истрополя образуется озеро окружностью в 63 мили; его называют Гальмирида. Второе устье Истра именуется Наракустома, третье — Калонстома близ Сарматского острова, четвертое — Псевдостома, затем остров Конопон Диабасис, затем устья Борионстома и Псилонстома. Все эти рукава, каждый в отдельности, настолько велики, что, как передают, они преодолевают море и на расстоянии 40 миль и там чувствуется пресная струя» (IV, 79).

Остановим свое внимание на самом острове Певка. Сопоставительный анализ имеющихся описаний в хронологическом порядке показывает, что ранние источники называют Певкой всю дельту Истра, этот огромный остров, разделенный протоками на несколько отдельных островов, а более поздние географы относят это название к наибольшему из дельтовых островов, расположенному между Священным и Наракским устьями.

Интересен вопрос о его названии. Согласно легенде, остров назван именем сарматской нимфы Певки. Влюбленный в нее Истр захватил ее в пещере и превратил в остров.

Этот остров был вполне пригоден для жилья, имел свои преимущества и поэтому его заселили бастарны, которые стали называться певкинами. В этом плане важно отметить, что в схолиях к известному римскому поэту Лукану, племяннику философа Сенеки (III, 202) и в «Описании мира» Юлия Гонория (A, 24) Певка именуется городом. Видимо, здесь существовало довольно крупное поселение, можно сказать, городской центр.

Такое основательное и долговременное обитание на острове не должно вызывать удивлений. Разумеется, в бытовом плане островитяне испытывали определенные неудобства: сырость, обилие комаров, змей, нередкие наводнения и т. д. Но здесь были плодородные земли, богатые пастбища, охотничьи угодья, прекрасные условия для рыболовства. А главное преимущество — почти полная безопасность. За водной преградой на острове можно было жить намного спокойнее, чем на материке. Ради этого спокойствия можно было поступиться некоторыми жизненными неудобствами, особенно в то тревожное время. О том, насколько тревожной была обстановка в тех районах, можно судить по словам Страбона о трудном положении гетов и трибаллов, которые «принуждены совершать переселения, вследствие того что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее *островах* (курсив мой.— М. А.), или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13).

С островом Певка связано одно из военных предприятий Александра Македонского, закончившееся для великого полководца неудачно. Речь идет о его попытке захватить этот остров. Как сообщает Страбон, «Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом, вторгшись в землю трибаллов и увидев, что их область простирается до Истра и находящегося на нем острова Певка, а за рекой живут геты, дошел, как говорят, до берега реки; вследствие недостатка в судах он не мог высадиться на остров, тем более что туда бежал царь трибаллов Сирм и оказал сопротивление этому предприятию» (VII, 3, 8).

Более подробно эти события излагает Арриан в уже указанном сочинении «Поход Александра»: «Сирм, царь трибаллов, давно зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибаллов к Истру, велел им переправиться на один из островов на Истре. Остров этот назывался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибаллами; туда же бежал со своими и царь Сирм... Это самая большая из европейских рек; она протекает через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них племена кельтские; в их земле Истр и берет свое начало. У самых истоков его живут квады и макоманны, потом языги, племя савроматов и потом скифы — до самого устья, до того места, где пятью рукавами Истр впадает в Эвксинское море. На Истре он (Александр.— *М. А.*) застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Эвксинскому морю и по реке. Посадив в них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибаллы, и попытался высадиться, но всюду, где ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно» (I, 2—3). Так, благодаря Певке фракийцы и трибаллы избежали поражения, а Александр Македонский потерпел неудачу.

Ознакомившись с дельтой Истра и островом Певка, перейдем теперь к дальнейшему описанию фракийского побережья. Подробные сведения о существовавших здесь античных городах, об их исследованиях можно найти в обширной специальной и научно-популярной литературе. Поэтому здесь мы ограничимся только конкретным рассмотрением сведений, приведенных в кратком и полном периплахе Арриана и сжатой, самой общей характеристикой этого региона.

После довольно подробного изложения сведений об острове Белом и дельте Истра язык Арриана становится сухим и лаконичным. В кратком перипле читаем следующее: «Отсюда до города Истра 500 стадиев. Отсюда до города Томея 300 стадиев, а от города Томея до города Каллатии еще 300; здесь есть стоянка для кораблей. Отсюда до гавани карийцев 180; и земля, лежащая вокруг гавани, называется Карией. От гавани карийцев до Тетрисиады 120 стадиев; отсюда до безлюдной местности Бизоны 60 стадиев. От Бизоны до Дионисополя 80 стадиев; отсюда до Одесса — 200; здесь есть корабельная стоянка» (§ 35).

В полной редакции автор практически повторяет эти сведения и добавляет при этом небольшие отрывки из периегесы Псевдо-Скимна о времени основания упоминаемых городов и некоторых других, незначительных фактах.

Таким образом, сведения перипла сводятся в основном к перечислению существовавших здесь городов и указанию расстояний между ними. Так же кратко описывает район и Страбон: «Итак, если идти от Священного устья Истра, держась неизменно правой стороны, вдоль побережья материка, то в 500 стадиях будет городок Истр, основанный милетцами; затем в 250 стадиях от него — другой городок Томи, потом город Каллатии в 280 стадиях, колония гераклейцев; далее Аполлония в 1300 стадиях, колония милетцев. Большая часть этого города лежит на одном островке, где находится святилище Аполлона, откуда Марк Лукулл увез огромную статую Аполлона, произведение Каламида, и поставил в Капитолии. Между Каллатием и Аполлонией расположены Бизона, большая часть которой поглощена землетрясением, Крупы, Одесс, полония милетцев, и Навлох, городок месембриев» (VII, 6, 1).

О городе Истрии уже шла речь выше. Следующий город, Томы, находился на месте современной Констанцы. Здесь, как известно, умер в ссылке знаменитый поэт Овидий. С Каллатисом мы коротко познакомились в одной из предыдущих глав при рассказе о «черноморском треугольнике». Гавань карийцев находилась у современного мыса Шабла. Как свидетельствует ее название, она была основана карийцами, которые жили на побережье Малой Азии, недалеко от Милета. Тетрисиада, или Тиризис в полном перипле,

локализируются у современного мыса Калиакра (т. е. Прекрасный мыс). Уничтоженный землетрясением город Бизона находился на месте современной Каверны. Город Круны—Дионисополь был там, где сегодня раскинулся известный курорт Балчик. Одесс, крупный античный центр Западного Причерноморья, находился, как уже говорилось, на территории современной Варны. Напомню, что это второй город с таким названием. Первый Одесс был расположен, как отмечалось ранее, у устья Тилигульского лимана.

Далее Арриан сообщает в кратком перипле: «От Одесса до подгорий Гема, простирающихся до Понта, 360 стадиев; здесь есть и корабельная стоянка. От Гема до города Месембрии 90 стадиев; корабельная стоянка. От Месембрии до города Анхиала 70 стадиев, а от Анхиала до Аполлонии — 180... От Аполлонии до Херсонеса 60 стадиев; тут корабельная стоянка. От Херсонеса до Авлеевой стены 250 стадиев, а отсюда до берега Тиниады - 120.

От Тиниады до Салмидесса 200 стадиев... От Салмидесса до Фригик 330 стадиев, а отсюда до Кианей — 320. Это те самые Кианей, о которых поэты говорят, что некогда они были блуждающими и будто первым прошел между ними корабль Арго, который привез Ясона к колхам. От Кианей до святилища Зевса Урия, где устье Понта, 40 стадиев. Отсюда 40 стадиев до гавани так называемой Неистойой Дафны, а от Дафны до Византия — 80. Вот что находится на пути от Киммерийского Боспора до Фракийского Боспора и города Византия» (§36-37).

А в полном перипле Арриан, как и в предыдущем отрывке от Истра до Одесса, в основном повторяет эти сведения и добавляет другие из сочинения Псевдо-Скимна, Сведения Арриана необходимо сопоставить с описанием этого участка Страбона. Географ пишет следующее: «Далее следует гора Гем, простирающаяся до здешнего моря; затем Месембрия — колония мегарцев, прежде Менебрия (т. е. Менаполь, так как его основателем был Мена; „бриас" же по-фракийски означает „город"), потом следуют городок Анхиала, принадлежащий аполло-нийцам, и сама Аполлония. На этом побережье лежит мыс Тиризис — место, укрепленное самой природой, которое служило некогда Лисимаху казнохранилищем. От Аполлонии до Кианеев опять около 1500 стадиев, а в промежутке находятся Финиада — местность, принадлежащая аполлонийцам (Анхиалой также владели аполлонийцы), а также Финополь и Андриака, примыкающие к Салмидессу. Салмидесс — это пустынный, каменистый морской берег, без гаваней, широко открытый северным ветрам; он тянется почти на 700 стадиев в длину до Кианеев; потерпевших здесь кораблекрушение грабят асты — одно из фракийских племен, живущих над этим берегом. Кианей — это островки, лежащие при входе в Понт: один ближе к Европе, а другой — к Азии» (VII, 6, 1).

Сравнение этих описаний показывает, что одним из источников Арриана пользовался также и Страбон, который сократил его, округлил имеющиеся цифры, как обычно, а затем скомпилировал с другими данными. Арриан, по всей видимости, сократил этот источник еще больше, чем Страбон, но при этом строго сохранил промежуточные расстояния между указанными пунктами. Таким образом, их тексты взаимно дополняют друг друга, воссоздавая обрывки не дошедшего до нас географического сочинения.

Следует отметить, что некоторые из названных здесь пунктов в несколько искаженном виде сохранили свое название до сих пор. Гем — это современный мыс Эмине. Город Месембрия — ныне Несебыр.

Несколько слов об Аполлонии. Этот крупный античный город находился на месте нынешнего Созополя. Выгодное географическое и военно-стратегическое положение способствовало его быстрому экономическому развитию и процветанию. Аполлония занимала ведущее положение в округе и была важным торгово-экономическим центром.

Салмидесс, как уже говорилось, был печально известен пиратскими разбоями жителей побережья. Сообщение Страбона об этом ярко дополняет Ксенофонт в своем сочинении «Анабасис»: «Здесь многие из плывущих по Понту кораблей садятся на мель, их прибывает затем к берегу, так как море тут на большом протяжении мелководно.

Фракийские племена, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них... Там нашли много кроватей, сундуков, книг и других вещей, которые моряки обычно перевозят в деревянных ящиках» (VII, 5).

На этом Арриан в кратком перипле заканчивает свое изложение. В полном же перипле он дает в заключение некоторые итоговые цифры: «Всего от Священного устья реки Истра до святилища Зевса Урия, или устья Понта, 3640 стадиев, 485 $\frac{1}{3}$ мили. От реки Борисфена, называемой также Данаприем, до святилища Зевса Урия 5600 стадиев, 746 $\frac{2}{3}$ мили. От Херсона до святилища Зевса Урия 8900 стадиев, 1186 $\frac{2}{3}$ мили. От деревни Портмии, лежащей на краю европейских частей Понта, на устье Меотийского озера или так называемого Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11100 стадиев, 1480 миль.

Говорят, что путь вдоль европейских берегов Понта равен объезду азиатских частей Понтийского моря.

От святилища Зевса Урия до Амиса 4660 стадиев, 621 $\frac{1}{3}$ мили; от Амиса до реки Фасиса 3802 стадия, 507 миль; от реки Фасиса до устья Меотийского озера, или Ахиллова селения, 4025 стадиев, 536 $\frac{2}{3}$ мили; так что выходит, от святилища Зевса Урия до устья Меотиды 12487 стадиев, 1665 миль.

В общем итоге весь объезд Эвксинского Понта, т. е. правых частей Понта вдоль Азии и левых частей Понта вдоль Европы, от святилища Зевса Урия составляет 23587 стадиев, 3145 миль.

Кроме того, объезд Меотийского озера составляет 9000 стадиев, 1200 миль» (§ 117-118).

Эти итоговые расстояния названных участков понтийского побережья автор полного перипла подсчитал сам. Они представляют собой сумму промежуточных расстояний, которые в отдельных случаях, как мы не раз уже убеждались, расходятся с данными краткого перипла и взяты из разных источников.

Приведенные цифры дают возможность проверить конкретные описания и обнаружить имеющиеся в тексте пропуски. Об одном из них, в результате которого на пути от Херсонеса к Ольвии «недостает» 300 стадиев, уже шла речь. Кроме того, выявляются некоторые мелкие неточности.

Итак, мы вместе с автором рассматриваемого перипла совершили круговое плавание по Понту Эвксинскому от святилища Зевса Урия и вновь вернулись к этому пункту. Теперь на основе сделанных наблюдений, сопоставлений и всестороннего анализа имеющихся данных подведем некоторые итоги.

Заключение

Приведенные в этой книге сведения по античной географии Черного моря, о мореплавателях той эпохи, древних городах и поселениях, о племенах, населяющих земли Причерноморья позволяют сделать ряд важных выводов.

Один из них касается вопроса об авторстве перипла Черного моря. Детальное изучение имеющихся данных приводит нас к выводу о том, что перипл Арриана и так называемый перипл Анонимного автора (перипл Псевдо-Арриана) — это не два разных произведения, а краткая и полная редакции сочинения Арриана. Обе редакции выполнены самим Аррианом. Краткая была составлена как отчет императору Адриану об инспекционном плавании в восточной части Понта Эвксинского. Затем этот текст был дополнен и расширен, в результате чего появилась полная редакция.

Перипл Арриана — одно из наиболее полных, обобщающих античных произведений о побережье Черного моря. Это интереснейшее сочинение содержит еще немало загадок, интересных проблем и нерешенных вопросов. В нем еще много дополнительной, «скрытой» информации, которую можно выявить путем дальнейшего

сопоставительного анализа с другими античными трудами. Эти ценнейшие сведения далеко не полностью использованы для решения важных вопросов древней истории Причерноморья.

Стоящие задачи могут быть решены только в результате дальнейшего комплексного изучения письменных, археологических, палеогеографических и других данных. Здесь необходимы целенаправленные планомерные полевые и подводные работы. Исследования в этом направлении наталкиваются на ряд серьезных трудностей. Дело в том, что проблемы античной географии выпадают из круга традиционной научной тематики. Этими вопросами лишь время от времени занимаются только отдельные ученые. Для дальнейшей плодотворной работы необходимо создать специальный отдел, который объединил бы усилия различных специалистов в области историко-археологических и геолого-географических дисциплин. Комплексная разработка стоящих проблем, четкое планирование и координация исследований значительно подняли бы уровень развития этой интереснейшей области науки.

Десятки античных городов и поселений частично или полностью находятся под водой. Для их поисков и изучения необходимы подводные исследования. Но подводная археология развивается крайне медленными темпами и в очень скромных масштабах. Между тем важность и перспективы этого направления очевидны и не вызывают никаких сомнений специалистов. Для дальнейшего развития подводных историко-археологических исследований также необходимо создание специального отдела.

Комплексные работы приносят также новые важные данные для геолого-географических наук. Полученные результаты дают возможность полнее и детальнее понять процессы повышения уровня моря, опускания суши, разрушения берегов, накопления осадков, изменения берегов, перемещения устьев рек, образования лиманов, озер, изменения климата, окружающего ландшафта и др.

Планомерные комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования, несомненно, приведут к новым интересным открытиям, помогут разгадать многие тайны античной истории и географии Причерноморья.

Список сокращений

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 СА — Советская археология

Михаил Васильевич Агбунов АНТИЧНАЯ ЛОЦИЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства В. С. Ванип

Художник С. А. Резников

Художественный редактор

В. Ю. Кученков

Технический редактор Т. Е. Жарикова

Корректоры Л. Д. Изотова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 35547
Сдано в набор 12.08.86
Подписано к печати 10.12.88
Т-23439. Формат 84X108 ¹/₃₂
Бумага книжно-журнальная. Импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр. отт. 8,82
Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 64 000 экз
Тип. зак. 2894. Цена 60 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва
В-485 Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6